

Голоса над Печорой

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

А. В. Афанасьев, Т. С. Канева

Голоса над Печорой

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ АНТОЛОГИЯ
УСТЬ-ЦИЛЕМСКОГО ФОЛЬКЛора

Москва 2020

УДК 398
ББК 82.3 (2Рос=Рус)
А94

А94 **Голоса над Печорой** / Авторы-составители А.В. Афанасьев, Т.С. Канева. – М.; Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. – 288 с., ил.

ISBN 978-5-6044652-4-0

Издание посвящено одному из уголков севернорусской культуры – Усть-Цильме (бассейн реки Печоры), красоте ее природы, людей и устно-поэтической традиции. Основу изобразительного ряда составили фотоснимки, выполненные А.В. Афанасьевым в поездках по Усть-Цилемскому району начиная с 2010 г. Источниками фольклорных текстов и устных рассказов послужили опубликованные и архивные материалы, собранные в XX–XXI вв., из 180 текстов 73 публикуются впервые.

Предназначено для исследователей и почитателей Русского Севера.

ISBN 978-5-6044652-4-0

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2020

© А.В. Афанасьев, Т.С. Канева (авт.-сост.), 2020

© А.В. Афанасьев (фото), 2020

Содержание

Голоса над Печорой: вступление	4
ПРО СТАРОЕ СКАЗАТЬ ДА ПРО БЫВАЛОЕ	6
ПО ОТЦОВЫМ СКАЗКАМ	30
СО СТРАХОМ, БРАТИЕ, ПОСЛУШАЕМ	66
НЕ ПРЕВЫПЛАКАТЬ, НЕ ПРЕВЫСКАЗАТЬ	96
ГОВОРОК-ЯЗЫК	124
ВОТ ТАК ИСПОКОН ВЕКОВ ИДЁТ	156
РАНЬШЕ БО́ЛЕ ЧУДЕСОВ БЫЛО	196
ЗАПЕВАЙ-КО СЕ, МОЯ ЛЮБЕЗНÁЯ	230
Примечания к текстам	270
Примечания к фотоснимкам	281
Словарь диалектных слов	282
Сокращения	286

Голоса над Печорой

*...Твои мне песни ветровые, –
Как слезы первые любви!*

Александр Блок

На Севере, на краю Великой русской равнины, где Печора делает крутой поворот и устремляется к Ледовитому океану, стоит село Усть-Цильма. Здесь, на Печоре и ее притоках – Пижме, Цильме и Нерице – с XVI века складывался цивилизационный очаг, связанный со всей русской стариной, с ее былинами и песнями, житейскими традициями. Своеобразие усть-цилемской культуре придали мощные миграционные волны старообрядцев, скрывавшихся от крепостной и духовной неволи. Устное предание, рукописная книга, икона жили здесь в безбрежном потоке свободного крестьянского творчества.

Предприимчивые, бесстрашные, нравственные устьцилемы, навывшие мыслить планетарными категориями и нести вселенский крест, оказались прекрасно подготовленными к вызовам XX века. Здесь Советская Родина находила своих героев и создателей.

Всякий, кто посетит Усть-Цильму, не забудет ее. Свет белых ночей, костры Петровщины, самоцветье «горки»... Красота здешних мест и людей покоряет. Общась с устьцилемами, вслушиваясь в их свободную речь, представляешь, как веками над печорскими просторами звучали богатырские песни. Таинственные предания слышатся путешественнику по далеким лесным местам, где все напоминает о трудном и красивом прошлом.

Из множества произведений, записанных на усть-цилемской земле несколькими поколениями собирателей, мы выбрали, на наш взгляд, наиболее выразительное в разных жанрах. Свой выбор мы сопроводили фотоснимками, которые в некоторых случаях представляют собой иллюстрации к текстам, в других связаны с ними ассоциативно. Вос-

приятие фольклора, уходящего корнями в незнакомую большинству современных людей культуру, непростое дело. Фотографии помогут погрузиться в атмосферу места, где звучало «своедельное» народное слово.

Публикуемые нами произведения усть-цилемского фольклора и устные рассказы сгруппированы преимущественно по жанрово-тематическому принципу. В раздел «Про старое сказать да про бывалое» вошли сюжеты музыкально-поэтического эпоса (былины – старины, баллада, эпическая песня). Раздел «По отцовым сказкам» составили нарративы историко-легендарного характера, отражающие восприятие устьцилемами прошлого страны и края. В разделе «Со страхом, братие, послушаем» ведущей стала тема отношений «человек – Бог», развившаяся в духовных стихах, молитвах, легендах и притчах. Образцы усть-цилемских причитаний (или причетов, плачей, голошений) представлены в разделе «Не превыплакать да не превысказать». Раздел «Говорок-язык» объединил речения, загадки, детский фольклор, небылицу и сказку. Некоторые усть-цилемские календарно-магические практики и поверья отражены в разделе «Вот так испокон веков идёт». Отношения человека с представителями мира духов и демонов раскрываются в мифологических рассказах и поверьях в разделе «Раньше бóле чудесов было». В разделе «Запевай-ко се, моя любезная» публикуются протяжные и игровые песни и частушки. Названия разделов дали цитаты из фольклорных текстов, и в своем большинстве они связаны с заглавной темой издания – с темой устного слова, говорения-сказывания, пения, оплакивания, слушания.

В одном издании невозможно раскрыть всю полноту тем, жанров и сюжетов фольклорного богатства Усть-Цильмы, и авторы не ставили перед собой такую цель. Мы стремились показать многообразие народно-поэтической культуры края, отраженные в ней особенности взглядов, обычаев и характера устьцилемов – свободолюбивых тружеников России. Источниками 180 избранных текстов, записанных в период с 1902 по 2019 гг., послужили как опубликованные, так и архивные материалы. Впервые увидят свет 73 текста, в большинстве – из аудиофонда Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина (в их числе – записанные авторами этого альбома-антологии) и несколько рукописных записей – из архива кафедры фольклора МГУ. Ранее изданные тексты приводятся непосредственно по печатному источнику; в редких случаях авторы адаптировали их к восприятию читателя, в частности, упростили подачу протяжных песен, отказавшись от словообрывов и повторов. В прозаических текстах опущены некоторые повторения, незначительные фразы, вопросы собирателей. В целом же мы постарались быть бережными к народному языку и в расшифровках аудиозаписей стремились наиболее адекватно передать особенности звучания фольклорного и просторечного слова.

Авторы благодарят доктора филологических наук, профессора СГУ им. Питирима Сорокина Ирину Арнольдовну Кобелеву за консультации при подготовке словаря диалектных слов. Свою глубокую признательность авторы выражают жителям Усть-Цилемского района за их помощь и поддержку.

Соединяя фотографию и фольклор, надеемся, что читатель сможет ощутить себя в краю устьцилемов и услышать их голоса. Голоса над Печорой.

А. Афанасьев, Т. Канева

A scenic landscape photograph featuring a dense forest of tall, dark green evergreen trees in the foreground. In the background, a wide body of water, likely a lake or river, stretches across the horizon. The sky is filled with heavy, grey clouds, suggesting an overcast day. The overall mood is serene and somewhat somber due to the weather.

Про старое сказать
да про бывалое...

Голубиная книга

А на ту-де на матушку Савор-гору
Выпадала ведь книга голубиная.
Не велика ле книжица, не малая,
Во долготу она была да как цела сажень,
Как цела-де сажень была печатная,
Во толщину-то ле книжица три четверти,
В ширину-то ле книжица сорок локоть.
А на ту-де на славу на великую,
Собиралисе тут да сокоплелися,
Как цитать эту книгу голубиную,
Во-первых, тут цитал да как Давыд-пророк,
Во-вторых, тут цитал да как Исай-пророк,
Во-третьих, тут цитал да как Солóман-царь.
А хотели прочесть да книгу голубиную,
А цитать они хотели кабы три ведь дня,
Прочитать они хотели с доски на доску,
А потом процитали да книгу три года,
А цитали они да у ей три листа.
Кабы цё об цём книга была написана?
От цего тут зацялся вольной белой свет?
От цего зацялось да сонцо красное?
От цего-де зацялся блад месяц?
От цего зацялись да звезды цястыя?
От цего разлились да моря синия?
От цего-де пошли да много множесво,
А по тим по морям да как по синиим,
Расходились по морям да как морски звери,
Во морях появились как больши киты?
На китах да земля была основана.
И прошло тут ле время, прокатилося,
Узнавать стали народ да от цего-цего:
От цего-де зацялся вольной белой свет?
От цего-де зацялось красно солнышко?
Да зацялся белой свет от Воспода,
Красно солнышко зацялось да из оцей Его.
От цего-де зацялся блад светел месяц?
Блад светел месяц зацялся от ушей Его.
Звёзды цясты зацялись да как от рук Его.
От цего залялась вся поселенная?
Как от Суса Христа да от распятого,
Сотворил-де Господь да Царь Небёсной свет,
Он и небо сотворил, он и землю всю,
А вси тут моря да большосинии,
А и вси тут карабли, морски звери,
Кабы всё сотворил Господь Небёсной свет;
А земля мати основана на трёх китах,
Сотворил ей Господь да Исус Христос.

Егорий и змея

А Содом-де Гомор да сквозь землю просел,
На Рохлинско царсво Бог прогневался,
Он спустил-де змею да лютоенницу.
Собиралисе тут да сокоплелисе
Кабы сорок царей да сорок королей,
А метали они жеребьи таволженыя,
А кому как идти да ко синю морю,
Ко синю-де морю да ко лютой змеи,
Ко лютой-де змеи да на съеденьицо,
На съеденьице идти да на прожороньице.
Доставалося тут да самому царю,
Самому-де царю да как епископу.
Как пошёл-де епископ запечалилса,
Запечалилса пошёл, да закручинилса.
Повеся он дёржит да буйну голову,
Потупя свои дёржит да оци глупыя,
Он во матушку дёржит да во сыру землю.
А завидела его да молода жона,
Молодая жона, его любя семья.
«Уже што же, Огафей, так запечалилса,
Уже што же, Александрович, закручинилса?
Повеся свою дёржишь да буйну голову,
Потопя ты дёржишь да оци глупыя,
Ты во мать дёржишь, да во сыру землю?
У нас есь ведь с тобой кем заменитисе,
У нас есь ведь Олександра Огафьевна,
Не любо она дитя нам, не мило цядо,
Она не нашу как веру с тобой веруёт».
Кабы тут Огафей нынь развеселой стал,
Он пошел к Олександры Огафьевной.
А жила Олександра в особой хижине,
Приходил Огафей Александрович:
«Ты ставай, Олександра, по утру ранёшинько,
Умывайся ты, Олександра, белёшинько,
А срежайся, Олександра, хорошешинько,
Я за руського просватал тебя за крещеного».
Кабы тут Олександра взрадовалася,
А вставала по утру она ранёшинько,
Умывалась Олександра-та белёшинько,
А сряжалась Олександра хорошешинько,
Она села к окошечку косявчату.
Тут приехал детинушко молоденькой,
Он на том ли жеребчике учёноём,
На телеге приехал красно-серчатой,
Заходил он Олександры Огафьевной.
«А поедем, Олександра Огафьевна, ко синю морю,
Ко синю морю с тобой, да ко лютой змеи,
Ко лютой змеи поедём на съеденьицо,
На съеденьицо поедем на прожороньицо».
Тут и слёзно Олександра как расплакалась,
Помолилась она Спасу Содоржителю,
А затим-де Миколы-де Светителю,
А светому Егорью, свету-храброму.
Он привёз Олександру ко синю морю,
Ко синю морю, да ко лютой змеи,
Ко лютой он змеи да на съеденьицо,
На съеденьицо ей, на прожороньицо,
Он оставил Олександру край синя моря.

Она сидела тут из утра день,
Она из утра сидела до вечера,
А сидела она, слёзно плакала.
А завидела Олександра Огафьевна
Кабы едет Егорий светы-храбрыя,
А на том на своём да кони белоём.
Он приехал к Олександры Огафьевной,
Он соскакивал Егорей со добра коня,
А садилса Егорей да с ею ведь в ряд,
А сказал Олександры Огафьевной:
«Я ведь ехал суда да ровно триста вёрст,
А топере, Олександра, кабы спать хоцю;
Кабы солнцо-то станёт закататисе,
Кабы синё-то море колыбатисе,
А люта станет змея приближатисе,
Ты топере, Олександра, разбуди меня».
Кабы день-от прошел да до вечера,
Красно солнцо стало закататисе,
Кабы синё-то море колыбатисе,
А лютая змея стала приближатисе,
Кабы будит Олександра Егорья Храброго,
А Егорей спит, будто порог шумит,
Она будила Егорья, крепко кликала.
Говорит-то змея да руським языком:
«Я давно как змея да голодна была,
А топериця змея нынче сыта буду:
Кабы две головы да человечески,
Кабы третья глава да лошадинная».
А всё тут Егорей не пробужаитсе,
Кабы слёзно Олександра тут расплакалась,
Кабы пала ей слеза ему да на лицо
А топере как Егорей пробудилса тут,
Оградил он люту змею светым крестом,
Он ударил змею да он вострым копьём:
«Уж ты ой есь, люта змея троеглавная,
Уж ты быть как, змея, да кротка-смирная!
Ты возьми, Олександра, как люту змею,
А вяжи ты люту змею на свой поес,
Ты веди ей во царсво во Рахлинское».
Олександра повела змею во царсво во Рахлинское.
Как завидели во царсве во Рахлинскоём,
А ведёт Олександра змею лютую,
А светой-от Егорей, он взади едёт.
Как завидели во царсве во Рахлинскоём,
Разбежались по сараям, всё по дымникам,
Осталы бросились во темны леса.
Говорит тут Егорей светы-храбрыя:
«Уж вы станите-ли веру нынче веровать
Самому бы Христу, Богу роспятому,
Я люту змею поперёк копьём сколю;
Вы не станете веру царю веровать,
Я лютую змею да спущу на вас,
Кабы весь народ тут змея зглотат, приес,
А зажарит тут жалом всех змеинным».
Кабы вси ведь тут да согласилисе,
Кабы веровать в Царя-Бога роспятого.
А Егорей светы Храбрыя копьём сколол,
Он копьём сколол тогда змею да лютоенницу.

Стихъ Алексію
члкъ Бжїю.

Какъ во славному во римскомъ
во царствїи.

Жилъ богатый князь
Еримаане.

Оубогатого оукназа Еримаана.

Не было ни сына и не щери.

Да охвочь былъ князь въ
церковъ ходити;

Да охвочь былъ онъ бгу
молитса.

Да просилъ онъ оу гда
сына.

Да оуслышалъ бгъ мтву
Еримаана.

Да зародила княгиня его
сына.

Алексей человек Божий

У той во городи-то было во Киеви,
Уж как жил там был да Ефимьян да князь богатый
Со своей женой да со Опраксийей.
У их не было не сына да и не дочери.
Они стали молиться да Восподу Богу,
Чтоб послал бы им Господь сына ле бы дочь.
И послал Господь им сына.
Нарекли ево да Оликсеём.
Они ростили ево до двадцати годов,
Тут и вздумали они ево женити.
Не хотел Оликсей да как жанитисе,
Но не смел прогневить родных родителей.
Тут и стали они свадьбу собирать,
Людей со всех краей да со всех областей,
Они сделали ему свадьбу широкою.
Повели потом да во спачелиню спать.
Он и стал свою кнегиню да упрашивать,
Он и стал кнегиню да уговаривать:
«Я не легу с тобой да ночку спати,
Я не буду с тобой осенню да коротати,
Я пойду лучше да во Божью церковь Богу молитисе».
Тут и стала кнегиня ево упрашивать,
Тут и стала кнегиня да уговаривать:
«Не ходи ты, Оликсей, да во Божью церкву Богу молитисе.
Мы не так будём жить с тобой да уж как муж с женой,
Мы ведь так будём жить с тобой да уж как брат с сестрой».
«Уж как брату с сестрой не подобает жить,
Уж как мужу с женой да не спасти душа.
(*Душу хотел спасти*)
Я пойду во Божью церкву Богу молитисе».
Тут и стал Оликсей да снаряжатисе,
Тут и стал Оликсей да собиратисе.
Он и стал дарить да ей злачён перстень:
«Заберёт тебя тоска-кручинушка,
Ты наложь на руку етот злачён перстень».
Он и стал дарить да ей шёлков поес:
«Заберёт ишче тоска-кручинушка,
Завежи кругом себя шелков поес».
Тут пошёл Оликсей да из палат из каменных он на улицу,
Поклонилсе на все чатыре стороны,
Проводила ево да молода кнежна,
И пошел Оликсей да ко синю морю,
Там стоял его да ждал корабличёк.
И зашёл на тот да на корабличёк,
Повезли ево да за синё морё.
Он ходил молилсе там да по Божьим церквам,
Он молилсе там да ровно тридцет лет.
Прогласил потом да ему голос с небеси:

«Тебе будёт, Оликсей, Богу молитисе,
Уж твоя душа да как спасёная».
«Неужели моя мольба Богу доходная?»
Он ишче молилсе да ровно три года,
И опять ему да прогласил голос с небеси:
«Тебе будёт, Оликсей, Богу молитисе,
Тебя розысыкивают родны родители,
Тебя розысыкиват да молода кнежна».
Пошёл Оликсей да из Божьей церкви
он на улицу,
Поклонилсе на все чатыре стороны
И пошёл опять да ко синю морю,
Там стоял ево да ждал корабличёк,
Повезли ево да в стольной Киев-град.
Розыскал Оликсей отцовски палаты каменны,
Он пришёл-зашёл да не сказалсе им,
Он ведь так сказал, что я вашего сына видел,
Уж я жил я с им да в одной келейки,
С одного стола да пили-ели мы.
И построили да ему келейку,
И поставили ему слуг за им ухаживать.
Уж как слуги-ти были неверныи,
Что готовили ему, они то не приносили ему,
Они то носили, что свиньям готовили.
Он недолго жил да и приставилсе.
Написал таку да письму-грамотку:
«Я ведь ваш был сын да Оликсеюшко».
Тут увидели слуги неверныи,
Донесли-пошли кнезю Владимиру:
«Уж как ваш-от старец приставилсе».
Тут расплакались родны родители.
Никому эта грамотка да не даваласе,
Она далась только отцу-родителю.
Тут и плакать стали родны родители,
Тут расплакалась да молода кнежна.
«Ты пошто ведь, чадо, да не сказалосе!
Ты пошто нам, мило, не доложилосье!
Мы бы построили тебе палаты каменны».
И поносить стали да хоронить ево.
Собралось людей да ишче множество
Уж со всех краей да со всех областей.
Тут и стали сыпать золоту казну.
Уж нехто не брал да золотой казны,
Только все ведь шли да проводить ево
да во последьней путь.
Хто незрячей был – да тот с глазами стал,
Хто безрукий был – да тот с руками стал,
Хто безногий был – да тот с ногами стал.

Застава богатырская

...*Н*а зацине-то было светла деницька,
На зори-то тут было да ноньце на утренной,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут ставаёт старой да Илья Муромець,
Илья Муромец ставаёт да сын Ивановиць,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
А ставаёт да он нонь перед Господом,
А молитсе он да Господу Богу,
А крест-от кладёт да по-писанному,
А поклон-от ведёт да как ведь водитсе,
А молитву творит полну Исусову.
Сам надёрнул сапожки на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечё,
Да пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да выходит старой да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на вси стороны:
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да гледел он под сторону под западну —
Да стоят там да леса тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледены горы;
Да смотрел он под сторону в полуночю —
Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кулигово.
В копти-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатайтсе,
Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
А богатырь ле там едёт, да потешаетсе...

Сорок калик

От озера было от Мыслева,
Из того монастыря Артемьева,
Собирались калики перехожие,
Перехожи калики, добры молодцы,
Сорок калик со каликою,
Выходили на поле на чистое,
Але на поле калики да становилися,
Клюки-посохи они да порастыкали,
А бершатые-те сумочки развешали.
Собиралось их, калик, да добрых молодцов,
А сорок калик да со каликою.
Але клали они да тежел залог,
А тежел-де залог, да большу заповедь великую:
«А пойдём собирать мы милостыню
Ради Христа, царя небесного,
А и кто из нас, братцы, заворуется,
Але кто из нас заблудется,
А и кто из нас пойдет за бабьем-прелесью —
Не князем судить нас Владимиром,
А своим судом, судом калическим:
Закопать молодца по грудей в землю,
Положить у него-де руки по пяты,
Говорок-язык да вынеть назад теменём,
Ретиво сердцо промеж два плеча,

Очи ясные вынеть да вон косичами».
Положили они залог, велику заповедь,
Помолилися калики, положили за плечи сумочки,
А оттуль они вперед пошли и отправились.
А идут они по полю по чистому,
Им навстречу едет солнышко Владимир-князь,
Говорит им солнышко Владимир-князь:
«Уж вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово ле, да ясны соколы,
А далеко ле у вас нончи путь лежит?»
Говорят князю калики перехожие:
«Уж ты здравствуй, солнышко Владимир-князь,
Мы идем нончи от озера Мыслева,
Из того монастыря Артемьева,
Уж пошли мы до града до Киева,
А проходим, быват, мы до Чернигова,
Попросить милостыню ради Христа, царя небеснаго».
Говорит-то им солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой еси, калики, добры молодцы!
У меня с собой да не случилось,
Не случилось с собой, не пригодилося
А не хлебной милостыни, не денежной,
Уж зайдите вы домой да во высок терем,
Уж к моей, значит, княгини да мать Апраксии,

На попу́тье она накормит всех,
А кому понадобится, с собой положит».
Кабы тут калики распростились,
Распростились со князем со Владимиром.
А поехал-де солнышко Владимир-князь,
А пошли-де калики перехожие,
Приходили ко городу ко Киеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Заходили в гриню да во столовую,
А молились они да Восподу Богу,
Але кресты они кладут да по-писа́ному,
А поклоны-те ведут да по-уче́ному,
А молитву творят полну Сусову,
На вси стороны калики да низко кланялись,
Уж княгини они да особицу.
Говорит им княгина да мать Апраксия:
«Уж вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
Приходите-де, пожалуй, да ясны соколы,
Вы откуль-де, каки, да добры молодцы?»
Говорят они, калики да перехожие:
«Уж от озера-де мы да от Мыслеева,
Из того мона́стыря Артемьева,
Попросити мы милостыни ради́ Христа,
Але ради Христа, царя небесного».
Говорит им княгина мать Апраксия:
«Не видали ли вы князя Владимира?»
Говорят-де калики таково слово:
«Але встретился нам солнышко Владимир-князь,
Але стретился-де князь-от нам на поли,
Уж просили мы милостыню ради Христа,
А сказал нам-де князь да таково слово:
“У меня с собой ведь здесь да не случилось,
Не случилось с собой, не пригодилось,
А не хлебной ведь нет, право, не денежной.
Уж вы пойдите-ко ко мне да в стольной Киев-град,
Уж зайдите вы ко мне да во высок терем,
Уж к моей княгине да мать Апраксии,
Напоит она и накормит вас”».
Говорит им княгина мать Апраксия:
«Уж садитесь-ко вы все да за дубовой стол
Хлеба-соли-де ись, перевару пить,
А затим у князя чего Бог послал».
Кабы скоро калики да не ослышались,
Уж садились они да за дубовой стол
Хлеба-соли ись да перевару пить,
Они пили да ели, хлеба кушали,
Але всяких да разных, право, кушаньёв,
Напились они, наелись, да накушались,
Кабы вышли из-за стола да дубового,
Помолились они да Восподу Богу,
А спасали князя со княгиною.
Говорит-то княгина да мать Апраксия:
«Уж вы ой еси, калики, да добры молодцы!

У вас кто собира́т с собой милостыню?»
Говорили они, калики да перехожие:
«Собира́т у нас удалой доброй молодец
По прозванью Красота Касьян да сын Степанович».
Говорит-де княгина да мать Апраксия:
«Красота-де Касьян да сын Степанович,
Уж пойдём-ко ты да в кладову со мной,
Положу я тебе да милóстыню».
Повела-де княгина да добра молодца,
Завела молодца да во теплу́ лежню́,
Говорила княгина да таково слово:
«Уж ты ой еси, да добрый молодец,
Красота Касьян да сын Степанович!
Я хочу тебе сказать да таково слово:
Сотворим со мной любовь, право, телесную,
А телесную любовь, да восердечную».
Говорит-то Касьян да сын Степанович:
«Уж ты ой еси, княгина да мать Апраксия!
Кабы как я могу такое дело сделати?
Преступить-де закон, заповедь Божию?
А я должо́н принять да тогда суд большой,
Але суд большой от своей братии?»
А говорит ему княгина да во второй након,
А на это ле Касьян не соглашается.
А на это еще княгина да насмелилась,
Говорит Касьяну да во третей након;
И на это-де Касьян не соглашается.
Уж княгина-то она да разгорелосе,
Разгорелася она да осержается,
Говорит она Касьяну да таково слово:
«Уж давай-ко сюды свою да, право, сумочку,
Положу я тебе, право, милóстыню».
Понесла-де она его да, право, сумочку,
Положила туда чашу царскую,
Без которой он не пьет, не ест,
А не пьет, не ест, хлеба не кушает.
А Касьян-от не знат смотреть.
Выходила она в гриню-де во столовую,
Але все тут калики да становилися,
Становилися они, Богу молились,
А спасали князя да со княгиною,
А пошли они, калики да молодецкие.
Уж идут они-де полем чистым,
Але долго идут, коротко ле,
А идут с утра день до вечера,
Але смотрят назад добры молодцы,
Але сзади за има́ суго́н-погонушка,
А погонушка за нима да нонь великая,
Кабы гонит-то богатырь по чисту полю...
А бы после было того, после этого,
Кабы после калик да перехожиих
А приехал бы князь из чиста поля,
Захотел он, князь, попить-поись,

А попить-поись, хлеба покушати.
 А княгина на стол стала ставити,
 Она ставити стала, право, кушанье,
 А хватилася она чаши царския,
 Говорила она князю да нонь Владимиру:
 «Уж ты ой еси, Владимир-князь!
 Кабы были здесь калики перехожие,
 А поила я, кормила хлебом-солью их,
 Кабы с тих ле ведь пор не могу я знать,
 Потерялася да чаша царская,
 Из которой-де ты пьешь да нынче кушаешь,
 Не могу я найти да негде чашечки».
 Говорит тогда-де солнышко Владимир-князь:
 «Некого в сугон послать да за каликами,
 Обыскать их всех, калик да перехожиих».
 Да послал он Олёшиньку Поповича.
 А Олёша да ле скоро да он срягается,
 Кабы скоро Олёша да сподобляется,
 Усадился Олёша да на добра коня,
 Уж погонил он в сугон за каликами,
 Он наехал их на поли на чистоем.
 Уж Олёша он был роду невежлива,
 Невежлива был роду, неучеслива,
 Он не мог с людьми съехаться,
 По-хорошему с людьми разъехаться,
 Нагонил он калик да перехожиих,
 Закричал он, Олёша, да ярым голосом,
 Ярым голосом да во всю голову:
 «Уж вы воры ле, калики перехожие!
 Уж вы где пьете-едите — тут и серите,
 Уж покрали вы чашу да, право, царскую!»
 А идут-де калики да не ослышатся,
 На Олешу ле они да не оглентятся.
 Он вскричал, Олёша, да во второй након,
 А идут они, калики, да не ослышатся;
 Он вскричал еще, Олёша, да во третьей након,
 Он заехал меж да во середочку.
 Как схватили они у Олёши добра коня,
 Как добра коня да за шелковы повода,
 Кабы сняли они Олёшу со добра коня —
 Кабы сняли у Олёши нонь штаны с гузна,
 А давали они Олёше да все по тяпышу,
 Прибавляли они все да по алабышу,
 Кабы подняли Олёшу назад на добра коня —
 Уж не может он сидеть да на своем гузне,
 На своем гузне, да на коне в седле,
 Кабы едет Олёша на добром коне,
 Але конь-от бежит да коровою,
 Молодец ле сидит да вороною.
 А завидел его солнышко Владимир-князь:
 «Молодец, ответил, едет не по-старому,
 Але конь-от бежит да не по-прежнему».

Выходил-то ведь уж князь да на круто крыльцо,
 Говорит-то он Олёше таково слово:
 «Уж ты что же нонь, Олёшинька Попович сын,
 Але едешь ты нонь да не по-старому,
 Не по-старому-де едешь, да не по-прежнему?»
 Говорит ему Олёша да таково слово:
 «Я наехал калик на поле на чистым,
 Я с каликами хорошо да не объехался,
 А не объехался с имá, не поздоровался,
 Закричал-то ле я да ярым голосом:
 Уж калики-те не воруют — во первой након,
 Закричал-то ведь и я им во второй након,
 А на это ли калика не ослышаться,
 Не ослышаться, да не оглентиться.
 Я заехал-де к има да во середочку,
 Я скричал-то им да во третей након,
 Але тут калики воротилися,
 Поимáли коня да за шёлковы повода,
 А сымали меня да со добра коня,
 А стенили у меня они штаны с гузна,
 Але все они-де клали мне по тяпышу,

Але все прибавляли да по алабышу —
Не могу тепер сидеть я на добром коне».
Говорит тогда-де солнышко Владимир-князь:
«Поезжай давай, Добрынюшка Микитьевич,
По-хорошему с каликами здоровайся».
Але скоро ле Добрыня нонь срежается,
А скоре того Добрыня сподобляется,
Уж пошел ле Добрыня вон на улицу,
А садился Добрыня на добра коня,
Поезжал он в сугон да за каликами,
А состиг он да на поли на чистоем,
А объехал их Добрыня он, добрых молодцов,
Слезывал Добрыня со добра коня,
Але снял он поклон со буйной главы,
Говорил-де Добрыня таково слово:
«Уж вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-те ле, все да ясны соколы!
Уж я посланой от князя от Владимира
Поискать-де у вас да поспроведати —
Уж вы были у князя, у Владимира,
Уж вы сумками своимя да разбросалися,

Второпях вы, люди дорожны, не ошиблись ле,
Не попала ле вам чашка царская,
Без которой-де чашки царь не пьет, не ест?»
Але тут они, калики, да становилися,
Свои посохи в землю поростыкали,
А бершатые-те сумочки развешали,
Кабы стали они всех, право, обыскивать,
Кабы всех они обыскали ноне сорок ле —
Не могли натти-де чашку да, право, царскую,
А один ище у них да не обыскан был,
Красота-де Касьян да сын Степанович.
Уж Касьяна-де стали они нонь обыскивать —
Уж нашли они чашку да, право, царскую,
Они отдали Добрынюшке Микитичу.
Говорят они, калики перехожие:
«Уж мы что будем над Касьяном да нончи делати?»
Говорит им Касьян да таково слово:
«Уж вы ой еси, робята добры молодцы!
Кабы вся наша дружина да заговорная,
Кабы этой я ле чашки да не причинен был,
Положила мне княгина да мать Апраксия —
Кабы чё надо мной хочите делайте!»
Уж не верят они словам да нонь Касьяновым.
Кабы стали они молодца закапывать,
Положили у его руки под пяты,
Закопали-де его да по грудям в землю,
Говорок-язык стали — назад теменем,
Очи ясные его да вон косичами,
Ретиво сердце да промеж два плеча;
Над Касьяном-те они да надругалися,
Не положили они, право, в гробницу-ту,
Кабы тут они его, право, оставили,
А пошли они вперед да во Чернигов-град.
Они шли кабы времени полсуточек —
Але все у них Касьян да назади стоит,
А пошли они-де нонь да в другу сторону —
Але все у них Касьян наперед стоит.
И промеж они собой да становилися,
Клюки-посохи они да поростыкали,
Уж бершаты свои сумочки развешали,
Толковать они да стали промеж собой:
«Уж виноваты мы, робята, нынче сделались!
Говорил нам Касьян да от всего сердца:
Не виновен-де я, да не причинен здесь.
Надругалися мы да не поладили,
Да не положили в гробницу да белодубову».

Старина словами досказана так: Калики воротились назад к тому месту, где закопали Касьяна, и погребли его по христианскому обряду. После этого видение Касьяна уже не преследовало калик.

Лука Данилович

А да жил-де Данило да сын Борисович,
А ле жил он, Данило, да, право, о море.
В воскресенье Христово было поутру,
А ставал-де Данило поутру рано,
Он омылса, Данило, ключевой водой,
Утиралса Данило полотенышком.
Розбудил он своих людей дворовых,
А дворовых домочадцей он робочих,
А сказал им Данило таково слово:
«Я пойду-де как нонь да в черков божию,
Я ко утрене нынь да воскресеньскойей —
Розбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича, —
Он придёт пусь к обедни да воскресеньскойей».
А ушёл-де Данило да сын Борисович,
А прошло после время как три часа,
Розбудили Луку они Даниловича:
«Кабы твой-от-де батюшко родитель-де,
А родитель Данило сын Борисович,
Он велел тебе притти да в церков божию».
А омылса Лука да он свежей водой,
Он утёрса-де белым полотенышком,
Он срежалса-де в платьичи хорошоё,
А пошёл-де Лука да вон на уличу,
Он придумал, детина, молодым умом:
«Я схожу кабы в поли за охотою».
Кабы взял он, Лука, да, право, тугой лук,
А бы взял он тут стрелочки каленыи,
А пошёл он-де к летным-де тихим заводям,
Он стрелял-де гусей там, белых лебедей.
Уж он вышел, Лука, на морски луга,
Позадорился Лука да за охотою —
Нагонило-де воду да из синя моря,
Поняла-де Луку, право, морьска вода,
Кабы бродит он, Лука, да до колен воды,
Пролились кабы все да малы заводи.
А ле вытти-де Луки да ныньци непокуль,
Кабы непокуль-де вытти, право, на землю.
Кабы бродит он, Лука, в воды до пояса —
Поднесло-де Луки гнилу колодину,
А колодину гнилу да водоплавную.
Потянул кабы ветер нынь со города —

Понесло ныньце Луку да во синё морё,
Подхватил-де Луку, право, быстёр субой,
А быстёр бы субой да, право, вал густой:
А едва ле так Лука да нынь спасается.
Понесло-де Луку до во синё морё.
Как носило Луку да вного времени,
Много времени носило его по морю,
Поднесло-де его до ныньце под горы,
Как под щельи-де те непроходимыйи —
А ле вытти Луки на землю непокуль,
Убиват-де валом его, захватыват:
А едва-де Лука да он спасается.
А увидел Лука да сын Данилович —
А змея-де ныньце тут над ним налетыват,
А летат-де змея да, право, лютая,
А к Луки эта змея да приближайтсе,
Будто руськи слова да выговариват:
«А светы отцы писали-прописалисе,
Старики-то-де сказали-просказалисе,
Будто мне от Луки да, право, смерть принеть.
А топере Лука да у миня в руках:
Уж я здумаю — Луку да в хобота возьму,
Уж я здумаю — Луку да на воды стоплю!»
Уж змолилса Лука да змеи лютойей:
«Уж ты ой еси, змея да скоропейная!
Уж ты вынеси миня да на сыру землю,
Кабы вного я принял, право, холоду,
А ле вного я принял, право, голоду!»
Говорит-то змея да, право, лютая:
«А возьмёшь ле миня да ты в замужество?
А возьмёшь-де миня да ты в замужество —
А ле вынесу тибя я на сыру землю!»
Уж Луки-то-де деватсе ныньце некуда,
Уж он отдал от себя рукописаньицо:
«А возьму-де тебя я за себя замуж».
Забрала его змея да свои хоботы,
Понесла-де ёна да, право, на гору,
Опустила Луку да она на землю,
Говорит-то змея да таково слово:
«Сотворим-ко со мной любовь телесную,
А телечню любовь да восердецьную».
Говорит-де Лука да сын Данилович:

«Я с тово-де с устатку со великого
Не могу нынь творить любовь телесную,
Отдохнуть-де хочу да со устаточку».
Как легли они-де нынь да, право, на землю,
Как прижарило их да красным солнышком —
Будто заспал Лука да сын Данилович.
А змея же легла да потвориласе,
А нашла на ей тягость тут великая.
Призывал-де Лука да он ведь всех светых,
От змеи-де штобы ему избавиться.
А ле стал-де Лука да потишешинько,
Потишешинько он стал да на резвы ноги,
Он схватил кабы камень да со сырой земли,
Он ударил змею да камнем в голову,
Он росшиб, розломал голову ведь до мозга —
Как исчас тут-де дьявол, право, до смерти.
А пошёл-де Лука да, право, прочь оттуль.
Он уж близко ле шёл, ноньце далеко ле,
Он нашёл-то-де нынь на скотских пастухов,
Пастухи-де ведь ходят ныньце волов пасут.
Говорит-де Лука да сын Данилович:
«Уже здравствуйте-де нынь да, право, пастухи!
Вы каково царя, каково хозяина?»
А один-де из их да тут толмач же был,
Он толмач-де был, да нынь умел говорить:
«Уж мы пастухи ле нонь, право, Салтановы,
А Салтана, короля, право, турецково».
Говорит-то Лука да сын Данилович:
«А далёко ле-де нынь, право, до города?»
Говорят-де Луки да эти пастухи:
«А до города-де только петь нынь поприщей».
Говорит-де Лука да сын Данилович:
«Я могу ле натти, право, ваш город?»
Говорят пастухи эти Салтановы:
«А одна-де дорога нонь до города».
Говорит-то Лука да таково слово:
«Уж я как подотти могу к палатам нонь,
А к палатам подотти ныньце царским?»
Говорят-де эти Луки пастухи:
«Подходить ты как станёшь ноньце к городу,
Ты заткни у себя да полу левую —
А сочтят-де тебя да заблудящим.
Ты зайди-де в сады ихны зеленые,

Ты срывай-де ведь всяки, право, яблуди».
Вот пошёл, пошёл Лука от их, отправилса,
Он дошёл-де как близко нонь до городу,
Он пошёл-де в сады да во зеленые,
Он заткнул-де полу да у ся левую.
Уж завидели его, да добра молодца, —
Кабы яблуди он ес да наслаждайтсе, —
Донесли нонь Салтану нонь турецкому.
Кабы вывели оттуль да добра молодца,
Завели его палаты нынь во царские.
Как царя-то ведь в то время не случилосе —
Енна Марьюшка дочи нынь Салтановна,
А ле стала она его допрашивать:
«Ты откуль-де, какой да доброй молодец?»
Говорит-де Лука да таково слово:
«Я из той-де земли, право, из Руськоей,
А из Руськоей земли из Светоруськоей,
А зовут меня Лука да сын Данилович,
Уж носило миня да, право, по морю,
Кабы по морю носило вного времени,
Не пиваючись-де я, да не едаючись».
Говорит кабы да Марьюшка Салтановна:
«А бывает, молодец, да ты покушать хошь?»
Говорит-то Лука да таково слово:
«Не пивал я, не едал да нынь десятой день».
Говорит-то-де Марьюшка Салтановна:
«Уж вы ой еси, мои, право, куфароцьки!
Вы несите-ко молодцу, право, покушати,
Кабы разных переваров, да нынь кушаньев».
А куфарки-де скоро да не ослышались —
Наносили-де скоро они кушаньев.
А ле стал молодец да он покушивать,
А ле пил он, ел, да ноньце кушал же —
Забрала его ведь тягость тут великая.
Говорит-то бы Марьюшка Салтановна:
«А со скуки, молодец, да отдохнуть не хошь?»
Прилюбилсе-де удалой доброй молодец
Кабы Марьюшки — Лука да сын Данилович —
Повалила его, молодца, на кроватоцьку.
(Они тут засеели Олешу
Полуверенина: Марьюшка
была из неверных, потому
и был у них «Полуверенин»).

Татарский сын

«Баю-баюшки, да спи, татарской сын,
Баю-люлюшки, да спи, боярской сын.
Ты по батюшки – дак зол татарченко,
А по матушки будёшь русёночок,
А моих черёв будёшь урывочок,
А как по роду да будёшь вну́ченоч.
А твоя-то мать мене ведь рóдна дочь,
Она семи ведь лет была в плен взята,
На белой груди да у ей родинка,
У правой ноги да нету пальчика».
Услыхали то да девки сенные,
Побежали они да к своей барыни:
«Государыня, ты наша барыня,
С-по Руси руська да полоняночка!
Она три дела да все вдруг делает:
Она ручками да всё кудель прядёт,
Она глазками да всё гусей стережёт,
Она ножками да колыбель качат,
Она качат дитя, ише прибайкиват:
“Баю-баюшки, да спи, боярской сын,
Баю-люлюшки, да спи, татарской сын.
Ты по батюшки да зол татарченко,
А по матушки будёшь русёночок,
А моих черёв будёшь урывочок,
А как по роду да будёшь вну́ченоч”».
Уж не гром громит, да не земля дрожит,
Тут бежит дочи да к своей матери.
Прибежала она да повалиласе,
Повалиласе да во резвы́ ноги:
«Уж ты, гой-еси, ты родна матушка!
Почему ты мне да не сказаласе?
Почему ты мне да не призналасе?
Уж ты бери мои да золоты ключи,
Уж ты бери казны да сколько надобно,
Уж ты поди, мама, да на конюшенку
И бери коня да само лучшего».
«Уж не над', дитя, твоих золотых ключей,
И не над' твоей да золотой казны,
А я с тобой, дитя, да не росстанусе».

Бутман

Как про белого сказать царя, про бедного,
Про удалого сказать да добра молодца.
Ах ты ой еси, удалой доброй молодец!
Он ведь часто где ходит на царев кабак,
Он помногу где пьёт да зеленá вина,
Он не рюмками пьёт да не стоканами —
Он откатывают бочки да сороковочки.
Во хмелю-ту сам детинка несурядливой,
Из речей-то детинка выхваляется,
Уж как силушкою да похваляется:
«Уж я силушкою буду царя сильней,
Уж как сметочкою царя посметливе!»
Погодились у царя люди придворныя,
Вот придворныя люди — губернаторы,
Вот пошли они к царю, скорó долóжили.
Вот послал тогда ведь царь да слúгов верных,
Слúгов верных послал, да неизменных:
«Вот сковать его, связать да горьку пьяницу,
Приведите его да на допрос ко мне!»
Вот пошли тогда тотара толстобрюхия:
«Ах ты ой еси, удалой доброй молодец!
Уж как звал тебя ведь царь да на почестен пир».
Вот пошёл тогда Бутман да сын Иванович,
Он заходит к царю да на дворец ему.
Вот и стал его тогда да царь допрашивать:
«Ах ты ой еси, кабацка горька пьяница,
Ах, ты много где ходишь на царев кабак,
Ах, ты много где пьёшь да зелена вина,
Из речей-то, детинка, да вышибаешьсе,
Будто силушкою да ты меня сильней,
Уж как сметочкою меня посмётливе».
Ах ты ой еси, детинка исхваляйтсе:
«Ах ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай-ко мне да опохмелиться,
А ты дай-ко мне чару полтора ведра».
Вот и дали ему чару полтора ведра.
Он и выпил, Бутман да сын Иванович.
«Ах ты ой еси, наш солнышко, Владимир-князь!
А когда была война у тя со турками,
Тогда хто вас от смерти-то повыручил?» —
«Ах ты ой еси, удалой доброй молодец!
Уж я дам тебе все города да с пригородками,

Уж я дам тебе корабли да все со шлюпками,
Ах, ты будёшь царем, а я слугой твоей!» —
«Мне не надо города да с пригородками,
Мне не надо корабли твои со шлюпками,
Разрешите мне вина да пить безденёжно,
Пить безденёжно вина, да бескопеечно!» —
«Ах ты ой еси, Бутман да сын Иванович,
Я разрешу тебе вино да пить безденёжно,
Пить безденёжно вино, да бескопеечно».
Вот пошел тогда Бутман да сын Иванович:
«Ах вы гой еси, дружья мои кабацкия!
Вы пойдете со мной да опохмелимся!»

В таю жил, обрванцем таким, ходил по кабакам, вино попивал. А как-то война у их образовалась, у этого царя, с турками они завоевали. И турки их уже побеждали. Прижали к какой-то к реки всю его силу, у етого царя, ли к озеру, к чему ли — добивали уже силу у его. Войска уже много перебили, остальных уже добивали. Этот самый богатырь (тогда война была нарукопашку еще прежде там, дак...) он налетел тогда на своём кони и начал рубить этих турков. Которо конь топчет ногами, которо рубит; сёкци да сёкци, и потом вырубил их тут большинство. Остальных угнал всех назад. Выручил их и опять скрылся. Царь искал по всему государству его, разыскивал-разыскивал и найти не мог его, хто такой был? И вот когда он похвастал там, пьяноватой, этим, царь-от его стал допрашивать, а он ему и заявил: «Когда, говорит, война у тя была со турками, хто вас, говорит, от смерти-то повыручил?» Тогда царь узнал, что этот самый казак и был. Он тут избавил их, да опять уехал, да коня опеть скрыл, спрятал, да опять оборвану какую ле, худую одежду, надел, да ходит опять, попивает, пьянствует. И его разыскать никак не могли никто.

По отцовым сказкам

Как Богородица прятала Христа

Лошадь выдала. Его [Исуса] Богородица несла и задумала испытать [животных]. Сначала положила лошади и прикрыла сеном, а лошадь взяла да сено сосвистнула, съела – и он голый. Она пришла, взяла его и понесла к свиньи положила, а свинья его зарыла. И вот из-за этого и нам не дают исть-ко лошадь, шо не могла и [схоронить Исуса].

Богородица идёт (она ведь долго его прятала-то, смотри сколько годов! Сперва малой был, а потом...), мужик рожь сеет. Она и говорит:

– Ты, – говорит, – за мной будет погоня. – Она знала, что ведь всё равно, раз уж ищут, дак найдут. – Ты, – говорит, – сегодня сеешь, а завтра приди с серпом жать.

Он послушал, этот мужик, пришёл – рожь колышется только так! Он и давай жать. Они едут на конях, эти жиды-ти, и говорят:

– Здесь женщина проходила с ребёнком?

Он говорит:

– Проходила, – она как научила его дак: спросят «Когда проходила?», а ты скажи: «Когда я рожь сеял, тогда она проходила».

– О-о-о! не догнать!

А сказал бы «Вчера» – долго ли найти. И так воротились, не поехали за Богородицей.

Как рябчик Христа испугал

Раз шёл Господь, испугался – ряб полетел. Господь-от грит: был, грит, ряб ты с корову, будёшь с кулак. Он маленькой. Дак ишь, у каждой [птицы], у пеструхи и у чухаря возле оленя-то есть белое мяско, дак он им всем поделил мяско-то с ряба́-то, Господь. Ряб полетел, а Господь испугался, и сказал, что, грит: я мяско всех поделю помаленьки, бело мяско. [То есть отдал глухарю и пеструхе?] Да, глухарю, пеструхе, и косачи – у всех бело мяско есть. Слышала от отца да от дедка. Был ряб с корову, будёшь с кулак.

*Тольна земля
была*

Когда пришли духовные отцы на Пижму, то тут даже не было и леса – гольна земля была. Ни птиц, ни зверей – никого не было. Только через много лет начал расти лес, и появилась всякая живность.

*П*ервым на Пижму пришел старовер. Он был духовником. Он пришел, когда не было еще и реки Пижмы. Им было спущено две тысячи ручьев небольшими каналами, и река проложила русло. Святым Духом ему было приписано рыть канавы, что он и делал всю жизнь.

Как бес Никона смутил

А вот читали у нас еще. Сатана всех бесей собрал в аде и говорит:

– Всех смутили, а русских не можете смутить.

А бес говорит один:

– Я, – говорит, – три года, жил, – говорит, – у русских, не мог смутить, кривой стал и хромой стал. Окривили и ослепили – никак не... Распятому, – говорят, – верят и никак, молятся и всё. И не мог смутить.

Как сатана гарнул, и тот упал здесь, аж ад вздрогнул.

Второй бес говорит:

– Я полечу там мутить.

А сатана сказал:

– Там, – говорит, – есть патриарх в Москве – зайди в одно ухо, в друго выйди. Патриарх – мордвин белобородой, мордвин да белобородой ешо, патриарх в Москве. Вот тот, – говорит, – всё перевернёт, того надо мутить.

Вот он и того стал мутить. Смутил, тот пошёл к царю:

– Вот так и так, надо все эти книги закопать, все образá переделать, это всё устарело. И надо всё но́во. – Это вот этот веру-то и переменял, патриарх-от этот белобород-от, арменин-то, Никон. Никон-патриарх белобородой морвдин – не армянин, а мордвин. Пошёл к царю. Царь говорит:

– Э-э-э! Нельзя этого делать! Что ты! Что ты!

Раз пошёл, два пошёл, на третьей раз и согласился. «Все монастыри разорить, всё это устарело». Никон патриарх и царя смутил.

Как бес и Никон меняли веру

Старец пришёл ишше, тот [Никон] ишше служил. Служил, а уж стал веру-то переменять, бес к ему ходил, к этому – к Никону-ту, патриарху-ту. А старец-от пришёл из лесу да и зашёл к ему с дороги дак, далёко шёл из лесу, старец-от. Стал тапки одевать, а в тапках – в одном тапке «Распятье», а в другом «Богородица». Старец-от видит [это] у патриарха-то, у Никона-то. Он и понял, что тут чё ле неладно, образá так. Не обул тапки. Он ему красно вино подал с дороги, повалил спать, в усыпальню повалил этого старца этот Никон. Он лёг спать. Бес пришёл – бес-от ведь ходит человеком:

– Ну, как, кто у тебя есть?

– Есть, старец пришёл, – говорит, – из лесу, дак я его спать повалил, винца подал да. Он с дороги, – говорит, – далёко шёл да – тридцать километров, дак он устал.

Бес говорит:

– Надо шилом пятки поколоть. Если услышит, одернёт, дак то надо его убить, [а то] он всё выяснит, наши связи, – бес говорит ему.

Он [Никон]:

– Что ты, что ты! Зачем его убивать? Не будем его убивать. Пусть спит, выпитсе – сам уйдёт, – Никон сказал бесу.

Пятки все выкололи – он не удёрнул, всё вытерпел этот старец. Утром встават старец, а они там шептались-шептались всё там: куда книги девать, куда это всё это, сожгчи книги, новы печатать, там всё вели-вели, как это делать. Старец встал:

– О-о-о! Пяты-то болят да опохмелиться велят.

Покололи пяты-то, дак поневоле болят. «Пяты-то болят да опохмелиться велят». А они кололи шилом, дак болят пяты, терпеть не может. А потом он [Никон] подал ему вина, и он ушёл как ле тихонько и больше к ему не стал заходить. Это ведь не за день да не за два они всё это дело делали, месяца длились. И больше к ему не заходит. А этот Никон видат его там, в церкви-то:

– Ко мне больше не заходишь.

– А всё некогда. – Не заходит.

А потом в церкви-то дрались, драку устроили служители. Одни хотят по-новому уже, этот Никон уж всех тут смутил служить. Там ведь много служителей-то. Ну, а други не хотят, не соглашаются: как по-новому? веки веков служили, а тут по-новому служить? И то всё устарело. И тут они хвостáлись, даже кадельницами хвостáлись. Драка была. Это было в Москве, дак тётка читала книгу-то, Библию-то, и рассказывала. Хвостались, в крови все дрались. Одни хотят по-новому, други не хотят по-новому.

Потом Никона прогнали же. В какую ле побежал Никон, рассёкся где ле, в дерево забежал, кйшки вылезли. В дерево залетел, да кйшки вылезли тут и. Никто и не хоронил его, этого Никона-то, патриарха, потому что он тут царя да веру-то он переменил, согласился с бесом дак.

Основание Усть-Цильмы

Старо Двори́що за рекой. Там заселились, приехал какой-то один мужчина. То ли у его двое, то ли три сына было, я не помню, мне рассказывали. После Ластка-то приехал. Ну, они пожилы тут, там, на той стороне, там ниже Цильмы, «Старо Двори́ще» ишо пониже называется там. Ну, оно не снимает место-то, но они предпочёли, что хлеб тут неможно сеять. И съездили на эту сторону как-то там, сколотили какой-то, судно како-то сделали, ну, и посмотрели, что здесь будет урожайсе ячень, рожь. Они уж попробовали. Ну, и переехали. Дак он переехал будто бы, дак сам старик сел в середину Усть-Цильмы, однёго сына посадил в Нижний конец, другого – в Верхний конец, сюда, чтобы друг другу не мешать. Ну, и вот, стали жить, хлеб сеять. А потом тут это, сразу-то будто бы ведь эти беженцы – вот гонение было, христиане-то, христово, христианску-то веру. Ну, а потом пронюхали купцы московские, что здесь очень богата пушнина, богата рыба, ну, и начали засылать людей ловить.

Здесь был монастырь

Скит самый первый был. В ските уже всё было, а в Усть-Цильмы всего один домик только был. [Скит] большой был. Здесь же у их было всё, ну, просто у их коллективное хозяйство было, полностью. Они обрабатывали всю Пижму, луга все обрабатывали. А эти скиты, когда они заехали сюда, видишь, когда Никоном было извѣрно, вот, и они как скрывались здесь, заселялись. Здесь был монастырь, здесь самый первый монастырь вот был в районе. Поэтому они скитались как – такó название-то от них, оттуда. Лет пятьсот. Их разыскали и вот погнали их из веры-то в эту, из старообрядческой-то в православную, вот. Они не пошли. И рабочие, которы были, они те ведь рабочими и остались, дак вот часть-то их и расселилась пониже-то, наверно. А те уже, которы служители были, преданы были этой веры старообрядческой, вот они сорок человек и сгорели в часовне, не вышли из часовни. Их подожгли. Гонили из веры... Служители в церкви – они не работали, они не работали сами, они только служили. А у их всё, обслуживали их – тут и фермы были, поля чистили, снимали хлеб – всё они сами, всю Пижму, обрабатывали все луга, чистили луга. Общежитие, столовые – всё у их было коллективно.

Законы у них очень строгие были

Пожен много, пожни – это луга, поэтому он и назывался Великопоженским. У них основное было занятие – земледелие, скотоводство в основном. У их даже нельзя было стрелять, они не охотились тогда – кровь, грешно было убивать. Законы у них очень строгие были. Вот, допустим, здесь монастырь, с километр, наверно, кладбище было для староверов, а подальше было кладбище для мирских. Тут была лиственница, здесь деревня «Замогильник» называлась, «замогильник» – так и называлась, после расстроились, километра полтора, наверно... Вот до этой лиственницы – если хотят посидеть-погулять, выпить, так идут за могильник, здесь в монастыре нельзя было. Песни петь можно было только до этой лиственницы, дальше сюда нельзя было.

Огнём скончавшиеся

*Ш*естьсот лет назад ли что ли тому времени, пятьсот, наверно. Двухэтажна была церьква, монастырь был, скит. Ну, вот, в общем, пришли изгонения из веры, пришли и стали изгонять. Они, в общем, закрылись и стали службу служить – это вот слыхала я. Они сами себя подожгли. В общем, и те [кто изгонял] лестницы принесли, в окошко стали лезть. Они всё равно это... Всё загорелось, заховало, и потом видно, что всё как вроде как горит, а они стоят. И потом вроде как полетели как голубами

под высь. И потом с этого места пепел собрали и снесли на могильник, и туда построили избушку, и всё овецались погорелым – бывает, скот заболет, ли сами заболеют какой болезнью, и всё овецались. Мы с мамой да с Ириньей-сестрой ездили ещё туда, я помню эту избушку. Чтобы мне выправиться, дак вот поовещаюсь вот там: скоко денег туда свезти или каку вещьину. И там полна избушка образа всё стояли на стенке, молились туда и кладь ложили.

Образов-то было, бат, Боже мой! Была как у их, такой амбарец – комнатка, они тут всё молились ходили. Дак в этот амбарец, когда вот их стали изгонять, дак они зашли и зажгли будто бы. Которы эти души спасали себя, спасательны души, они будто бы полетели лебедеми, вылетели будто бы из дому. Дак вот рассказывали же стары-то люди.

Заселение Пижмы

Селились в леса охотники. И вот, они, говорят, скоко-то их братьев было, в Абрамовской был Абрам – вот так и деревню прозвали Абрамовской. А вот Загривочна деревня – его уже брат был Алексей, и ей, эту деревню, сначала называли Алексеевка, «к Алексаям, – говорят, – поедем». А Боровска деревенька – тут тоже, наверно, ещё же брат был, их шесть, говорят, братьев было, по Пижме селились дак – как будто шесть, слыхала; может быть, меньше. Там по этому, по мужику не назвали, а через бор, бора кругом, дак Боровску так назвали. Признавают, что эти новгородцы жили. Вот раньше как, говорят: тоже как беженцы были да чё, дак вот по скитам да чё ходили – ну, как скрывались, тоже чем-то притесняли их, и они вот уходили подальше. Да вот раз охотники были, они уходили туда в глухи места специально, что где больше дичи, охоты, для того раньше-то сами поля чистили, луга.

С Мезени ходили сюда, на заработки сюда приходили, мезёнски тут через хребёт. Мать из Верховской деревни. У ей тоже, отец был тоже, дедушко был тоже мезенский. Мезенцы тут жили, ездили по заработкам дак тогда. Тут в Верховской-то, мати говорила, что мезенцы и заселили, Верховскую. Рыбы много очень было. Дак они тут заселились, двое что ле, трое, и тут деревня небольшая была, домов десяток. Она [мать] так говорила, ей бабушка ейна говорила, что, мол, тут засельщики с Мезени были, каки-то двое заселились.

У покойных

«У

покойных» была я четыре раз ли чё. Первой раз мы поехали, искали, не знаем, где-ка покойны. На дороге ночевали, ночью ехали, всяко. Беда далёко! По малой воды уж, мала вода-то была. Искали. Не знаем, на которой стороны, сказали дак. Потом утром уж, заря стала, соньцё выходит. После едём, там шелейка така дак, на шелейке только соньцё-то, зе-е-ют там могилы-те. Ну, мы говорим: нашли могилы! Вот раньше из веры из нашей гнали людей-то, а они, откуль они там, где ли по Цильмы жили, как они там назывались?.. Тоже нынть никого там уж нету по Цильмы реки-то – у Омелиных. От Омелиных. Да дале кака ле была деревня, как бежали люди-ти спастись там, свою веру не отдавали никому. Вот там у их увезли образóв да чё да и там избушку срубили, и молились. А там где хто умирал, там и хорóнёны могилы-те. Сколько их там? Окол тридцати могил. Овещаютсе, чтобы вот выздороветь ле, чё там, как. За кого ле ездят ле. Кадят могилы. Сейгод-то мы ездили, дак всё вычищено, да новы столбы наставлены у покойных-то.

Дак вот, сколько их там человек, поминают: «Покой, Господи, усопших раб своих: Якова, Григорья, Сидора, Василья, Кондрата, Поликарпа-младенца...» – вот я уж и путаюсь. Кажн-от день молюсь ведь. Надо пока их поминать, а потом своих родителей поминать. «Якова, Григорья, Сидора, Василья, Кондрата, Харитона, Поликарпа-младенца, Анну, Дарью, Марью, Дарью...» – вот путаюсь. Сама ведь всё за их молюсь. Пока их надо три раз поминать, потом своих родителей надо поминать, молиться. Они достойны – шибко молились. У их анбарчик был сделанной – образóв-то сколько было-о-о! Дак это горел анбар-от, дак все образа-те растаяли, дак тут захоронены уж образа-ти, сгорели, на огни скипели. Дак образа-ти хорóнёны, дак мы еше, дождем-то навьотогóдивало, навьомывало еше образа-ти дак, собирали дак, клали тоже на то место-то, хоронили. Перв-от раз ездили. А потом там другой анбарец срубленной, образóв-то тоже две полицы тут. Бат, с эту же избу дак. Возят, хто овещаютсе, свеци цело ведро повешано – последнь-от раз ездили. Ондьяла привезёны. Это молятся стоят – таки исделаны, кладут книги-ти, вот так сделаны столики, читают прежны-ти книги да цё.

Это с Прониной перв-от раз ездили, Мара покойна да, образа-ти мыли все. Тут озеринка рядом есь, тут река, а тут озеринка тоже дак, мыли образа-ти, чистили все. Деньги кладут. Кто овещаютсе, деньги кладут там нарок. Чайник большой – раньше были большущи малированы чайники. Тумбочка – из старопрежних, своедельня сделана там, и в эту кладут деньги.

А раньше вот оленаводы ходили, говорят, ездили дак, то место проехать не могут, если не зайдут и не помолятсе. И не уедут никуда. Олени легут и лежат, не идут.

С Цильмы-то бежали верующие люди. Молились там. А то и молились, еды-то нету, они все и друг по дружке умерли. Хто какой умрёт там, так и хоронят, каки живы оставаются, и хоронят. Там уж за озеринкой могилы, где ходили. Последний Иван остался богомол, самой последний молился которой, остался. Плотик сделал и образа и эти книжки, которы читали они, на это, на плотик склал и поплыл. Верующий был, дак вот его унесло, он на плоту-то и умёр, пока несло плот-от. И до Печоры донесло и плот-от остановило, в Печору-ту его не унесло. Потом люди-ти нашли его, шо вот человек, и захоронили где ле тут, где у их в Усть-Цильмы клуб-от да чё. И его как это, кони топчут. Наверно, ограда не было, скот топчёт и. Он им, людям, сниться стал: почему меня тут захоронили, что меня скот топчёт. А ведь люди-ти видели же тут книги да чё, чё у его там было на плотике-то, что верующой. Но потом его и заперехоронили – вот Ивановы-ти могилы в Усть-Цильмы зовут, Ивановы могилы. Большушой крест был сделанной, у избушечки сделано, молятся тоже ходят, кадят да могилы-те Ивановы. Вот последнёй умер на плоту, выплыл, и вот там его не унесло в Печору, остановило на Усть-Цильмы-то. Вот его и прибрали, захоронили там. [Откуда узнали, что Иваном звали?] Дак у его записаны гумаги-ти, книжки-ти. Иван. Да вот и написано, как кого звали. С собой на плоту всё взято было. А образа да чё там оставлено, вот и написал, что вот там да там, где верующи остались похоронены. Вот и тогда и стали ездить там овещатьсе. Вот и овещаютсе там ездят. За их молятся ездят. 28 человек ли чё их было, все там умерли, похоронены. Пешком ещё ходили. Внарок с Усть-Цильмы да откуль, оттуль – отовсюль едут овещатьсе там.

В воскресенье никогда не работали

Воскресенье они [староверы] никогда не работали, кроме по хозяйству, дома, обрядить скота да. Даже вот [когда] в лесу охотились. Брат деда-то, прадед это, прадед Иван, был там старшим. Дак он, зная, что молодёжь будет всё равно охотиться, потому что день теряется целый: в день застреливал если охотник 30 белок, считался непромысел, когда он добывал за день 60 белок – это был промысел. Дак это, знаете, какó, сколько зверя этого было тогда в лесах! И он, отец, пишет: «Как на счастье было столько зверя». Эта белка была и чёрный, и белый хлеб для людей, для хороших охотников. Так вот он говорил-то, этот Иван-то Исаакович. Он, чтоб молодёжь-то не ушли охотиться-то, он у них собак и ружья забирал-то потихоньку ночью или утром рано и в свой амбар замыкал, и не давал им ходить и работать – ничего не велел. И собак у них всех привязывал. Он старший был в роду на том участке угодья. А шкурки-то хорошо принимали купчины. Приезжали чердынцы, чердынски купцы. С Чердыни. Они пушнину эту, конечно, сами возили куда-то в город. Видите, они торговы-то люди были, бывалы, они ездили. Они назвали этот ваш Сыктывкар, называли Сысольск, сысольчи, а сыктывкарцы эти – сысольчи. И он этот брал пушнину, этот Кондратий-то Никитич, забирал-то у всех людей-то, охотников и увозил этим сысольским купчам и продавал там хорошо. Он торговал и знал цену истинну пушнины, его никто не мог обмануть. И он так же честно платил. Они [местные охотники] только ему платили за то, что он увёз там и хорошо продал.

Предвестие перемен

Он, этот Костя Егорков, попал один там [в охотничьей избушке]. И он ночевал. Говорит: утром проснулся – заходят. И никто ещё не знал про этих красноармейцев, задолго до этих раскулачиваний дак. В словах его мы тоже не сомневаемся. И как в своих дедов словах мы также не можем сомневаться, мы им верим, потому что они всегда говорили: «Почтойно ты врешь-то?» – если кто-то соврал. Тут же оговаривают, что соврал ты или не соврал. Он [Костя Егорков] говорит: они зашли в длинных шинелях, и эти сабли рьячают по полу, и в этих уборах-то головных – будёновках-то. А говорит: и во лбах-то звёзды горят. И говорит: зашли. Он ничё не мог пособить, дак схватил икону, начал молитву творить, и они ушли, исчезли. Да. И он говорит: «Чё ли будет худо». Вот это раскулачивание-то и началось, когда у них всё и начали отбирать. Революция уже была. Вам надо знать, что у нас-то коллективизация-то пришла намного позднее. Она же была в тридцать втором или тридцать... когда Россия вся уже была разрушена. А у нас-то же, видишь, как до Бога далеко... это до царя далеко, а до Бога еще дальше, у нас-то. И у нас-то это было пришло поздно.

Его, как всех их, расстреляли

Он, этот Кондратий Никитич, только для этого дела, чтобы люди на случай голода, закупал [продукты]. Он был богат очень, ну, зажиточно жил. Его, кстати, как всех их, расстреляли. Он закупал до ста кулей для такой маленькой деревни муки, чтобы на случай неурожая людям раздать и чтобы они не погибли от голода. Вот так делал.

Вот который это хлеба закупал (хлеб мы все растили на полях), он опять имел мельницу там же, в Ильинке же, мельницу, двадцать голов крупного рогатого скота, быков, много лошадей.

Вот которого Кондратия Никитича-то дом-то отняли, там сразу же школу сделали, и кто, кого он всю жизнь кормил да ихних детей, тот стал жить в евоном доме, тот, который бедный человек-то. А мельницу разрушили, маслозавод разрушили, так у него еще кожевенный завод был...

На войну спровожали

На войну спровожали отсюда – мы были на устьи Пижмы, на сплаве были в это время, дома не были в деревнях-то, там были. Ну, лес плавил там сверху, выше Новожиловской, оттуда по всей реки до устья Пижмы до Печоры этот лес сплавляли. И там плотили в плитки. И объявили в сорок первом войну, мы там были. И все это бросили работу, все через Печору, все в Усть-Цильму, нас даже не спускали на проводы-ти. Брат у меня пошёл. У кого-то отцы пошли, у кого-то братья пошли. Даже не дали ехать-то, дак никого не послушали, все в лодки – и за реку. Тогда ведь моторов-то не было, на вёслах ездили. Всё равно всё покинули, всю работу покинули, все уехали на проводы. Чё там было – перемененье белого свету было. Пока жива, никогда не забуду. Како горё было, людское горё было, само настоящее. С военкомата-то пошли все – строим их погнажи, дак никого своих-то не допускают до своих-то, в последний путь пошли мужики-ти да отцы-ти да братья-ти пошли дак, эти – милиция идёт рядом с имá, дак чтобы никто уж за руку не держаться не давали – у како было! Эво пристань-то вся обгорожена была, дак загнали как скота на пристань-ту. Да кто-то через ограду, кто-то по реки там оббрели эти заборы-ти, кто-то под этот, под забор залезали, кто помоложе могли. Тут сани были в Нарьян-Мар направлены – я до сих пор помню: много саней, сани на сани, там в Нарьян-Маре лесу-ту нету, дак с Усть-Цильмы возили пароходом туда сани. Мы с одной залезли на эти сани выше, чтобы всех видно было, и до сих пор помню и тот голос слышу, и его вижу, как он пошёл брат-от у нас Иван, выкли[к]нули: «Иван Григорьевич Бобрецов». Пошёл по трапу. Зашёл – я всё глядела, глядела, какуты там всё, он тоже всё в окна смотрит, смотрит там. Всё глядела до конца, покуда пароход отчаливать не стал. Сколько рёву-ту, сколько слёз-то у людей-то, людских-то было – Боооже мой! Пароход-от пошёл, дак гудки-ти давал да давал, да ревел, да ревел – по деревням-то там пошёл на Воркуту ведь туда, до железной дороги их везли дак. Бабы-ти шли да падали, шли да падали по берегу-то сзади за па-

роход-от. Это что-то было! Это что-то было! Перемененье белого свету!

До того как весело было. Всех допризывников обучали со всего района, Пальник – место на устьи Пижмы-то, были мы там, жили, робили дак: гармошки, балалайки, ребят много, всё обучали их тут-ко: смену работают, смену обучают их. А тут как эта весть-то пришла, объявили эту войну – люди как замерли все. Это чё-то было, это чё-то! Никогда не забудется, кто в то время были там...

Оспади! На мясо увезли, на мясорубку. Ребята-ти, у кого и ружьё, бат, кто-то не держали. Эта кака страсть была, како горё было! Всем. Как можно забыть-то? Никак не забудёшь, никак, никак...

Всё мужики стары-ти, которы, которых не брали, да говорили: да это недолго, это недолго! Вот там раньше – где-то с татарами, где-то с финнами где-то схватки бывали, дак немного время, врукопашную тогда были войны-ти, не было оружия, как нынче, готовят каки смерть всем. А тут немного, недолго дак недолго. «Недолго, скоро придут, недолго!» – Год! Два! Три! Четыре... потянулось. Боже мой! Восемнадцати лет остались, ребята пришли никакие: кто-то без руки, кто-то без ноги, кто-то вообще не пришёл. Пошли девятнадцати лет, а пришли стариками! Поседели, больны, нервы все испорчены – экакие. Это что это было, пережить-то было как? А вот уж чё ле живу, много же уж вспоминать-то не хочу, не хочу, не хочу даже...

Голод да тяжёлы работы да. Хлеба нету, маленько с полей снимем, дак надо в фонд обороны, туда надо. Лошади получше – надо в фонд обороны надо. Хлеб получше снимут – опять в фонд обороны надо. Мясо забьют – опять туда надо. Шерсть – туда. Осподи, помилуй! Люди пережили сколько! Да никто на себя руки не налаживали, никто. Все чё-то ждали, все перенести хотели, все перенесли. А сейчас-то отчего ты вешаешься? Почему ты повесился, такой молодой? Трое дети, жена молода, дом поставили, машину имешь. Это како-то недоуменье. Это что это люди тако стало, чё в людях-то пошло тако? Не знаю, не знаю, не знаю, ума не приложу...

Медвежий след

У

нас бабушка говорила: всемирная война потом будет. Все будут воевать, а женщины пойдут. Мужики все выумирают, а останутся одни женщины, и женщины пойдут по медвежьему следу и скажут, будут спорить: «Здесь мой муж ходил», друга скажет: «Здесь мой муж ходил, нет». А сейчас как мужики мрут, скоро останется бабье царство, говорили. Будут вот, одни женщины останутся. Медведь человекообразный, он может на одних лапах задних ходить, на одних. У его ведь лапы таки же, как у человека, таки.

Со страхом, братие,
послушаем...

Как будет кончина

А эти чародеи – вот тётка читала книгу, она читала, как будет кончина. Все библии она прочитала, она отцу сестра была, хорошо грамотна, ей выучила эта бабушка, прабабушка – ей бабушка, нам прабабушка, которая засельщица-то была, грамотная, ей выучила, выучила, дак она хорошо грамотна была.

Будут чародеи стоять все пред кончиною. У их будет написано на груди, чёрны, как угли, а тут белой буквой написано «чародей». У кажного всё чародея будет написано «чародей», образуются слова. А тут стоят кругом таки – наш брат таки стоят, не чародеи. А эти чародеи все, написано «чародей» – эти, которы вот с бесыами-ти знались, те будут тут стоять. Потому что они от бесей научились, дак и они будут стоять. Потом мимо их река польётся огненна, а небесна сила на воздухе, на воздухе стоят, наверху. Тут спустятся небесна сила – шестикрылы ангелы небесны, и этих в реку всех сосвищут чародеев, их унесёт в огненну, в ад. Чародеев первых. Тогда будет нас судить Господь. Будёт сидеть... Ирусалим-от там в арабах-то есть, Ирусалим-город. Он в том родилсе, в том замучили и в том же городе будет судить. Спустится. Но он не на земли будет, а только против города-та. Сидеть будет судить. А евреи скажут: «Ну, распятой спустился нас судить». Евреи узнают впереди ешо. Сначала, она говорила, вострубит труба, ангелы-архангелы вот. Он вострубит – с трубой-то сидит. Вострубит, все услышат ангелы-архангелы. Крест покажется святой, все увидят и все узнают, что Господь

спустился, все узнают. А евреи особенно впереди узнают это, жиды, их жидами называют. Судить будет по делам. А небесна сила стоять будет на востоке: голубые, тут каки-то жёлты четыре полка и тут каки-то, и там на севере четыре полка будут эти стоять небесна сила, и разной цвет – белой цвет, зелё... синий цвет, голубой цвет и тут ишо каки-то два цвета. Цвет такой у их, така одёжа така у их – одёжа ли не одёжа. Они на воздухе, они охраняют, Господь судит, дак они тут охраняют. И потом... Все они тут стоят. Потом Господь – и все будем видеть – пойдут в гору. Перва Богородица пойдёт, апостолы пойдут, а все пойдут светильники, пойдут все в гору, в гору пойдут всё по лестнице подниматься, мы всё будем видеть будто. Она говорит, всё будем видеть. Вот они пошли в гору, а мы куда попадём, мы куда? А нас за добры дела – дак тоже пойдём взади в гору, а за худы – дак куды ле стрёщат куды ле. Это всё в книге она вычитала, мне рассказывала тётя. Осудят всех навсегда, Господь осудит, будет судить. А будут стоять все ровны, больших и малых не будет – все одинаковы. И земля будет как плита, как плита будет гладка, потому что лесу не будет и ничё не будет нигде, ни воды, ничё не будет. И то тесно стоять боком – не повернесья – столько много. Эти все будут живы, которы умерли, все будут живы. Умирили-то много – все будут живы, дак тесно будет на земли-то. Вот осудят по разным местам, кто куда заслужит, тот и получит... Вот пойдут – старцы пойдут, которы спаслись, монашки, которы добры.

Страшный суд

Господь грядет в полунощи,
Жених идет со славою,
Со ангелы, архангелы
Прославить всех святых своих.
А грешником кому́ждо есть
Воздати им мучение.
Егда сниду́т архангели
По Божию велению.
Ужа́с они возгла́сят
И грозно тогда востру́бят.
Егда трубы́ возопиют
И мертвыя вся воззо́вут.
Небеса тогда ужа́снутся,
И земля-то вся востре́пещет.
Тогда вся тварь устра́шится,
Концы земли содро́гнутся,
Прекрасное солнце
Лучи своя сокрыет вся,
Луна тогда пресветлая
Престанет от течения.

Плач души грешной

*П*асплатается, растоскуется
Душа грешная, беззаконная,
Взирающе на пресветлой рай,
На небесное царство вечное,
Поминающе на вольном светé
Нерадиву жизнь, непотребную.
Своёй лениости заиграюще
И сама себя осуждающе.
Горе, горе мне, всестрастной душе,
Отчужденная всех небесных благ.

Прожила свой век окаянная
Всегда в лениости с нерадением.
Не стяжала я умиления,
О благих делах попечения.
Проводила жизнь окаянная,
Не попомнила часа смертного.
Что нам всем будет чаша горькая,
От сея жизни разлучение
И от всех друзей отчуждение,
Все оставим здесь, на вольном светé.

С другом я вчера сидел

С другом я вчера сидел,
Зрю на смертный я предел.
О горе мне,
О горе мне великое!

Плоть мою во гроб кладут,
А душú на суд ведут.
О горе мне,
О горе мне великое!

Милости не будет там,
Не помиловал я сам.
О горе мне,
О горе мне великое!

Друга верна нет со мной,
Скрылся свет-хранитель мой.
О горе мне,
О горе мне великое!..

Стихъ А

ВЕЧЕРЪ СОДРУГОМЪ СНДЕМЪ
НЫНЬ ЗРЮ СМЕРТИ ПРЕДЕЛЪ
ПЛОТЬ МОЮ ВОГРОБЪ КЛАДЪТЬ
А ДУШУ ВОАТЬ ВЕДЪТЬ
МИЛОСТИ НЕБУТЬ ТАМЪ
~~НЕ~~ НЕПОМИЛОВАМЪ А САМЪ
ДРУГА ВЕРНА НЕТЪ СОМНО
СКРЪАЛСА СВЕТЪ ХРАНИТЕЛЬ
МОИ ѿ МИМО ЦАРСТВО ПРХО
ЖУ СЛЕЗНО ПЛАЧУ ~~И~~ И ГЛА
ЖУ ѿ ЦАРСТВО ГОРКИ СЛЕЗЫ
ЗРИТЬ И ПРЕРАСНО ГОВОРИТЬ
ѿ ЧТО ТЫ СКОРО ТАК СМЕШИ
ШЬ ФТОЖЕ ЦАРСТВО НЕВЛЕ
ТИЩЪ ѿ ЦАРСТВО СВЕТЛЫ И ДОМЪ
СВЕТЫХЪ НЕПРИЕМЛЕТЪ ПРОК
ЛАТЫХЪ ѿ ТЫ ПРОСТИ ПРЕРАС
НЫИ РА И А И ДУ ВОАТЬ КИ

Молитва Никите Столбикову

У меня покойник Тимофей рассказывал. Тут братан из этого дому, Павел Артемьевич, был. Он в Ильин день на лошади через реку хочет ехать. А ему говорят: «Паша, не езд, сѣдни Ильин день, прѣточливый Ильин день» – второго августа он. А он там матом им: «Не верю я никаким этим, не верю ничего!» И поехал на лошади, сидит наверху. Через реку поехал. Тихо, это вал нету ничѣ. И лошадь... Там выехал, и лошадь потащило вниз, стала лошадь, одна мордочка видно. Ну, и чѣ? Он тут с лошади пал, поимался за гриву ли как, лошадь кричит. И не может лошадь выпрыгнуть, тоже тяжело что-то вот стало. Какой ле прѣточливый праздник-то этот, говорят, у нас тожо. Купаться да чѣ нельзя, тонут много. Может, и так судьба утѣнуть а. Ну, вот это бывало так-то, рассказывали. Ну, дак потом лошадь-ту... он как-то выбрался, выехали ли чѣ, кто ле за йма уж тут... – это не помню. А лошадь-то была жеребец, да говорят, это яйца будто у лошади вырѣчкало. Это тожо, говорят, прихватыват, чѣ-то тако есть. Или, может, ему судороги взяли, лошадь, ли Бог его знат. Так вот говорят, такѣ-то есть.

Раньше было, а нынѣ, наверно, шишкѣ-те боятсѣ нас. Дак надо – всѣ покойный меня учил: «Осподи, благослови, Христос! Аминь. Свята вода под тобой, святой дух над тобой! Помяни, Господи, Никиту Столбикова и кротость его». Никита был какой-то сильный, дак этого шишкѣ привязал к столбу и лупил его, дак его надо поминать, в воду заходишь дак. Да, Никита Столбников. «Помяни, Господи, Никиту Столбикова и кротость его. Свята вода под тобой, святой дух над тобой!» И тогды и заходишь в воду купаисѣсе.

Молитва вечерняя

Огонь погас, Христос при нас. Пресвятая Богородица, отведи от нас злых людей, от нашего дома, от нашего двора, от наших дверей, от наших окон, от нашего скота, от нас, грешных. Ангелы в головах, хранители по бокам, храните наши души с вечера до утра, до конца свету. Аминь. Аминь. Аминь.

МДР

МДР

ИСУС

БЛАГО
РАДЕН
СЪДИТЕ
МАТЬ И
ЩЕА РОД
ШВОДИ
ТЕ КЪ
ДО ИСК
РЕНЕМУ

Молитва всем святым

...**Х**ошь и спать ложишься дак, тоже творишь. Я-то ведь молюсь дак, всех святых пока: «Микола-Святитель, Пресвятая Богородица, явлённа Богородица, прескорбяща Мати Божья Богородица, Казанска мати божья Богородица, дева Мария, Юда ты Трофимович, пресвятая Сомолоня, все святые Иоанны, все святы апостоли, все святы угодники, многомилостливы, многожалостливы, скоры помощники, затворники, скоры помощники, помолите Бога об нас, о грешных, сохраните нас и сберегите нас от всякой притчи, от всякой на́пасти, от злых людей, от диких зверей, огня, меча и моря, ружья и топора и ножа».

Сон Богородицы

Христа-то растогóдели, расколотили, вот и молитва-то есть. Дóлга молитва-то: «Шла Богородица – приустала, легла – приуснула, приснился ей сон страшен. Пришли жидаы, взяли Господа за́ руки, повели на́ гору жезлом голову ломать, святую кровь проливать. Из этой реки потекла река огненна с востоку до запада, óт земли и дó неба. И в эту реку погонят нас, грешных, неправильных. Кто трижды три в день эту молитву сотворит, дак тот избавится муки вечные, смолы кипящая, огни горящего».

Явлена Богородица

Икона у бабки Домны явилась, бабки Домны. В сухарях у кого ле опять явилась была Богородица, образ. До войны, бат, ещё. Сухари были, лежали где ле, а потом Богородица тут, да кто ле – Бог же подслал уж, наверно, полóжил образ, Богородицу. Дак вот хозяйка и нашла эта – бабка Домна, у ей раз явилась дак. Явлённа Богородица. Говорили, что явлённа, явилась Богородица. Кто тут подбросил – кто его знат.

А так вот как, что раз явлённа она, дак и сулят. Например, чё-нибудь будет плохо, дак, скажем, вот телёнок потерялся: «Ну, хоть бы, ну, я положу десять рублей, хоть бы нашёлся». Вот так подумашь, найдётся и положишь.

Зять утонул дак, пять лет искали его, искали да не могли, потом чтобы хошь косьё найти, мать пообещала. Нашли косьё, по ремню узнали только. Нашли и хоронили у Трусовых, он трусовской был.

Покаяние природе

Когда на душе неприятно, чё-нибудь это – может, чё-нибудь кого-то обидел, и чувствуешь вину перед собой, иногда выйдешь на улицу и говоришь: «Земля и небо, гора и река, простите меня, грешну, во всём согрешении, что я обидела там кого-то...». Иногда... людям сказать иногда не всем скажешь, некоторым скажешь вот такое, они разнесут, и больше греха сделают, а вот, говорят, на улицу выйдешь: «Небо и земля, гора и вода, простите меня, грешну, за те-то грехи там...» – что я, может, кого-то обидела, кого-то я назвала неладно так, обидела. Где-то я слышала, что можно, если некому проститься, если некому проститься, можно проститься на улице на небо, на землю, на гору и на воду. «Небо и земля, гора и река, простите меня, грешну». Поклонишься так. Молятся обычно на восток.

Перед неожиданной смертью

...**И** потом ещё дедушка рассказывал: встретила, говорит, – это тоже из старинных книг же где ле – встретила Смерть. И говорит:
– Ну, всё, щас ты умрёшь.
– Дак, спусти, отпусти меня, – говорит, – хоть проститься.
– Нет.
Он, говорит, простился лесу, травы и белому свету, и засчиталось, что он исповедовался. Вот. Это тоже от дедушка я слыхала.

Бесы в образе ангелов

Жили святые люди] в лесу, избушки такі маленьки. Спасатьсе пришёл. Бёси сразу пришли, в све-е-етлых нарядились ризах: «А поклонись нам, дакмы на небеса понесём!» – будто ангелы пришли они (могут всякими сделаться – ангелами и всякими светлыми, образуются всяко). Но – он взял да поклонился. Дак они его били, били, били... А перекрестился бы – все улетели, убежали бы. Он не перекрестился, поклонился им. До полусмерти били, лежал весь в крови, до бессознания. Пришли смотреть его эти, из церкви-то, из монастыря-то, смотреть, навещать, а он без сознания лёжит. Один послушал, говорит: «Он мёртвой». А другой говорит: «Нет, он, – говорит, – оживёт ешшо. Душа там дышит». Ну, и на носилки полóжили, унесли его в церковь, в монастырь ле куда ле тут унесли. Где ле недалёко же от монастыря-то. Унесли, он отлежался, его спрашивают: «Как тут?» – «А вот пришли, – говорит, – свётлы: “На небеса понесём, поклонись”. Я поклонился, – говорит, – не перекрестился, и они меня били до полусмерти». Он долго тут отляживался. Снова ушёл там. «Дак ты неужели ты не знашь, перекрестился бы – нё были! Шо ты мало ешо спасался-то, понесут тебя скоро-то? По тридцать лет, по шейсят спасаются, живут, а он уж и поклонился им!» Дак ещё приходили. «Дьяволи, – говорит, – уходите». Он больше не стал с ними разговаривать. Ещё приходили снова. Спасьсе!

Как старец перед смертью с Богом разговаривал

Пришёл юноша [к старцу], молодой человек. И он [старец] говорит: «Посиди, молодой человек, я выхожу». В избушечки-то. Вышел и разговариват там с кем. Зашёл. «Чёйно ты, с кёмно ты разговаривашь? Нихто нету у тебя тут». – «Я с Богом разговаривал. Мои все грехи простил, – говорит, – и сейчас я буду умирать, ты похорони меня». В лесу живут дак. Он лёг, и сразу он и умер. «Вот, – говорит, – как удостоил! С Богом разговариват! Я, – говорит, – здесь останусь спасатьсе» – юноша-то говорит. Молодой парень, может, двадцати годов ли двадцати двух ешшо. Рано ему спасатьсе, он ешше не вытерпит, убежит. А хочет остаться тут спасатьсе. Он говорит: «Вишь, с Богом разговариват и лёг и стал, умер». Ангел ему говорит: «Поди в мир, тебе еше рано тут спасатьсе». Послал. «В миру поживи ешше» – юноше-то сказал. Ушёл. Ушёл в мир. Таки молоды не вытерпят, убегут. Там ведь в лесу жить-то надо, читать да надо молиться да, читать да молиться.

Не уйти без прощения

Юноша навестил старца] Старец заснул, задремал, дремлет. Он [юноша] говорит: «Вот я не простился и... долго – нет он проспит?» И не ушёл без прощенья. Надо проститься. А он [старец] проснулся да и говорит: «Ты всё еше сидишь, не ушёл?» Он говорит: «Не ушёл, – говорит, – не простился дак». Не попрощался да. Надо проститься: «Прости, брат, меня, грешного!» А он тебя тоже простит: «Господь простит, и меня, грешного, прости!» – вот так проститься. А он, говорит, не простился, дак и не ушёл. А старцу говорит: «Сидел, дак видел: два венца спускались». Окошко-то есть, он видит. Два венца спускались. Тот видел, парень-от, юноша-то сидел которой. Он и старцу говорит: «Тут спускались два венца кому ле, – говорит, – я видел в окно». Он [старец] и говорит: «Эти венцы нам спускались – мне да тебе». А тот юноша говорит: «А мне-то за что?» – «А за то, что ты томился сидел и не ушёл без прощенья. Венец получил». Вот. Вот этот старец-от всё и запишет, книги-то всё и писали, каки чудеса-ти. Они не нынешно, бат, пишут, не то, не то пишут. Вот каки люди-ти были.

Вызволнение из ада

Мати была скупа – одну ниточку дала, кому ле крещён(ом)у, хто попросит. А отец тоже был скупащой – одну кому ле завёртку завернул к саням – завёртки-то это завёртывали. А сын-от хорошей был: каждого приглашал, всё это водил да опахивал, кто придёт, дак в дом ведёт, всё это добро делал людям. Но и Осподь-от явился к им. Пришёл, весь обкуржил. Он выбежал – этот сын-от – и давай его опахивать на улицы. Опахал, завёл в избу, раздел, на печь запихал его. А мати-то квашню, квашню месила. Хлёбы спаливали – тогды ведь спаливали этим спаливальником. Но и стала хлёбы садить. А он лежит этот старичок на печи и:

– Хозяйка, – говорит, – хозеюшка, дай мне тещичка!

Она и взяла маленько, ему там бросила да и говорит:

– Всяка наброда придёт да ещё тесто просит!

Она посадила хлёбы-ти. Он катал-катал в руках и ей подал:

– На, хозеюшка, посади там.

Она лопату взяла, шарнула там его в печь, катышок-от. И у ей тот развалился этот хлеб-от, испёксе, ейны-ти хлёбы все на ребро поставило, а тот больший сделался. Всё говорили. Дак хто откуль хто слышал вот то тако чудо? Но и вот. И они эти родители умерли, говорят, и там уж Осподь сколько комнат отвёл, и сын-от ходил, и сына-то созвал, как сын-от ещё живой. И созвал сына-то в гости этот дед. Завёл в гости туды – в ту избу, в другу избу. Говорит это... как:

– Будёшь, говорит, потом жить этта будёшь, ты умрёшь.

И ключи дал и не велел ходить:

– В самую последнюю не ходи там комнату.

Сказывали, правда – не правда ле, хто ле придумал ле. И он ходил-ходил, сам ушёл, потерялся этот дед. И он ходил-ходил и говорит: «Почему же, говорит, дед ключи дал и не велел там ходить?» А он, говорит, открыл и увидел – там колесница в смолы-то, это тогóдеются на колесници родители-ти, там их вертит, много людей-то там, мол, говорит. Но и он, говорит, сел, ушёл и плачёт. Старичок говорит:

– Ну, чё ты, – говорит, – плачёшь?

Он говорит:

– А ты не велел ходить, а я там сходил, видел отца да мать.

И Осподь дал ниточку и завёртку:

– Если заможешь, – говорит, – вытянуть на этой вици отца, дак вытянёшь из мўки.

Но. Он вытянул отца-то. А мать, а матери ниточку дал – каку он там ниточку дал? Мать он потянул, и там еше имаются за ей, а те-то – она пинат их:

– Не ваш сын тёнёт – мой сын тенёт!

И ниточка оборвалась, она там осталась.

Вот надо людям-то добро делать, худобў-то не надо делать. Кормить-поить крещёных надо, хто нўжны-ти – подавать нўжным надо. Слыхали, бат, дак и друг дружке и рассказывают. Вот один от одного, там стары люди ещё, бат, один одному скажет, а потом другой другому скажет – да вот так всю жизнь, бат, десятилетия, бат, прошло дак. Раньше больше верили дак, в Бога верили дак, всех. А нынь чё? Все как шишкї, бат, стали, никому ничё не верят дак.

[Что значит «хлебы на ребро поставило»?] Вывертело все по стенкам, а тот разросся большущий стал хлеб, говорят.

Добро всё переможет

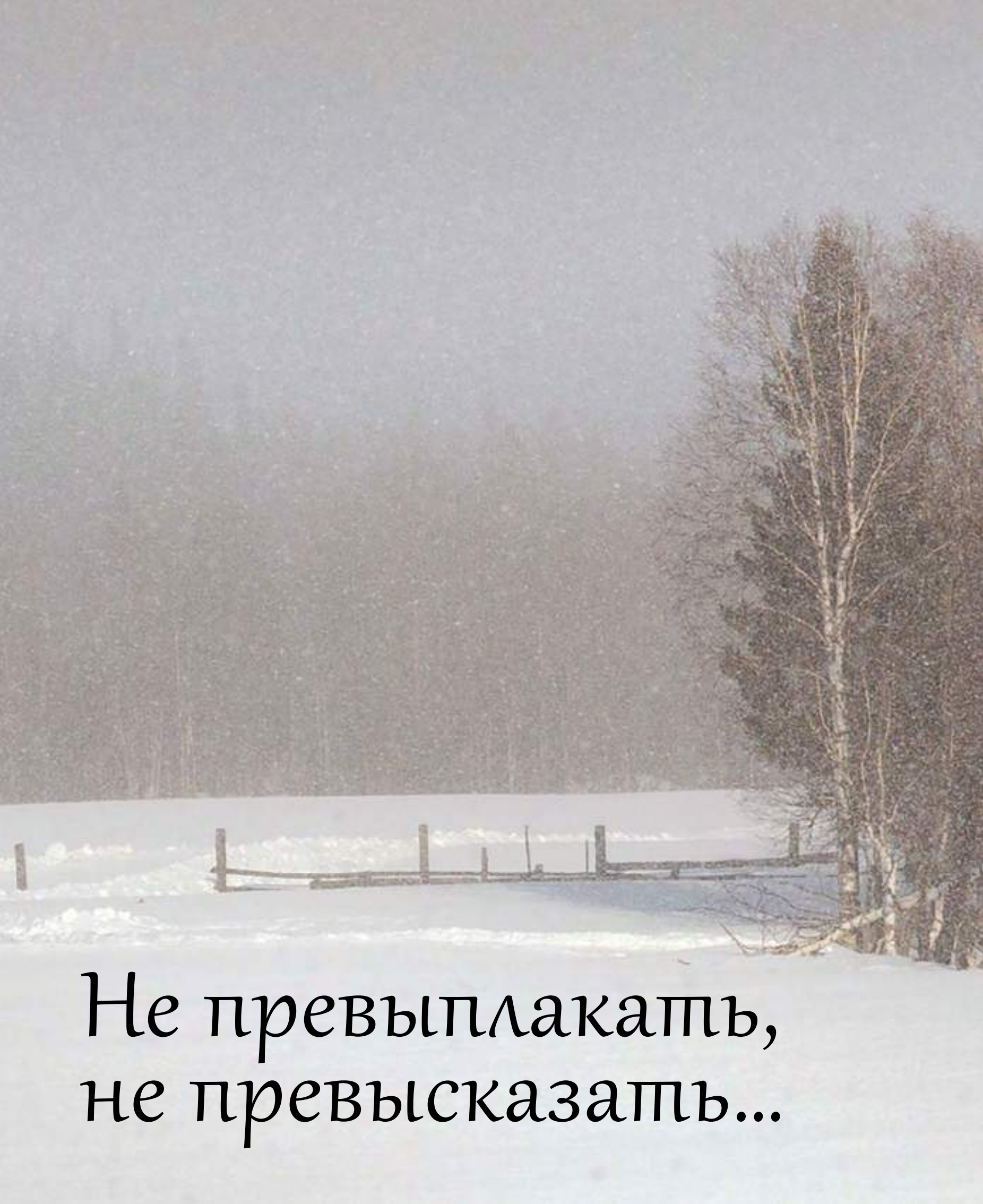
У потом дедушка всё притчу рассказывал, говорит: жили две сестры на од-
нодворицы (называется это – только два дома, и однодворицы называются).
И говорит, одна-то всё молилась, вот. А там люди едут, дак и останавливают-
ся, лошадей накормить и самим отдохнуть и. Дак одна-то говорит: «Подъте
к сестры, я молюсь, не успею». Да говорит, котора, говорит, всё молилась-то,
а добро-то не делала, дак та в рай-от не попала, а котора, говорит, обогре-
вала да самовар согрет да людей обогрет дак, говорит, та в рай-от попала.
Вот, говорит, как добро-то надо: не успеете молиться, да говорит, много дак,
за себя-то хоть молитесь, а говорит, добро-то делайте, добро-то делайте.
Ну, вот, добро, говорит, всё переможет.

Не превыплакать,
не превысказать...

*Ты кормилица
да крёстна матушка*

Ты кормилица да крёстна матушка,
Не расплетай мою да трубчату косу,
Не вымай мою да ленту шёлкову,
Пяти шелков, пяти разных,
Не сымай мою да девью красоту.

*Нет спасиба тебе,
да крёстна матушка*

Нет спасиба тебе, да крёстна матушка,
Распустила мою да трубчату косу
По единому да русу волосу!
Сняла мою да девью красоту,
Сповынела у меня да ленту алую!
Отнесла мою да девью красоту
Во чисто поле, во раздольице!
Посадила мою девью красоту
На белую на березоньку...

*Ты прости, моя
да воля вольня*

Ты прости, моя да воля вольня,
Ты прости, моя да девья красота!
Я пошлю тебя да во чисто поле,
Во чисто поле да во раздольице.
Ты садись, моя да девья красота,
Край пути садись да край дорожечки,
На белу баску да на березыньку,
На баску белу да кудреватую.
Пусть не дуют да ветры буйные,
Не мочат да дожди мокрые!

Плач о девичестве

*У*ж я тут росла, бедна, да красовалася,
Уж я как сыр в масле, горе, купалася,
Я ничем жила у них не жадная,
Ни свежой рыбой да я трепущеей,
Ни серой птицей да полетущеей.
У нас свысока да было постреляно,
А сглубока было почерпнуто.
У ласковой да моей тётушки,
У жалостливой да старой бабушки
Заведёно мне было цветно платье,
Цветно платье да переменное,
А обуточка да мне поножная,
А одеждочка была поплечная,
Мне гроза была, бедной, не придана,
Воля девичья была не унята.
Я везде ходила да везде ездила,
Я по горочкам ходила, по катушечкам,
По осенним да посиделочкам,
Я на завидость да людям добрым,
Я на завидость да православным.
Не худого мы были роду-племени,
А почётного да отца-матери...

Плач по утонувшей дочери

Толубушка моя, белянушка,
Ты мила любя да дорога дочі,
Дорога моя мила бесценная,
Ты бесценная, драгоценная,
Ты изо сто была выбірана,
Ты из тысячи да была пóчата,
Из ста тысяч да ты выхвачена.
Ты понáдобью да мне нажáдобью,
Нужна-важна да шибко надобна,
Ты одна была да одинёхонька,
Не на это была да ты у мя рощена,
Не на это ли была поды́мана,
Что случится над тобой да это сдéется.
Ты пойдёшь, моя да лебедь белая,
На матушку да на быстру реку,
Во кормилицу да золоту струю,
Ты станешь, моя, да купатися,
Во матушке да во быстрой реке,
Во кормилице да в золотой струе.
Подманит тя да мать быстра река,
Обманет тя да ключева вода,
Снесло тя, да лебедь белую,
Смыла тя ключева вода,
Сгубила тя да душу грешную,
Без прощеньица, без покоеньица
Ты убралась моя, да укатилася.
Мы пошли, горе, да мы поехали
Искать тебя, да лебедь белую,
Во матушке да во быстрой реке,
Во кормилице да золотой струе,
Мы нашли тебя, да лебедь белую,
Во быстрой, реке да в ключевой воде,
В ключевой воды да мы на самом дне,
Мы на самом дне да на желтом песке.
Брал тебя гора высокая,
Здымал тебя стена камённая
Из ключевой воды, да из быстрой реки,
Он брал тебя да во белы́ руки,

Повызнял тя со нíz быстрой реки.
Тут я завидела, бедна злосчастливая,
Я увидела очами глупыми
Я милу дочь да драгоценную.
Заболело моё да ретиво сердце,
Заболело моё да бедно верёжено,
Верёжено мое полюблено.
Не морозом да познобілося
Не вередом да вереділося,
Познобило моё да ретиво сердце,
Познобило моё да больно верёжено
На си веки да на сысветные.
Голубушка моя, белянушка,
Белянушка моя, крýньюшка,
Ириньюшка моя Ивановна,
Тебе на это была да путь поправлена,
Тебе на это была да путь-дороженька,
Не эта была да тебе смерточка,
Не во матушке да во быстрой реке,
А лучше поскорбеть да во витом гнезде,
Не так бы болело да моё ретиво сердце,
Не так бы ныли мои да черны печени.
Уж я лучше бы тебя, горе, спровадила,
Уж я лучше бы тебя, горе, положила
Со боленница да со скорбленница,
Поскорбела бы ты да поскорбела бы
Во своем ты да во витом гнезде,
Поводилась я бы с тобой, мати родимая,
С тобой, моё да чадо милое,
Со тобой, моё дитя сердечное.
Ты от крови у мя была да от горячеей,
От сердца да от ретивого,
Ты расстроила моё да ретиво сердце,
Ты расстроила – не успокоила,
Не все веки да на сысветные,
Не все веки да маловременные.
Я сорок недель да тебя несла,
Уж я несла тебя, спорóдила,

Из чёрной грязи тебя сповыняла,
Я брала тебя да на белы руки,
На белы руки свои на злыденны.
Я не чала да это не думала,
В уме-разуме это не дёржала,
Что ты уберешься ли у мя, укаتيشся.
Я хотела тебя, бедна, повырастить,
Я хотела тебя, горе, сповыздынуть
Я до полного да больша возраста,
Я до крепкого да ума-разума,
Я в житью-бытью да на сменушку,
Себе на стары дни да на заменушку.
Мне судил Бог, да Царь Небесный Свет,
Тя повырастить да лебедь белую,
Тя повыздынуть да дочь милую,
Не удалось с тобой мне заменитися,
Мне не судил Бог, да Царь Небесный Свет,
Не удостоена я да Господу Богу,
Не доходна до тебя, да лебедь белая,
Ты прости, моя да лебедь белая,
Ты прости, моя да пелядь свежая,
Ты мила дочи моя сердечная,
Дорога моя да ты Ивановна.
Нам последнее с тобой прощаньице,
Больше на веки да несвиданьице,
На си веки да бесконечные,
Бесконечные да вековечные.
Мне нигде боле да не завидети,
Твоего голосу да не слышати,
Не последне ли с тобой прощеньице?
Я спроводила тебя, положила
Я во матушку да во сыру землю,
Под вековечну тя да гробову доску,
Под тонки белы да тебя саваны,
Под тонки белы да под полотняны.
Я сложила тебя, да горе злосчастливая,
Позади двора да среди поля.
Нонь сыра земля да не раздвинется,
Грובה доска да не откроется,
Не размахнутся да белы саваны,
Не откатятся да руки белые
Со белых грудей да с ретива сердца,

Не отпрутся да очи глупые,
Не отворятся уста сахарные,
Не поворотится твой да говорок язык,
Ты не подашь тонка да звонка голоса,
Не восстанешь, моя да лебедь белая,
На свои-то да на резвы ноги,
Ты не пойдешь в своё да во вито гнездо,
Не зайдёшь в своё да золото кольцо,
Ты во злу-лиху да во хоромину,
Ты не придешь да по гладким полам,
По гладким полам да по еловым,
По частым мелким да перекладинкам,
Ты не сядешь со мной, бедной злосчастной,
На брусчату да белу лавицу,
Ко косявчату да ко окошечку
Посидеть со мной да побеседовать,
Поговорить со мной да посоветовать,
Со мной бедной да со злосчастной,
Развеселить моё да ретиво сердце,
Больно моё да как верёжено.
Из той пути да из дорожечки
Добру молодцу да нету выпуску,
Ясну соколу да нету вылету,
И тебе, моя тоже лебедь белая,
Ни выпуску нету, ни выходу.
Бат, ясён сокол оттуль не вылетывал,
Добрый молодец да не выхаживал,
Письма-грамотки да не вынашивал,
Словесно нам да не сказывал,
Там стола верно нет дубового,
Стульев нету перловых,
Писаря видно не заготовлены,
Бумаги ли нету ербовой,
Чернила ли нет орехова,
Пера ли нету орлового.
Выносчика нету из той пути
да из дорожечки,
Из того там ли свету белого,
На здешний да свет белой.
Не выносят оттуль да письма-грамотки,
Сложено видно, уложено,
Чёрной печаточкой да запечатано.

Плач по мужу

Дорога ты, дума крепкая,
Дорога да припостельная,
Крепка была дума, надежная,
Надежная была да неизменная,
По уму была да по разуму,
По лицу да по плечу.
Мы жили, горе злосчастные,
Одну мы с тобой думу думали,
Одни мысли да мыслили.
Хошь не богаты мы были, не известные,
Сечиной мы были довольные,
Хлебом-матерью были награждённые.
Землём-матерью не наделённые,
Не нарезаны нам полосы широкие,
Не наделены да гладки поженки,
Круты холмы окатисты.
Мы своим трудом секли леса тёмные,
Копали да землю-матерь,
Распахивали полосы широкие.
Моё-то чадо милое
Не здрящее было, неветрено,
А здря слова он не выбросил,
А здря речи да он не выкинул,
Покуль не обдумат своим умом-разумом,
Умом-разумом молодецкиим.
Во пору было сроблено,
Во время да заготовлено,
Нарощены у нас были добры кони,
Добры кони продажные.
Ездил в путях-дорожечках,
Наживал да золотой казны,
Кормил меня да с детьми малыми.
Во летнюю да в пору-времечко
Разольётся да мать быстра река,
Пойдёт да как свежа рыба,
Ловил моё да ладо милое
На еловых лёгких лодочках,
На макарьевских да на желтых песках,
Свежу рыбу трепущую,
Крупну рыбу продажную,
Кормил нас, бедный злосчастной.
Откуль едет – нам возом везёт,
Откуль идёт – нам ношей несёт.
Кормилица да ладо милое,
Дорога моя да дума крепкая,
Не из ста да моё верное,
Не из ста да из тысячи,
Не на смех жили людям добрым,
Не на смех да православным
Ростили да детей малых.

Плач о муже пьющем

Ты кормилец мой да ладо милое,
А ты кормилица, да дума крепкая,
А уж ты пьющий был да мотущий был,
Шумучий да был громучий,
А уж ты наживал много да золотой казны,
Уж ты нёс-платил из своего витá гнезда,
Из витá гнезда да из своя житья.
А уж ты не дай же Бог, да не дай Господи,
А уж со пьющим жить да со мотущиим,
Со шумучиим жить да со гремучиим,
Уж он не успокоит моё ретиво сердце,
Не успокоит мое больно верёжено.
Уж он часто ходил на больши кабаки,
А уж и помногу ли носил да золотой казны,
А уж он много водит друзей-приятелей,
Соберёт много голей кабацкиих,
Наведёт ли он да мою полnú избу,
Мою полnú избу да их целу семью,
Уж велит их поить-кормить да угощать их всех.
У меня недостатки ли да недохватки ли,

Уж я сечины-горя от него перевидела,
Уж я сечины-горя да перетёрпела,
Уж не снесла столько да мать быстра река,
А не свезла столько да лошадь добрая,
А сколько я несла, да много тёрпела
От тебя, моя да лада милая,
Уж от тебя, моя да дума крепкая.
Уж ты бил меня да, бедну, вон гонил,
А уж ты по́часту меня, бедну, по́завси,
Уж я битая была, бранёная,
Уж за всё вон у тебя гонёная,
Уж я середка ночи была разбужена,
С малыми детьми была разгонена
По суседам я да приближённным,
Уж я ко своим родным да ко родителям.
Уж не была на мне да только ма́тица,
Уж не была на мне да только грядочка,
Уж ты сечиной меня да бедну бил-ломил,
Уж я никак не могла тебе, лада милая,
Уж я никак не могла уноровить-уладити,

A photograph of a snow-covered boat on a frozen body of water under a pale sky. The boat is partially submerged in the snow, with its deck and railings visible. The water is frozen, and there are some small ice floes in the distance. The sky is a uniform, light color, suggesting a clear or overcast day. The overall scene is quiet and desolate.

А не своим добром да я великиим.
Уж я без вины была тебе виноватая,
Уж без причины была, горе, причинная,
Уж ко времячку была да подвинная.
Уж откуль ветры да раздуваются,
Уж откуль тучи да поднимаются,
А на меня, бедну, да собираются.
А уж ты не дай же Бог, да не дай Господи,
Уж за пьющим жить да за мотущим быть.
Уж меня отдал ли гора высокая
Уж за пьющего да за мотущего.
Уж я бросилась да бедна кинулась
Уж из жарка огня да в полынью,
С крута бережка да в мать быстру реку,
За худа мужа во бедно житье,
Во бедно житье да во скудное,
За худа мужа неразумного.
Я докуль с тобой буду маяться,
Докуль стану, бедна, позориться

Я со пьющим да со мотущим,
Со гулячим да со ходячим?
Я, худа жена, лучше вдовой сижу,
Худой лошади лучше пешком иду,
Ты у работаньки – да нету пособи,
Ты у горя – мне нету помочи.
У меня болит шибко да ретиво сердце,
У меня ноют да черны печени
Со того бытья, да со худа житья.
Ты во всяку да пору времячко
Ты меня бил, бранил, да все ведь вон гонил.
От тебя, моя да лада милая,
Ни у работаньки да нету пособи,
У великой да нету помочи,
Не избавлял мне да много тягости,
Не убавлял у меня дела-работаньки.
Кабы была моя мать родимая,
Не отдала за тебя жалость сердечная,
За пьющего да за мотущего.

Плач по умершему сыну

Кормилица да чадо милое,
Дитя мое да ты сердечное,
Семя мое да ты сахарное,
Ты верба моя да леторощенная,
Яблонь ты моя кудрявая,
Свеча будто да воску ярого,
Умное моё, разумное,
Тихое моё, смиренное,
Неспорливое, нездорливое,
С соседями да не сакéгливо,
Статным-статно да полновозрастно,
Складна туша твоя кирпичата,
Круты плеча твои аршинные,
Головушка твоя мячëвая.
Кормилица да чадо милое,
Не пожалел свою да молодую пору,
Молодую пору да годы цветущие.
Что тебе да приключилося,
Что тебе да повстречалось?
Бело лицо твое румяное,
Брови твои да соболиные,
Ресницы да соколиные,
На головшке у ты желты кудри,
Желты кудри рассыпчаты,
Созади смотрю на складну тушу,
Сбоку-то да на круты плеча,
Наперёд гляжу да на бело лицо,
На походочку на ту упавую,
Разговорушко да тихий смирный.
Что так на меня да осёрдился,
На меня, мати родимую?
Бросили меня, мати, покинули,
Горьку вдову меня безмужнюю.
Мати стала я бессыновняя.
Уж вы рощены были, подыманы,
У своего ли горы высокой,
Обуточка-то вам была поножная,

Одеждочка-то была поплечная,
Не ходили вы да не шаталися,
Не робили на чужой работаньке,
Не мучены были, не мотаны,
Поутру были рано не бужены.
Правой рукой да вас побудила,
Левой рукой пуце прикутала,
Мягко место было постелено,
Круто зголовьице было налажено,
Одеяло теплое было постлано,
Уж вкусна еда была настряпана,
На дубовый стол была наставлена.
Немноги мои да не артельные,
По надобью да дети были рощены
У одного да отца-матери,
Молодую пору да на забавочку,
Середине веку да на заменушку,
На старость да на пропитаньице,
После смертушки на покрываньице.
Не чала я да не думала,
Из белых рук я тебя уронила,
Из мутных очей да потеряла,
Недалеко я тебя спроводила
Неглубоко я тебя закопала.
Из той пути из той дорожечки
Ясным соколам да нету вылету,
Белым лебедям да нету выпуску.
Из матушки да из сырой земли,
Из сырой земли да земляна бугра
Ни письма не придут, ни грамотки,
Ни низки поклоны челобитные.
Не сыскать да не проведати
Мне в кружках да в красных девушках,
Ни в толпах да добрых молодцах.
Не состарил ты да молодую жену,
Не оставил детей малых.

Плач

по сыну-хозяину

...У ж моё-то ли да чадо милое,
Оно путное да толковатое,
Оно рабочее да оно делово,
Оно смышлѣно, оно ремесленно,
Ко всякой работаньке он приученой.
Уж он умел ли, моё чадо милое,
С глубока да он почѣрпнути,
С висока да он подстрѣляти
Птицу да полетущую,
Уж каких зверей да он ли разных
Уж он умел добыть, да мое чадо милое,
Хошь лисиц, куниц да всякийх зверей
Во лесах да он во тѣмных,
По росохам да по пригрубыим,
По воруям да по высокиим,
По борам да по сосновым
Он сѣльями да он капканами,
Сечиной умел да он лóвити,
Он путней да толковатой.
Он не ношей нѣс, да он возом вѣз
Во житьѣ-бытьѣ да во вито гнездо,
Он умел ли мой да в житье ли жить,
Во житьѣ ли жить да поряд вести.

Дорого моё да чадо милоё

Дорого моё да чадо милоё,
А дорого моё дитя сердечной,
А уж как я нóсила да тебя родила,
А я большу к тебе жалость прилóжила,
А я большу-то ле жалость неложную,
Уж неложную да неизменную.
Уж я не знала, к чему тебя прилóжити:
А я ко веточке да леторощеной,
Уж я ко свечке ле да воскуяровой,
Уж я ко травоньке тебя шелковой,
Уж ко цветку ле тя да я к иваньскому,
А я ко почести тебя петровской,
Уж я к ильинской-то да сладкой ягоды,
А сладкой ягоды – сладкóй малиновой,
Уж я ко зорюшки да тебя светлой,
Уж я ко месяцу да тебя ясному,
А я ко солнцу ле да тебя красному.

А солнце красной да укатилосе,
А дорого дитя да укатилосе,
Уж он не во пору да не во времечко,
А молодой поры да среди веку,
А молодой поры до поры-времечко,
Уж он ле лёг ле он да во сыру землю,
А во сыру землю да во темну тайгу.
А дорого ты моё да чадо милоё,
Уж дорого ты моё дитя сердечной,
Уж ты не приедёшь больше к нам, не зáйдешь ты,
Уж не промолвишь ты да словом ласковым.
А дорого ты моё было любимой,
А ты любимой, крепко жалимое,
Уж ты слуга ведь был да моя верная,
Уж ты рука ведь был да моя правая,
Уж ты крыло было моё полетущёё,
А дорого ты моё да золото ты моё...

умершие младенцы Рван

1900 года 15ое ноября родилась — Анна
А умерла 20ое декабря ^{младенец} X

1901 года 2ое ноября родилась — Тимася
А умерла 9ое марта 1904ое года ^{младенец} X

1904 года 16ое Января родилась — Васса
А умерла 14ое декабря ^{младенец} того же года X

1913 года 12 Января родилась — Татьяна
А умерла 15ое мая ^{младенец} того же года X

1912 года 16 Апрель родилась Агафья
А умерла 4 июня 1912 года ^{младенец}

1916 года родилась 28 марта Тана вперды
в 8 день 4ое Апрель и имени ^{младенец} Иосиф
А умерла 9ое Апрель ^{младенец} того же года X

1917 года родилась Евдокия 25 марта ^{младенец} померла 5 июля
ВАСИЛИСЬ ПЕМИНАТ

АННЫ, ПИРАСИЯ, ВАСИИ, ТАТЦАНЫ, АГАФЬЯ
И ИОСИФА МЛАДЕНЦЕВЪ И ИВАНА
ЕВФРАСИИ

Проводы сына на войну

Кормилица да чадо милое,
Дитя моё сердечное,
Меньшо моё последнее,
На тебя да гуси выпали,
Спросили тебя, потребовали
На чужу на дальню сторону,
Города смотреть да там столичные,
На большу войну да кроволитную,
Защищать свою родную Родину,
Защищать Россию-матушку
От фашиста злого Гитлера,
Лютого да ядовитого.
Не любит, видно, нашу власть советскую,
Разоряет Россию-матушку,
Широку Россию великую.
Ой, уж моё чадо милое,
Дадут тебе ружьё казённое,
Учить станут вас, добрых молодцев,
Ко ружью тебя да ко казённому,
Ко штыку да ко вострому,
Ко сабле вас да быстрой,
К большим снарядам да минным.
Молодешеньки да зеленешеньки,
Шелкова трава да невозрослая,
Расцвели цветы лазорьевы,
Не на это были вы рощены,
Не про злого врага да ядовитого,
Ядовитого да лиховитого.
Ядовитый враг да скверный он,
Погубил много наших детей отецкиих,
Отецкиих да молодецкиих.
Пустошат наши города столичные,
Города столичные да места хлебные.
Чего ему, гаду, надобно,
Злому ли ему врагу поганому,
Худому фашисту ядовитому,
Ядовитому да лиховитому,

Чё он лезет, чё пихается,
Победить хочет, да разорить хочет?
Пособи ты, Бог, нашим добрым молодцам,
Защищать нашу да свою Родину,
Защищать свою Россию-матушку,
Не пускать врага да ядовитого
Во нашу да Россию-матушку,
На часах стоять да на минуточках,
У дверей да придверниках,
У ворот да приворотниках,
Повострей смотреть да ночьюми тёмными,
Почутчей слушать ушми молодецкими,
Побойчей быть да поувертистей,
Не сдаваться ему, худу врагу,
Худу врагу поганому,
Поганому да лиховитому,
Лиховитому да ядовитому.
Уж ты, дитя мое сердечное,
Не отдавай фашисту ядовитому
Ни одного лоскута России-матушки,
Мы пособим да вам повыстоять,
Отстоять да вам повытерпеть,
За свою Россию-матушку.
Много вас да там уложено,
Много вас там угроблено
Худым врагом да ядовитым,
Ядовитым да лиховитым,
С молоду веку да середи веку.
Учёны вы да были рощены,
Не заробили гроба соснового,
Гроба соснового да савана белого,
Не омыта ваша кровь горячая,
Не закопаны вы да во желты пески,
Не одето на вас платье чистое,
Прострелены да груди белые,
Оторваны да буйны головы.

Проводы брата на войну

Кормилица моё да солнце среднее,
Кормилица да обогревное,
Оно повыращено, да солнце красное,
На пустом месте да на поплесице,
По конец он жил да мать быстрой реки,
Позавони да роду племени,
Около синего да около морюшка,
Около больших болот да зыбучиих.
Не ходили к ним там да люди добрые,
Только летала там да сера птица,
Сера птица да бела утица.
Ходили около вас да звери лютые,
Звери лютые, звери бесценные.
Не на гульбу уповал моё солнце красное,
Ты за утками ходил да за лебёдками,
Ты с горы идёшь, солнце, ношей несёшь,
С-под горы идёшь, солнце, возом везёшь,
Ты ловил, солнце, да свежю рыбу,
Заводил себе ты цветно платье,
Цветно платье да переменное...

На разгром врага

Я отправила да всех проводила,
Я во дальнюю да путь-дорожечку,
На чужу дальню да на сторонущку,
На большу войну да кроволитную.
По другому да году долгому,
По другому да по тяжёлому,
По времю да по военному
От моего-то да чада милого,
От моего-то дитя сердечного
Ни письма мне нет, ни грамотки,
Ни вести да нет ни павести.
Не могу, бедна, придумати,
Где моё бедно дитя находится,
Он ведь был, моё да чадо милое,
Во первых боях да кроволитных,
Защищал свою да Родину
От зла врага да от проклятого.
Уж я то, бедна, да, горе, думаю,
Сразила, может, пуля быстрая
Во чистом поле да во раздольице,
Разнесли, может, да звери лютые,
Расклевали, может, да чёрны вороны. <...>
Мы живём да, бедны, остались,
Мы по-старому живем да мы по-прежнему,
Мы по-прежнему да в глубоком тылу,
Мы не слышим да больших выстрелов,
Мы не видим да хищных ястребов,
Помогаем да всеми силами
Разбить врага да проклятого,
Истребить да до единого
Тыловым да трудовым фронтом
На полях да на колхозных,
На лугах да на зелёных,
На заливных да на печорских.
Мы косим да шелкову траву,
Ставим мы да зелёное сено
Для доблестной да красной конницы,
На разгром врага да до единого.

Плач по Журавскому

Уж ты удалый наш был добрый молодец,
Твоя мозгова была да буйна́ голова,
Гора ума да друга разума,
Уж чё у добрых людей было задумано,
У тебя было да то ли сделано,
Ты умён ли наш да как читать-писать,
Уж ты план вести да умом-разумом.
Уж ты пришёл, приехал со чужой дальней,
Со чужой дальней да ещё стороны,
Уж из больша города да из Архангельская,
Ты не глупой был, да ты глупо́ сделал,
Уж ты бросил свою молодую жену,
Ты оставил там да люблю семью
Во большом городе да во Архангельском,
Ты прибрал себе да другу жену,
Не венчальную, не обручальную.
Ты оставил там жену да венчальную,
Венчальную жену, законную.
Ты уехал во матушку да во быстру реку,
Во быстру реку да во Печорушу,
Ты поднялся с матушки с быстрой реки,
Уж на круту́ гору да на высокую,
Уж во темны леса да во дремучие,
Уж ты нагонил силу да молодецкую,
Уж ты удалых да добрых молодецв,
Уж вы повырубали да все темны леса,
Повыворочали да все кореньица,
Все кореньица да злы зельица,
Всё повыпахали да все сповы́орали,
Матушку да сыру землю
Привёл ты в хорошу пахоту,
Тут да было много людей добрых.
Ещё боле коней ежальных.
Тогда ездили да люди добрые
На боры́ да на сосновые,
Навозили себе брёвен сосновых,
Ты наставил теремов высокиих,
Расселил целу деревнюшу.
Я ходила да, бедна, с тобой ездила,
По лугам, бедна, да по зелёным,
По озёрам да по глубокиим,
Ловили мы да свежу́ рыбу,
Со друзьями ты да со приятелями,
Со второй ты да молодой женой,
Со второй да со названной
Во лёгких лодках да во еловых,
Во грабилушках да во ходячиих,
Мы за матушку да за быстру́ реку.

Мы ловили да рыбу свежую,
Мы стреляли птицу да всяку разную,
Серых утицей да гусей-лебедей,
Со друзьями-то да со приятелями.
Один да у тебя друг-приятель был,
Он крутёхонько да он скорёхонько
Поторопился он да домой ехать
За матушку назад да за быстру́ реку,
Он оставил нас да пять человек
За матушкой да за быстрой рекой.
Мы пришли да на желты пески,
На крутой да на бёрежок,
Уведёна у нас да лёгка лодочка,
Перевезли нас да люди добрые,
Перевозчики да православные,
Мы переехали да за быстру реку,
На домашнюю да сторону,
Подниматься стали на круту́ гору,
На круту́ гору да на высокую,
Он впереди пошёл да во вито гнездо,
Андрей-то наш Владимирович.
Он подходит да ко круту крыльцу,
Ко круту крыльцу да ко виту гнезду,
Егов-от ли да друг-приятель,
Уехал которой да в нашей лодочке,
Он во своей сидел да во комнате,
(«Сидел ли, стоял ли, чёрт его знает»)
У которой было два косявчаты,
Два косявчаты да два окошечка,
Брал ли он ружьё казённое
Во свои-то да белы́ руки.
Поднялись еговы́ руки белые,
Из ружья да он повыстрелил,
Сквозь окно да сквозь косявчато,
Сквозь стеколышко да сквозь
немецкое.
Его проббили да пули быстрые,
Быстры́ пули эти свинцовые,
Из казённого ружья он повыстрелил
Удалого да добра молодца,
Андрея да он Владимирыча,
Расшибло его да буйну́ го́лову,
Повылетели да его́ мозги
Из еговой да буйной го́ловы.
Он упал тут да на круто́ крыльцо,
Со своих-то да со резвых ли ног.
Его резвы ноги да были пёшецки,
Белы́ руки да игрушечки,

Не заревел он тут да звонким голосом,
Заревели все да испугалися,
А тут во комнату свою залóжился.
(«На крючок двери-те заложил, никого
не пускает»)

Тут бросился удалый да добрый мóлодец,
На добрых коней да на ежальных,
Во славу да большу Усть-Цильму
(«Тогда ведь надзиратели были»)
За тюремными да надзирателями,
Затем за общей да за милицией.
Привезли тут да милицию.
Тогда не отпирал он да крепки́ двери,
На крючку сидит, заложился.
(«Сидит и ревьёт: “Ой, что я наделал!” —
Полиция-то канаётся, просит её

запустить:
“Отложишь, мы тебя никуда не деваем”»)

Он ревьёт своим да звонким голосом:
«Что наделал я, да добрый мóлодец,
Подстрелил я Андрея да Владимирыча».
Поднялись его да руки белые,
Прострелил он да буйну гóлову.
Забрала его да тут милиция
Под замки да под тюремные,
Его признали да лёгким умом,
Лёгким умом да глупым.
Тут судили его суды, большие органы,
Признали его да глупым.
Похоронила Андрея Владимирыча
Его названная да молода жена,
Свезла его да за пятнадцать вёрст,
За пятнадцать вёрст да за числёных
Во легкой лодке да во еловой,
Сложили его положили,
В матушку да сыру землю,
Где отведёна была да мать-сыра земля,
Отведёная да наделёная,
(«Тридцать десятин дано было ему»)
Там жить ему да век корóтати.
Его остались да дети малые,
Один остался да ясен сокол,
Две да белы лебеди,
Первой жены венчальной,
Венчальной жены законной.
Тогда приезжала его да молода жена,
Прибирала она да детей малых,
Всё житье-бытьё его имущество.

Говорóк-язык

Анночка-горожаночка,
Где была?
– Во новóм городе.
– Чего закупала?
– Вороново коня.
– Где твой конь?
– Миколка увел.
– Где Миколка?
– В клетку ушёл.

– Где клетка?
– Водой занесло.
– Где вода?
– Быки выпили.
– Где быки?
– Быки за гору ушли.
– Где гора?
– Гора цветками заросла.
– Где цветки?

– Девки выщипали.
– Где девки?
– Замуж выскакали.
– Где мужевья?
– На войну ушли.
– Где война?
– Среди двора.

Радуга, радуга!
Не давай дождя,
Давай солнышко,
Колоколнышко!

Долга-долгúша, куда потянулась?
– А стрíжка-стригúшка, а тебе какó дело?

(вжэд п внжоцц)

*Д*ва волка бежат,
На небо глядят,
Звёзды считают –
Пересчитывают.
(Нар.)

Баю-баю-баючок,
Огибается лучок.
Сзади ходит парничок,
Сам промышленничок.
Станет рыбку ловить,
Станет бабушку кормить.

*Д*ва брата одним поясом
подпоясаны.

(продолжен в вилочу)

Село заселено,
Петухи не поют,
Люди не встают.

(апокриф)

Баю-баю-баю-бай,
Ты, собачка, не лай,
Белолопа, не скули,
Нашу детку не буди.

Байки-побайки,
Матери – китайки,
А отцу – кумачу,
Брату – ластовицу,
Сестрицы – пестрицы,
Зелёны рукавицы,
Конопленицы,
Дедку – катанцы,
Бабки – стряпанцы.

Бай, бай,
Еще Бог дай,
Двойничков,
Тройничков,
Всех парничков.

*Ф*илька-Филлипп
На кобылке пилит.
Скочит да поточит,
Взад-вперед волочит.

(җиләрдүж-тәригә)

*Л*ежит Андрат
Весь обосрат.

(взодоу)

Кабы стал – небо достал.
Кабы руки да ноги –
Ворох связал.
Кабы рот да глаза –
Все рассказал.

(пгодоу)

Нет никто таков, как Иван Пятаков –
Сел на конь и поехал в огонь.

(хонлгүһ)

Выпашу, выпашу чистое поле,
Нагоню, нагоню белых лебедей.

(пһәи ө дәлүх)

Чай – Китай, вода – Печора, белых шанег напечёно.

Сквозь стену рыжая кобыла
глядит.

(аһнио)

*П*олно коробьё красных
ложек.

(эжъаи я пггъ)

*П*олна корбушка золотых
воробушков.

(эжъаи я пггъ)

*П*оложи лён возле огонь

*(Девку возле парня,
парня возле девку, лён
возле огонь – чё может
быть?..).*

*Т*óло, да фóрско.

Бывал да Живал

Бывал да живал, на босú ногú топор надевал,
трои лыжи зá поес затыкал, пошёл возле лыко
гору драть. Увидел: озеро на утке сидит. Высек
я три палки, перву бросил — недобросил, втору
бросил — перебросил, третью бросил — попал;
утка стрепенулась, а озеро полетело да на сухой
лес село, ну и сказки конец.

*М*ужнина родня в жопы хвой.

Ёрш

Пошло ершищо по мелким рекам, по глубоким водам, зашло ершищо в Ерепово озерищо. В Ереповом озерище живет рыба лешшищѣ. И попросилось ершищо ночку ночевати. Спустил лешшищѣ ночку ночевати. И ночь ночевал, и две ночевал, и год жил, и два жил. Наплодилось ершов не столько, вдвое супротив лешшов. И стали ершишка лешшовых жѣн побиждаты, на белой свет не стали попускать. Пошѣл лешшишко ко сну-рыбе суда просить:

– Ой еси сон, от Бога сотворѣн, сидишь на кривды, суди по правды: ершишко зашѣл ко мне в Ерепово озеришко и попросился ночку ночевать; и ночь ночевали и две ночевали, и год жили и два жили, и не стало столько нас лешшов, вдвое стало ершов; и стали ерши наших жѣн побиждаты, на белой свет не стали попускать.

– Што у тебя есть посретственники?

– У меня посретственники щука-рыба да батюшко налим.

Посылат рыба-сон, от Бога сотворѣн ельча-стрельча, карася-палача, сундака-ростильщика искать рыбу-щуку и батюшку налима. Нашли рыбу-щуку, побежали батюшка налима искать. Искали-искали – негде не могут натти. Нашли в озере колодину, отворотили колодину, лежит под колодиной.

– О, батюшка налим! Сон-рыба звал тебя на посресьево.

– О, робята! Натѣ по гривенке, возьмите, у меня язык толстой, неповоротной, не могу против чиновников говорить.

Привели шшуку-рыбу ко сну-рыбы, спрашивает сон-рыба:

– Чьѣ это озеро было-случилось сперва?

Щука-рыба отвечает:

– Это озеро было не ершово, а лешшово.

Ёрш говорит:

– Я думал, ты чесна вдова щука, а ты первая блядь сука.

– А ты, ёрш, с головы костлив, с дыры дрислив, сам как п...я мозоль.

Тогда этого ерша прогнали со всей его силой-войском. Тогда ёрш поплыл по мелким рекам, по глубоким водам, всю свою силу-войско истерял. Нашѣл себе рыбу осетра и на реке стал воду мутить. Народ увидал, говорит: «Вон, сколь рыбы-то поднелось». Невод сошили, стали рыбу ловить. Ловили рыбу, осетра добыли. И пуще старого стал ёрш воду мутить. Рыболовы ловили-ловили, ерша никак добыть не могли. Пришѣл бес, заезил ез. Пришѣл Пѣрша, запихал мѣршу. Пришѣл Богодан, згленул в ѣрдан – ерша Бог дал. Пришѣл Денис, спустил ерша на низ. Пришѣл Сава, опять по ерша сплавал. Пришла Марина, всего ерша сварила. Пришѣл Антипа, всего ерша стипал. Пришѣл Елизар, все блюда облизал.

Вот так
испокон веков идет

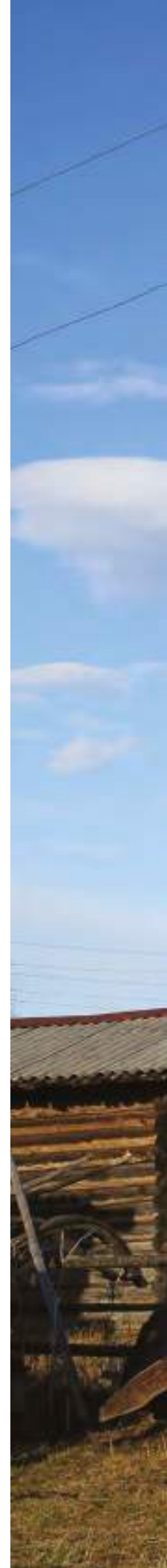

Птицы приносят весну

Жила тут Агафья, дак весна будет, дак эти вороны-ти прилетят (улетают ведь на зиму-ту у нас вороны-ти), выйдет тут назад [Агафья], выйдет: «Но! Карки-воронки, сестрички прилетели, весну принесли!» – довольна такá. Как тепле будет, вороны-ти прилетают, они далёко-то на юг-от не улетали, тут по Цильмы (река Цильма есть дак) улетали там дак. Как вот будет, тепле-то будет ставать, дак они сюда летят тут вот. Как тепле будет дак, что тут весна будет, вороны прилётят, значит, скоро тепло будет.

Евдокия

В марте, первого марта по-новому Евдокия будет. На Евдокию говорят: «Курица из лужицы напьется». Тепло падёт если в Евдокею, вот потоки каплют, дак говорят: курица из лужица напьется на Евдокию, дак в мае обязательно трава вырастёт. В апреле берега опреют, а в маю уж трава вырастет. Так всё говорили.

Вербное воскресенье

Не я секу́,
Вербá секёт.
Как вербá растёт,
Так и ты расти!

Вербу] в вербну субботу приносили. Дети наломают, принесут да поставят к образам да. Раньше малых робят еше вербóй в воскресенье настегают:

«Вербá секёт,
Не я секу́.
Вербащик, не ящик!
Вёрба бела бьёт за дело,
Вёрба красна бьёт напрасно,
Вёрба синя бьёт насили» – приговаривают тогды.

Кто и выйдут скота настегают вербóй, что всё говорят: здоровья дают. Вечером в субботу [вербу] принесут и ставят к образам всё. Это когда Христа на распятьё, то есть Иуда продал когда Христа, и эти еврейские дети наломали вербы, и ехал Христос, и эти вербы стелили ему, как ковёр, под ноги. Вот и вербы. Считают: они почитали Христа. Так слыхала от старых людей. Христос-от ехал там-ка в Ерусалим ли куды, дак вот эти дети-то ему стелили вербы.

Ледоход дожидаем

Смотрим всё, дожидам да. Когда и запишем да – когда в какой год идёт. Раньше в Абрамовской мы жили дак, у нас там горка, красиво местичко. Пойдут дак старый и малый и – все на горку выйдем да. Песни поют, все тут, как праздник. Вино нэ пили. Песни поют, спрвожают тут лёд. Все вечер соберутся. Весело раньше жили!

Мы детьми вообще забирались на крыши и старались перекричать этот ледоход, ну, и смотрели, кому что видно: там лодку несёт, а мы там видим – бревно причалило там, допустим... А потом когда ледоход пройдёт, по этим льдинам бегали, прыгали, он осыпался – крику, шуму тут было! И взрослые приходили специально смотреть на ледоход.

Всё у нас бабка говорила: «А бедна реченька мота́йтсе!» Смотри, как ломат, да льдины там заворачиват, куда-то их запихиват, она худо идёт, вода мала если когда. Дак вот: «А бедна ты, речка, как ты мотаисьсе!» Так же ведь, говорят, река-то мотаитсе, как роженица рожат – вот она всё говаривала это.

9/5-65 года помещено речку
и все работы до 31 марта снег
все в хлеву 3/5 наман снег

10/5-65 посадили картошку

12/5 все летит снег

21-22/5-66 целую речку, стало тепло
снег в хлеву, вода замедляет боишая
все похиты потопило, у нас у колодца
была вода, убываешь стала 25/5-66
снег вытеснил 3/5-66 года

24-25/5-67 Несло речку, вода у сарки боишая
погода холодала

1/5-97 года на дереве Аккуратна Весна
вода

2/5-65

В ледоход здоровья ищут

Обязательно всё так на реку и смотрим ходим. На лёд-от не выходишь. Обязательно, все тут, как тронется, дак все тут на реку и глядим. Раньше была примета: река тронется, дак всё мылись ходили. Мытьсе придут, здоровья ищут. Это раньше было, нынче-то нет.

[Когда умываются,] дак вот так и говорят: «Дай мне, Господи, ума да разума, добра да здоровья! Сохрани, Господи, от всякой напасти, от всякой притчи, от злых людей, от лютых зверей!»

Мама] говорила: если лёд несёт, дак надо перевернуться на горке – поясница болеть не будет. Да опять умываться говорила же, умыться надо – глаза лучше видят, вот это говорила.

Вот умываться – река если пошла, вот этой моются, этой водой. Ну, река рожает – надо в этой воде обязательно помыть лицо, да. Это есть, обычай есть такой. Она мучается, надо помочь, помыть, лицо своё помыть, это обмыть этой, она как в рódовой воде. Оно вот так испокон веков идёт, до сих пор моются.

Ходили, глаза мыли, прощались с рекой. Да мы и всё ходим, глаза помоем и простимсе, и копейку бросим еще, что река-матушка маетсе. Ну, там: «Прощай, река-матушка, теки спокойно!» – так наши бабки говорили дак. Копейку еще бросаем да в воду-то да, глаза моем да, чтобы глаза не болели. Копейку – это помощь реки, помощь речки, чтобы речка лучше не моталась, а текла. Лёд-то ломат, мотаитсе она вишь как!

Микола – он ведь спаситель

Микола – он ведь спаситель. Один мужик ехал, ехал по реки, а лёд уж шевелитсе, шевелитсе, а он, он взял да... Мати-то, говорит, говорила: «Миколу-то святителя просите сами, где в неволи дак». Он его вот и просить стал. А реку-то понесло, а он остался на льдинки. На льдинке остался, и его вот это, льдина-то своротит да и выломат, и может его унести вместе с лошадыю. Он сотворил молитву эту «Микола-святитель, спаситель...». А льдинка стала да и стоит, упёрлась это в крёж. И стал он, перескакал. Вот вишь, Микола-то спас, закрепил реку. «Микола-святитель-Христос, спаси и сохрани мя!» Он это, Микола-то, еще упёр там эту льдину, чтобы переехать ему. Он и переехал на лошади как ле, стегал-стегал лошады да и перескочил на ту сторону.

Приметы такие были...

Лёд останется на берегах, не растает – вдов много будет. Така примета будто была.

Вот, помню, что бабка тоже говорила: вот если лёд останется на берегах, значит, девки замуж не выйдут – вот это говорили.

И вот ещё приметы такие были: значит, речка идёт заторами, ну, не идёт ходом, а заторами – тут затор, там затор, тут вода поднимается, вот-вот топить будет – и вот примета такая (вот эти же деды, бабушки все так и говорили): вот сейгод жёны-ти мотаться рожать будут, тяжёло будут рожать, вот. А когда легко, значит, река идёт: о, сейгод жёночки-ти молоденьки-ти, говорят, легко рожать будут – вот такие приметы к речки были.

Егорей с водой, дак и Микола с травой – на Егорья река уйдёт, дак на Миколу трава вырастёт. А Егорей во льду, дак и Микола не в карбасу́.

Кукушка

Когда она кокует, дак тогда можно у ей [спросить]: «Кукушица-горюшица, лег да усни, что пригрезится во снi, то и мне скажи» – и станешь спрашивать потом. То скажешь, и она и кукать будет. Тогды послушашь, сколько покукат. Она яички высадит, улетит с гнезда, а обратно-то их найти-то не может, вот у ей и горё. Вот горюшицей-то ей и звали, кокушицей-горюшицей. А ейные яички уже другá птица выпариват, она свои теряет, вот она и горюет.

Кукушка, говорят, закукует в первый раз, дак обязательно надо чтобы в кармане денежка была, монетка, и этими монетками позвенеть надо, чтобы побольше водилось – вот это слыхала только. Чтобы обязательно монетка была в кармане, да не одна. Кукушка закукует, и надо позвенеть этими монетками, чтобы больше денежек водилось. В кармане там побрякать надо друг о дружку, чтобы звякали побольше: «Водись, денежка, побольше! Водитесь, денежки, побольше!»

Запомнила с малых лет, примечали: ну, прямо ты встанешь, увидишь, не увидишь – услышишь прямо в глаза тебе, напередí где-то она кукат, прямо услышишь – это к слезам; левым ухом услышишь – это не к добру; правым ухом услышишь, с правой стороны – это к хорошему; а сзади если кукат – это к смерти, это ты умрёшь. Далеко если кукат она, очень далеко – это горе ещё у тебя очень далёко. Было, было такое, это я помню, даже у старух, запомнила эту такую притчу и, рассказы таки, так и думаешь, и прислушиваешься и помнишь: что же мне ещё будет? Ну, спрашивали ведь раньше, ак где она там – услышит ли она тебя? «Кукушица-горюшица, скажи, сколько мне лет осталось до смерти жить?» – подумай это. Так, может, са́мо, это божья сила така, может, сама услышит так. Дак вот не знаю, откуда она может это узнавать, откуда она тебе предсказыват. Еще было то: на голоднóй желудок ты услышишь кукушку – голодовать весь год будешь. Ну, раньше хлеб не приходил, дак всё это, может, это они заметили. А сейчас-то у нас, это мы надеемсе на государство, привезут хлеба, дак голоднóй-те мы не останемсе. А тогда ведь это заметили еще. Может, тогды ведь свой ячмень, свой сеяли, дак, может, к этим, к тяжёлым годам, а сейчас ведь мы недеемсе. Государство тоже ругать-то нельзя, чё ле кормят нас, старух да стариков да лентяев таких всех.

Первый гром

*П*ервый раз услышишь гром, нужно перекреститься, и чтоб деньги были в кармане – чтоб деньги велись, с деньгами будешь год жить. Так слышала я.

*Г*ром гремит – Господь житья сулит.

*Г*ром учуют первой раз, гром учуют, дак на голову станут да перевернутсе, опять чтобы спина не болела. Только слава Богу, говорю, громит ещё, житьё будет. Грому не будёт при последнем времени. Нынче громит, сёгoday ише громело шибко, так рячкало у нас этто!..

Иван день

У

нас на Иван день чё делают – к Ивану ездят, Богу молятся, на Усть-Цильму. В верхнем конце около аэродрома там есть кладбище. Там много столбиков, кладбище, вот тут. Было давно, это ишо мы не были, там давно. Из веры чё-то гонили, в общем, ну, это Богу да чё не давали молиться. И это с Усть-Цильмы же люди, наверно, несколько человек вздумали уехать куда-то дальше, это там Богу молиться да всё такое, жить. И вот есь речка Тобыш, от Усть-Цильмы туда. И вот по этой речке Тобышу они, эти люди, уехали как спастьсе, чтобы там это жить как себе надо. Они жили-пóжили там сколько ле, и их распознали там, узнали, что там люди уехали – это из веры гонили, не давали чего-то тако ничё делать. А один у их, до того у их один уехал на Усть-Цильму, в общем чё-то тако – там немножко продукты да всё надо чё ле маленько там. Он уехал на Усть-Цильму-ту, а той порой без его приехали люди те, да и этих всех людей-то убили тамока, всех их убили. А он это не знат, на Усть-Цильму-то который уехал. Он то дело справил-поправил, поехал там, где-ка живут по Тобышу. Приехал, а они все убиты лежат. Они все убиты лежат. А после эти люди узнали, что тот человек был на Усть-Цильме, тот там уехал, и они всё равно съездили его убить. Они его убили, и, в общем, их не копали туто-ка в землю, его тут бросили-то о самой край. Весной вода-то больша-то стала, этот край-то валит, его свалило да и унесло. Его и унесло по реки-то на Печору-ту, на эту реку-то вынесло прямо в Усть-Цильму. Есть устьё Цильмы, оно там по Цильмы – Тобыш-от. Его по Цильмы-то несло-несло, вынесло, на Печору-ту вынесло этого мужика-та. Дак его не вниз по теченью несёт, а его вверх несёт. Его вверх принесло, и вот нынче где-ка кладбище там, около аэродрома-та, против того места его тут принесло. Там люди увидели: лежит человек, лежит человек. И это всё опосле дело узналось, узналось, распозналось, и там люди знают: этот Иван приходил из Тобыша за продуктами. Знали, что он. И вот его по доброй тут его и закопали. Дак вот это Иван день, седьмого июля его тут увидели, нашли-то. И вот поэтому и Иван день называется, и к ему вот ездят Богу молиться.

Ильин день

Ильин день 2-го августа, дак вот он [Илья] тоже наказывал. Ну, вот было такó. Мы на Мáксары жили, еще молоды были, кошенину гребли в Ильин день – такой баскóй день был! Не хотели идти, но говорят: сухо, пойдёмте, одну хошь пожню сгребём. Тогда ещё грабилók не было, граблями всё. Сгребли эту пожню, кучи склали только – о! Такой пришёл ветер! Аж вихрь такой. Дак всё у нас кучи, сколько было скошено – все до одной с пожни унесло, и нигде и нет уж, где и куча была. Вот такó было. А тут опять, раньше ещё там были старики дак, тоже на Нерице робили, ещё частно житьё жили, не колхозы не были. Тоже страдали. Из Чуркинской был старичок Никита, давно уж это. Тоже зарод сметали в Ильин день – зарод весь сгорел, да, дотла. Гром пришёл, молнии, и всё. Тако бывало.

Покойной свёкор батюшко говорил: у нас было, говорит, пять коров, ну, я ещё был молодым, говорит, пошли на сенокос, в Ильин день пошли на кошенину. Косить-то не знаю, косили – нет, на кошенину пошли и пять коров выпустили. Четыре пришли, а пята не пришла, и где искали – не искали, так нигде и не нашли, ни костей, ничего не нашли. И вот овётный праздник был, говорил и наказывал сыновьям: ребята, не робьте в Ильин день, прítóчливый, овет у меня был положен, у нас у отца – он-то ещё был молодым. Может, медведь угонил куда ле – кто его знат.

Иван Постный

*Т*акой день есть – Иван Постный, дак нельзя чё кругло, то и исть нельзя, говорят дак. Осенью он, осенью. Красну ягоду никаку не едят, ничё и круглого не едят. Тут раньше, говорят, женщина отрезала голову как у Ивана. Вот из того и нельзя ничё исть. Иван Постный называется. И никаки ягоды не едим в тот день, и картошку вот тоже – она круглая – нельзя исть. Чё кругло, то и исть нельзя. И красно – красны ягоды не едят.

Покров

Мать] говорила: двухэтажн-от дом-от был, дак зйду на-
верх да молюсь Богу, чтобы смирёного жениха, про-
сила, молилась, чтобы смирёной жених был (татка-то
смирёный был, навеку матюка не загибывал да): «По-
кров-Богородица, покрой мою голову красным ко-
кошником, золотым побойником» – это ещё девкой
молилась. Есть Богородица, Покров-Богородица, тоже
праздник, Покров – осенью он, в октябри он, наверно,
Покров-Богородицын день, дак в тот, наверно, празд-
ник. В избе у образов, под образами стояла да, под об-
разами стояла да молилась.

Ледостав

Долго когда она встать не может, когда встанет и опять это растает, вот говорят, что если она долго не встават, то люди болеть будут. Раз река мучается, значит, весь год будут люди болеть. Это с осени, перед зимой. [Река] «мотается» – всё больше говорили, как-то так. Деревенски у нас слова.

А когда река встанет, она засмеётся, что уже покров встал, уже могут люди спастаться, ездить и ходить. Так бабушка только говорила наша, моя бабушка. Река возрадуется, уйдёт когда, лёд встанет дак, что тонуть люди не будут.

Рождество

Раньше в Рождество славилы ходили, со звездой ходили по деревне. Пели песни: «Рождество», «виноградъё» – «виноградъё женато», «виноградъё холостое» там. По деревням ходили, по деревне, кому требовалось. Робята холостые, даже женаты мужики ездили по деревням – тоже славилы, женаты уж. Это мы помним ведь, мы-то невзрослы были еше, это примерно годов 70 тому назад. [Поют] «Рождество»:

Христос рожаитсе, славите.
Христос в небе, здравствуйте,
Христос на земли вознеситесе,
Пойте, господа, вся земля весёлая,
Воспойте люди, яко прославимсе,
Рождество твоё, Христе Боже.
Наш воссияй миру свет разума.
Мы ле со звездою путешествуём,
Мы ле под звездою ведь служебствуём,
Тебе кланеемсе, солнцу праведному,
Тебе слышим се с выши востока.

Дева ты, дева,
Неприсущественного рождению.
Ты вертись, звезда,
Неприкословенного приносят.
Наш Бог роди-родивсе,
Ангелы со пастырьми славословят.

Здравствуйте, хозяин, хозяйюшка!
С праздничком! С именинничком!
Подавай целком, не ломанком,
Пирог да шаньгу, серебряну копейку!

ВРождество скут сочни, шаньги пекчи, у нас скалкой скут. Перву шаньгу выскёшь, и скалом в матицу хлопнуть надо ли ткнуть ли, в матицу. Кто первой зайдёт, и так будёт у мужа имё. И так и у меня это сбилось. Зашли утром два парня славить со звездой, тогда звезда была, это «Христос рожаитсе» поют и звезду кружат. Я говорю: «Как тебя, парничок, зовут?» – «Меня Тимофеем». Ну, дак вот муж Тимофей был.

Со звездой робята ходят, а девки – те ходят «коляду» только поют да «виноградъё» пели да. Взрослы-ти [девушки] ходят, дак те «виноградъё» по приглашенью – вот куда приглашают их, туда идут «виноградъё» поют. Пойдём несколько девушек и поём там «виноградъё», там робята есть, и родители у парня там есть. Который ходит парень с девушкой, он же и приглашат там в Рождество вот «виноградъё» петь. А малы вот девушки, дак те опять «коляду» ходят поют.

Коледá-моледá,
Отворей ворота!
Снеги нá землю падáли,
Перепадывали.
Со небёс Христос,
Да со ангелом Гаврилом,
Со Иваном Богословом.
Пресвята мати Мария
Во Божью церквú ходила,
Божей дани собирала,
Руки к сердцу прижимала
Всем проведчикам сказала:
– Вы, проведчики мои,
Вы проведайте про то,
Про новó,
Про Христово рождество.
Прикатилось Рождество
Господину под окно.
– Ты вставай, господин,
Розбужай госпожу.
Хлебом-солью накормлю,
В путь-дорожку отрежу.
От села до села
Голова весела,
Сердцо радуется,
Перерадуется.
Как у нашей-то мамки
Телятки-та гладки,
Скачут через грядки,
Копытцами щёлкают,
Хвостом не задевают.
Молока-ти гúсты,
Сметаны-ти тóлсты.

Виноградье

Виноградье красно-зеленое!
Уж во далече, далече, во чистом поли,
Што ишэ того подальше, во раздольичи,
Там стоял, постоял бел полотненной шатёр.
Што во этом во шатру столы дубовы стоят,
Столы дубовыя, ножки точеныя,
Ножки точеныя, позолоченныя.
Уж за этими столами красна девича сидит,
Авдотья Филипповна,
Она шила-вышивала тонко бело полотно,
Тонко-бело полотно, белобархатно.
Во первый раз вышивала красно солнце с маревами,
Со теплыми облаками;
Во второй раз вышивала светел месяц со лучами,
Со честыми со звездами;
Во третей раз вышивала сыры боры со лесами,
Сыры боры со лесами, со рысучими зверями,
Со черными соболями;
Во четвертой вышивала синё море со волнами,
Со черныма кораблями, со снастями, парусами,
С молодыма матросами;
На серёдку вышивала Питер, Москву со дворцами,
Со большима со черквами,
Храм Никольской со попами, со дьячками,
Со чудныма со крестами.
Кабы был, кабы жил на другой стороны,
Уж бы взял бы я, взял Авдотью замуж за себя.
Лисицами, куницами обвешался,
Черным-то бобром да опоясался,
Острым-то копьем подпирается,
Не былыма-то речеми похвалеемся:
«Я бы взял, я бы взял Авдотью замуж за себя.
Што по имени Иван-от Алексеевич».

Ты давай-ко, Иван, пошевеливайся,
Пошевеливайся, с нами розделявайся,
Ты розделайся добром, принеси вина ведром,
Нам по рюмочке подай,
По рюмочке винча,
По стакашику пивча,
Чтобы бежали голоса,
И на закуску колача,
На забаву девича.

A photograph of a forest at dusk. The sky is a soft, pale pinkish-purple. The forest consists of tall, thin trees, likely birches, with their green foliage. In the foreground, a calm body of water reflects the trees and the sky. The reflection is clear and detailed, showing the individual trees and the color of the sky. The overall mood is peaceful and quiet.

Приговор заре

Ребёнок если не спит ночью, просили у зорьки сна: «Зорька-зарница, красна девица! Возьми у рабы Божией Ирины бессонницу-беспокоицу, а дай сна». Вечером, когда солнышко садится, на зари. Держишь ребёночка, подойдешь к окну...

Молчаная вода

Молчану воду надо на зари, молчать, ни с кем не встречаться и ни с кем не разговаривать. С реки. Если сглязят чё ле, дак на зари сходишь, тридевять, три раза по девять напони́з чёрпашь, на́лево до девяти раз считаешь, а девята – это моя. Ну, и это принесут и это обольют или моют ле. Если чё-то опризорено дак, призор бывает – где ле болячка ле вообще ле, скотина испризорена дак. У меня корова когда-то совсем не заходила [в хлев]. Зову-зову, в сарай за́йдет, рычит, рычит, выйти не может, выйти за мной никак. Ну, я наутро пошла, здесь недалёко была ещё вода, тридевять занесла воду, ей линула, у ей глаза-те были чё-то. Ну, потом стала заходить корова. «Откуль пришло, там и поди!» – надо сказать [когда обливаешь].

Она [мать] заболет – мало ли, хто ле ей сглазит – дак меня пошлёт: «Соломидушка, поди сходи на речку, попроси у дёдка водяного водычки – но, для уроков ли призоров!» Я и по́йду. Она заболет, дак чейно. По́йду, дак вот и она научила столько: «Придешь к речки, ковшиком три раза почерпнёшь: раз – вниз только, на низ надо воду-ту лить из ковшика-то – и говори: “Дедушко водяной, дай мне водицы ключевой, для уроков, для призоров, для рабы Божией Вассы”». И ишше раз, ишше раз, ишше раз – три раза надо просить у дедка водяного воду. Вот она и пошлёт меня, ак я схожу, выпрошу водычку.

Молчаная-то вода это вот... Предположим, кто-то там восхищался твоим ребенком или вот, мол, там хва́лил: вот какая, мол, спокойная – или прочее там. И ребёнок после этого начинал капризничать, не спит, капризничает. Тогда надо взять именно молча, зачерпнуть воды молча, набрать холодной воды в рот и прямо в лицо брызнуть этому ребенку, ну, и сказать: «Не с призору ли ты маешься?» И ребёнок перестаёт. У меня вот у самой так было, с дочкой. Мы в Воркуте были там. И она у нас по дороге, поехали когда мы, она у нас сломала ручку. И ей там гипс наложили и положили в больницу в Воркуте. И когда мы пришли её забирать оттуда, и в палате говорят: «Ну, такую у нас куклу увозят! Такая была спокойная девчушка, никогда, – говорят, – она не заплакала, сидит молча в кровати, игрушки перебирает, играет, играет, так и уснет в кровати – такая спокойная!» Мы пришли к сестре на квартиру, она [дочка] у меня плакать, плакать, плакать, плакать – ну, ничем не можем успокоить, кричит, почему зря! Ничё не можем. Сестра тихонько ушла на кухню, взяла этой воды, там же течёт вода. Она тихонько взяла, набрала молча, взяла подошла, её брызнула – всё, она как растаяла, уснула. Всё прошло. Да, хоть откуда, только молча, именно ни с кем не говоря, и взять эту воду. Вот брызнешь и: «Не с призору ли ты маешься?» Можно не только изо рта, можно из ковшика там брызнуть.

Как с гоголя вода...

Обкатываемся когда [в бане]: «[Г]осподи, благослови! С гоголя вода, с рабы Божией Анны свались вся тяготá! На рабу Божию Анну леготá!» – Три раза можно повторить. Обкатишься – повторй, обкатишься – повторй...

A serene winter landscape featuring a vast, snow-covered frozen lake in the foreground. In the middle ground, a dense forest of dark evergreen trees stretches across the horizon. The sky above is a soft, hazy mix of pink, purple, and blue, suggesting a sunset or sunrise. On the right side of the lake, a small, dark wooden boat is partially visible, resting on the ice. The overall mood is quiet and nostalgic.

Раньше бóле
чудесов было

Пятна на луне

Там эти, девушка да мальчик несли водú в ушати. Они где ли будто бы ходили, таки как вроде беспризорники ли чё ли. И это смотрят, на луну-ту смотрели, хотели, шобы: «Ой, хошь бы нас луна прибрала!» Ну, и вот она прибрала как вроде. Ну, так рассказывали раньше, бат. Ну, наверно, плохо жили, не было родителей дак. Говорили, шо мальчика да девочку подняла луна.

Слыхала у людей-то дак: а в серёдке-то луны-то ушат стоит, ушат стоит – на том концы ухо и на другом ухо. А оно заметно, и я глазáта-то была когды, видела-то ладно-то дак: ушат есть в серёдке. Ну, деревянной он, ушат-от, деревянной тоже из тоненьких этих ладов, из ладов ведь тоже ушат-от дак.

Это, значит, говорили, я слышал то, что вот это: там, говорит, женщина из ушата берёт воду. Там же вроде как видно, что из ушата берёт воду купать младенца – вот это я слышал, мать всё говорила.

ма га д не и т дни, пріо по фе ді ма
 пѣ фе існ. аще кно. Р о дко вче ма
 га ма га д не и т дни, фа по фе еі.
 ма пѣ ке фе існ, ври лѣ д. с'кдо кпне
 сы не, м му втпо а не. але кере
 к не по, втро вче т не по, геш, кпа
 етра неге, па дка апре ісе, іша бото
 веу в не попа, пе ма по по іс, пе
 по нла ндн, пе втпо.

ЛѢТНОЕ ТЕЧЕНІЕ

каждо лѣна имать днѣи існ и по дна
 ипольчеса ипапю ча ча.

Начна с'пльже са шна етпашаго перва
 крѣга, и вое родн даже и доде ватра наге
 Кру лѣ а о ді. ча. а. | а пре еі. дни ча д. ро.
 ма а, но ча д. оуце. | а пре існ, но ча з оу.
 мар сі, но ча г. ро. | ма ді. дни ча сі. ро.
 мар ла, дни ча д. оу. | ма існ, дни ча ді оу.

Небо открылось

Слыхала от одной женщины. Сидели заключённые-те во время-то войны-то – садили не за чё ведь. Так тоже в ночью время пошла. Пошла оттуда уйти как ле чё ле... Как попадать-то? Пешком-то не ходили по дорогам. Днём боится, бат, идти, пошла ночью. Каки ле саночки дали ей тут кто ле. В Усть-Усы сидели. Женщин много ведь здешних тогда сидели, бат, в лагерях-то сидели. Во время войны – какий-но годы, тогда садили всё, не за чё-то судили, во время войны.

Шла она пешком. И дорожка садна́, дорожка, и темно, темно, темно. Есть каки деревни, есть каки кильпишки, горят – не горят? Жгать-то тоже нечё было ночью-то ведь, тоже ничё не жгли, огни не горели ещё и.

Она будто бы тоже это всё молитву, бат, творит идёт. И тоже – как небо открылось будто, и она увидела – деревенька впереди. Вот это вот как осветило как будто ей, осветило ей, и увидела, шо впереди деревня. Ну, вот обрадовалась, что деревенька, бат, кто ле бат не спустит ле.

Потом она зашла, колотится в домик – пока не запускают. Она обсказала-рассказала. Говорит: так и так, мне ничё не надо, я ись не буду, и мне ничё не надо, я хошь, бат, что будто не на улице, хошь у вас маленько подремлю, хошь вздремну – отдохну короче, отдохну, опять дальше пешком идти надо.

Ну, короче, она увидела, увидела эту деревеньку...

Свержение демонов

В Псалтыри написано было у бабки: Господь да демон рассорились. На небе тоже черти-ти жили. Бог их свёржил там с этого, с неба-та. Они полетели на землю, дак вот какой куды: какой на воду пал – дак там в воды живёт, какой на землю пал, какой на байну, какой на дом, какой куды пал – тот там и живёт. Бабка у меня еще читала эо-то место, рассказывала. В воды тоже они живут, демоны-ти, демоны, черти.

В от эти домовы́, все эти шишкы́ – там в банях шишкó, в воды, в каждом озере шишкó – дак вот когда кормилец-то Господь вознёсся на небеса-ти, дак шишкóв-то он всех стрёщил с небесов-то, дак они куды попало, эти шишкы́, падали, вот и на землю. И вот на эту землю люди строились, и вот он тут, тут он и есть [домовой].

К ак бесей нет? Они ведь тоже на небеси были, да они там самовольничать стали, да Господь-от их и свёржил с неба-та. Дак они трои суток летели, летели, да этот сатана-то, главн-от, говорит: «Господи, докуль же мы, – говорит, – лётим?» А Исус Христос хотел сквозь землю их прогнать-то, а вот, смотри: он, сатана, и взмолился Господу Богу: «Господь, Господь, – говорит, – докуда же мы летим?» Он остановил. Дак на земли-то вот они и орудуют.

Дедушко-суседушко

Э то было уже давно, я ещё, наверно, в школе не училась. Оставляли меня тоже частенько одну, одна дома была. Я чё-то сидела за столом, не знаю, чего я там – может, кушала, может, не знаю что. И вдруг там по грядке, эта грядка вроде как щёлкат, как скрипит как будто это – ну, когда половицы вот так скрипят, иногда идёшь по полу. Я взглянула прямо: вот, ну, поменьше, может, кошки, вот, ну, как котёнок – беленький-беленький идёт по этой грядке котёнок. Ну, я так и подумала: откуда же у нас может быть котёнок? Ну, а про домовых-то нам рассказывали бабушки, сказки там страшны когда-то рассказывали в детстве. И вот, шёл-шёл, до стенки дошёл. Я так испугалась, думаю: «Господи!..» Ну, пробежал же быстро, так до стенки до следующей дошёл, или он там на полати забежал, этот котёнок, или чего. Но я когда очуhalась уже, мне, конечно, так страшно стало, думаю: всё ж таки посмотреть бы надо – и никого уже нигде нету, как я залезла на печку, никого там на полатах не было. Потом когда пришла мамка домой, я рассказала ей: так и так. Она говорит: «Это, – говорит, – дедушко-суседушко». Мне еще страшней стало. Я больше дома оставаться не стала одна. Она, правда, убеждала меня, покойна, что: «Не бойся, это дедушко-суседушко живёт в каждом доме, у всех он есть». И вот дедушко-суседушко, значит, беленький должен быть, в каждом доме он должен быть.

Приметы были такие, что если что-то к плохому, например, бывает, что душит. Говорят: сегодня меня дедушко-суседушко давил. Почему он давил, дедушко-суседушко меня, что, мол, едва и вздохнула. А старые люди рассказывали, что это может быть большая неприятность, к неприятности, или к болезни ли. Или он невлюбил. Ну, и дедушко-суседушко в доме кого он любит, он зализывает, волосы зализаны. Вот у меня у детей – у Вовки и у Оли – вот всегда зализывал.

«Дедушко-суседушко, сам не обижай и никому меня в обиду не давай!» – я это говорю всегда [когда спать лягу], когда дома одна.

Д омовой, всё говорят, в каждом доме есть дак. Ой, худой он, этот домовой, худой! Помню я, ма́ла еще была. Дедю покойного взяли – тогда звали «в солдаты», всё говорят: «в солдаты увезли», тогда так звали, в старо времё. Помню его. Ак он это, ему в солдаты-ти идти, дак его доможёрка-то так давил! Так давил! Дак не дават заспать. Весной дак с паволоки заскочит ему в коидори на ноги. Дак жёлты, говорит, эки же шары-те. Дак, говорит, я топчу, говорит, ногами-те, топчу да мать гну. Топчу да мать гну, говорит. Дак он, в армию-то его в лодке поплавили, дак на щельи-то этой, там деревню-ту прóплыли, дак на щелью-ту заскочил, на щелью-ту заскочил да плакать стал. Дак не пришёл! Его там ранили, дак в госпитали его зашили, эту рану, дак он сел чай пить да грудку сахарку уронил, дак согнулся, да рана-та лопнула, да и умер! Вот его доможёрка-то как выживал из дому-то. Выжил. Дак бабка-то тоже всё говорила: так, говорит, ведь Варфоломея-то, говорит, давил доможёрка-то, дак топчет его и заспать не дават. Вот каки они! Это ведь у многих бывало, бат, на веках-то у кого ле. Доможёрка недоброй. Доможёрка его называют и домовой называют.

Я вот помню, у нас отец когда-то привёл лошадь, лошадь привёл и завёл в конюшню и говорит (я слышу, в коридоре стояла, а тогда стаи были низки; небольшая была, слышала): «Ну, дедушко-суседушко, пой да корми! Не на меня надёя, на тебя надёя. С трёх поветей сена корми да с девяти колодцев воду пои». Вот это, помню, отец говорил. Котору, говорят, скотину не любит, у меня тоже бывало: вот овцы, у овцы такі киты навьёт, такі киты, дак она ходить не может.

Лешачиха у озера

Водяной, водяна́, водяная. Мы жили на Поделичной. На Поделичной жили, и озеро, и в озере ребята все в этом купались. Потом утром, мать говорит, вышла, говорит, на улицу, а озеро тут рядом, недалёко. Она, говорит: сидит и чёшёт свои волосья, чёрные-пречёрные. Ну, шерсти́ха как, она женщина, но чёрная она, чёрна. Чёшёт волосы, говорит. Я вся перепугалась, глядела-глядела: чесала-чесала и бух в воду, говорит, и пошёл, говорит, ветер по всем сторонам.

Там за рекой жили, нашли много ягод, смородины чёрной. И ходили, там озеро большо, озеро, около озеро-то смородинник, по опушке-то. Это не я сама, ходили у меня дочери: Парасья, Надя, Люба. Ну, они ягод принесли, набрали. Женщины спрашивают: «Где вы набрали? Где вы были?» Они говорят: «Там были, у озера брали ягоды, и там из озера выскочила – это волосы висят у ей. И на кусту висит зыбка. Она пелёнки стират, полощет в озере эти, вешат, сушит и зыбку зыбат». У нас их называют «лешачиха». Тожо пугат, дак лешачиха.

Лешачиха в лесной избушке

А у меня брат, он не верил это, ни в Бога не верил, ни в кого не верил, в нечистую силу не верил и. Он с Марией Кондратьевной, с учительницей, ходил. И он на охоту пошёл. Говорит, покушал хорошо, всё приготовил, лёг, собака на улице была, лёг и говорит: «А сейчас бы Мария Кондратьевна!..» – говорит. Только, говорит, подумал – тут как тут! Он говорит: я ничё не побоялся, как она могла придти. Ничё не побоялся, говорит. Когда она рот открыла, я, говорит, увидел у ей зубы. Тогда топор взял да о стену-то такó, мать загнул, о стену-то топор-от заткнул это с матом. И полетела – чё-то полетело, окошечко выпало, и двери выпали – такой ветер поднялся, и всё это. Нечиста была, лешачиха была. Кто-то навёл это.

А татка у меня, отец-от не верит, дак, говорит: «Не верю, – говорит, – пойдём посмотрим». А Федя-то до другой избушки 6 километров без шапки, без всего убежал из этой избе-то. Дак они с таткой пришли – действительно: окошечко выпало, и двери выпали. Вот така сила была тут.

Страшны зубы – это нечиста сила приходила. Он подумал дак. Никогда ничё не надо, говорят, ждать. Недаром говорят: ждать да догонять всех хуже. А мамка покойна: «Вот беда, вот беда, Федя! Тебе ведь тут лешачиха-то приходила, – говорит, – хотела тебя, наверно... кто-то, – говорит, – это подстроил». Он только подумал про Марию-ту Кондратьевну, говорит: «Вот нынче бы Мария Кондратьевна, – говорит, – мне...». Он к ней ходил, дак она и пришла, тут же пришла. Он это, говорит, зубы-ти увидел, говорит, дак испугался, говорит, я. Дак топор-от – хорошо топор рядом был. В стену там топор-от это, говорит, тукнул. Наверно, у кого-то слышал, топор-от тукнул да заматерился такой, матюки таки, это, взговорил, и она пошла-полетела, как ветром сделалась. Матюги помогают, помогают, ага. Клестьсь вот в это время нельзя, клестьсь, матюги помогают.

Охотник на Мыле

На Мыле же, у рассо́х пижемский охотник охотился. Ну, а в бане стал мытьсе, баню затопил, ну, и потом чё... Лежу на полку́, говорит, ну полок – обычно, где парятся. Полок выше, выше стал подыматься, и меня, говорит, уже прижимат к этому потолку. Я, говорит, эт само, упёрсе в потолок, говорит, ногами и руками оттолкнулся, говорит, мать загнул, говорит – полок только обратно хлюпнул, говорит, на место. Всё равно, говорит, мать загнул дак, пока не вымоюсь, всё равно не уйду, говорит. Вот так пугало этого Никифора. Я так считаю, что это мерещитсе ему.

Ну, мать, мать – это да, в первую очередь, чтоб, чтобы отстал. Ну, благословесь, благословесь надо. Вот лягешь спать, сотвори три молитвы, скажи: «Осподи, благослови, Христос» – и всё. Не меньше трёх раз молитву сотвори и благословесь ложись спать, и ничё тебе не будет такого.

Избушка на дороге леших

Дядя Марко́ у нас всё рассказывал. Но он охотился, и по Мылы там, у речки изба у его была. Вечером, говорит, пришёл, белок снимаю, говорит. Это не сам дедя Марко, а дед, отец-от у его, дедко, дедко уж как нам будет. Заходит, говорит, старик седой-седой, говорит, это, с бородой, и говорит:

– Пётр Васильевич, – говорит, – я попрошу тебя избу переставить. Она, – говорит, – на дороге стоит.

Он говорит:

– Ни на какой не на дороге у меня изба, – говорит.

– А вот нам на дороге, – говорит.

– Я, – говорит, – где заткну, – говорит, – кол – и ты, – говорит, – в этом месте и эту избу поставь.

– Мы, – говорит, – переставим. Только, – говорит, – отметь, где тебе какó место нравится.

Ну, и дедко Пётр заткнул там кол, другой раз пришёл – уже изба на том месте стоит. Насколько правда, не знаем.

И Бог есть, и лешаков полно

Вот я бывальщину вам расскажу. Была учительница, у Рочевых жила, Нина Крестова – фамилия. А на Новый год ей стала Фекленья Ивановна – председатель наш колхоза – стала звать в гости. Она пошла пешком от Трусовых. У Трусовых ещё потанцевала да. Дак вот эта Нина Крестова пошла, говорит:

– Меня к Филипповым заказывают Фекленья Ивановна, я, – говорит, – пойду.

Они и говорят:

– У Дёдкова-то озера, тут у Трусовых (как вроде подсмеивались над ней) не ходи! Нынче святы вечера да, шишкóв полно везде бегат дак. Не ходи!

А она говорит:

– Я сама шишкó!

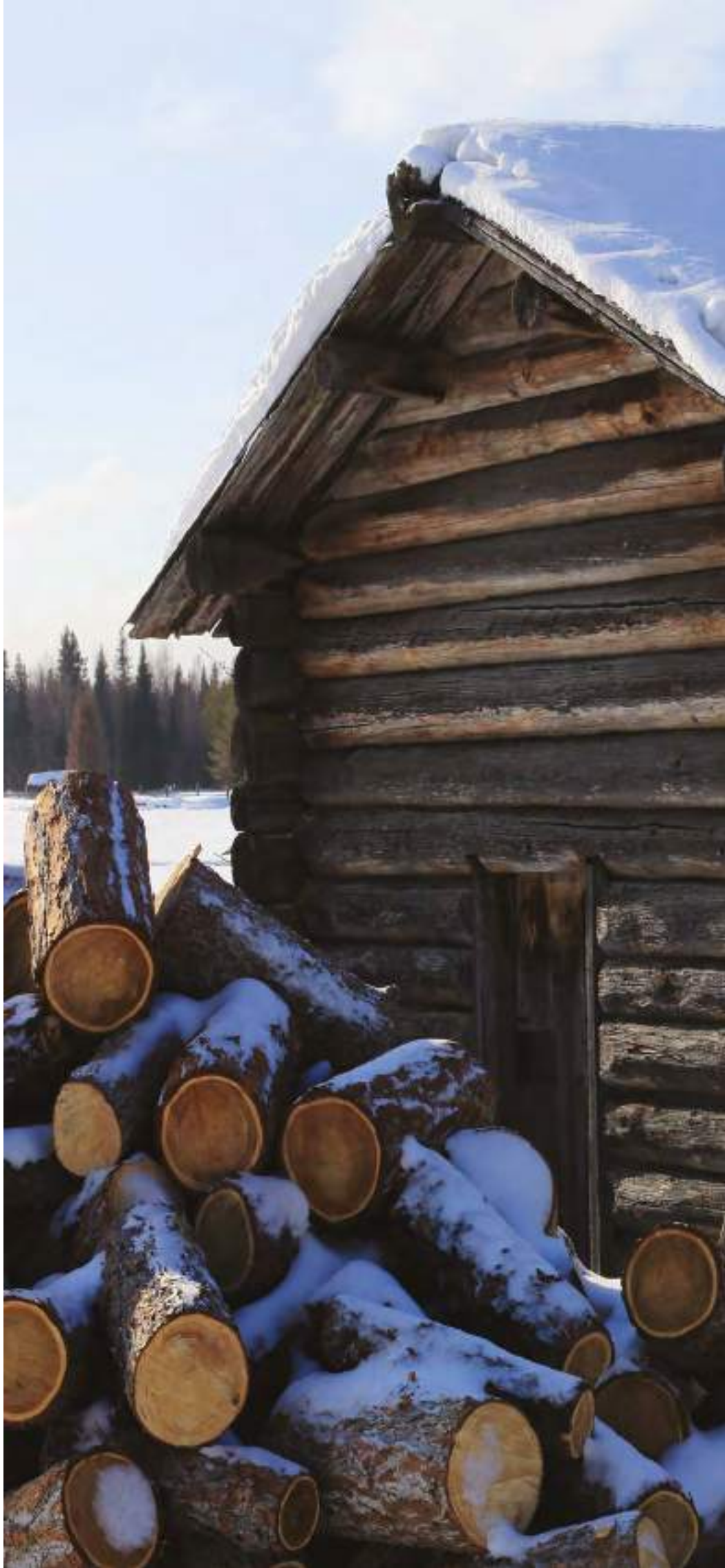
Вот беда-то! И пошла да. От Дёдко-озера погнался за ей дак, всё гнался всё тут-от. Она поймалась за дерево, за ёлку, дак этто всё выдрала [руки]. Это он гадил всяко, пужал ей. Вот верьте – хоть не верьте! А Фекленья ходит, переживает: где же у меня, говорит, подружка? Где подружка? Она сыздалёка где ле была, учительница, у Рочевых учила. А потом поехал на оленях (тогда олени были в филипповском колхозе дак), поехал на оленях, Ермила она послала, сама с им поехала – встретать где ле, по дороге, бат, встретит. А встретили да мёртву! Он уже ей всю выпугал. Вот так. Похвастала, дак не надо хвастать. Лешакóв полно. И Бог есть, и лешакóв полно.

Обмененный ребенок

Много у нас мама рассказывала. Была мати, прокляла робёнка опеть в байны. Вот принесёшь в байну, дак нельзя его без молитвы класть на лавочку, надо обязательно басловесь. Принесла да бросила, ушла, по чёле домой побежала. Прибежала – робёнок ревёт. Вымыли, занесли – он всё ревёт. Рóстить стали: рóстят, кормят – он всё, голова одна растёт у его. А после пришла женщина: «У вас, – говорит, – ребёнок-то переменённой, – говорит. – Снесите в байну, положите его под корыто и стукните по корыту-ту, у вас сразу придёт своя в дом, того утацит».

Поленом по корыту ударили: «Отдайте мою, прокленённые, мою дочерь!» Ударили, и уже нету тут, они утащили робёнка, а своя у их дома. Корыто-то пошла подняла, а нету уже ей, они уже утащили – ихна была. Бёси. Раньше, говорят, сколько их было. Надо сказать: «Отдай моего!», «Отдайте мою дочку!» Вот и молитву, наверно, уж каку-то тут сотворят, вот они и не смогут держать.

Мнимые мужья

Рассказывала одна, тоже опеть еще вот вам скажу. Опеть же в Савинской это было всё. Ушли, говорит, два брата на охоту, остались жёны дома. И вот они ждут, байну истопили, что «придём в то время с охоты домой». Ждут, говорит, ждут. Баня истоплена, готова, а их нету, нету, нету. Вот это: ждать не надо тоже. А зашли, пришёл пока, говорит, один и говорит: «Байна готова?» Она говорит: «Готова баня». А друга-то поглядела на его и догадалась: что-то у его зубы не такие, у его, говорит, аж в роте блестит всё. И одна-то пошла с тем, ушла в баню. После они из бани-то (там ту управили дак), из бани-то прилетел, хотел, шо: чё долго та не идёт, другá. А она уже всё заклала молитвой: «Двери, все щилочки, дырочки, ангел-хранитель, всё спаси-сохрани, всё закрой и укрой!» – и они зайти-то в избу не могли. И пошли, говорит, под окнами: «Счастливица ты! – говорит. – Успела ты, – говорит, – узнала нас, наверно, что заклала весь дом молитвами. Счастье тебе».

«Осподи, баслови, осподи, сохрани, все щилочки, дырочки, каждой пазочек» – всё затворит молитвой, чтобы зайти никто... И заложилась. Всё говорят: не заложь двери – сам себе убивец в доме, нельзя без заложки спать.

Повитуха у жены лешего

Бывало на веках. Одна бабка родила. Приходит её хозяин к одной женщине и говорит: «Ты у меня хозяйку побабь, погладь после родов». Эта бабушка пришла, стала гладить тётку эту, погладила, ребёнка помыла, хочет в пелёнку завернуть. А мать ей даёт целый сарафан баской. Бабушка и говорит:

– Ты бы похуже принесла.

– А-а-а, у нас много шелковья есть, заверни в этот.

На другой день же баню истопили, опять бабушку зовут гладить. Опять та пришла, погладила. Ребёнка мыть принесли, а мать опять сарафан даёт хороший, только блестит. Бабушка сарафан на пе-

лёнки взяла, а себе лоскуток отрезала, сама думает: «Откуда у них такая одежда хорошая?»

На третий день опять баню истопили, пришёл хозяин по бабушку, гладить звать хочет её. Она пришла, гладит и матери говорит, котору гладила: «У меня что-то голова болит». Ребёнка принесли, мыть стали. Бабушка вымыла ребёнка, а ей еще сарафан красивей несут. Она опять лоскут отрезала и говорит:

– Беда! Какой красивый принесли пеленать!

– Хватит у нас такого добра! – ей говорят.

Тадание у бани

А у бабушки все будто голова болит. Она ушла, пришла домой и говорит молодкам: «Занесите свою одежду в избу». Они сундук занесли и стали смотреть: у каждого сарафана дырки порезаны. Бабушка и говорит: «В клетку ходите, материтесь, в ту пору шишки и заходят, воруют сарафаны. Значит, вот к ним я и ходила ба́бить». (К нечистым она ходила, чула, что плохо там, а не знала, как откататься, вот и сказала, что голова заболела).

В святые вечера вздумали кудесить, выглядывать женихов да невест. Один парень вздумал руку пихать в баню, в окно. Заганул: если голой рукой тяпнет, бедную невесту возьму, если мохнатой тяпнет, богатую возьму. Запихал руку до локтя, а его там потащило, и руку свернуло. Вот и пихай руку! Нечистый свернул, старики его баенником называли.

Медведи-овертыши

На Мезени, говорят, муж да жена ходили, в медведи заворачивались, оборачивались. Одежду разденут и потом всё ходят и ходят. Люди заметили и одежду-ту у их унесли – они куда одежду клали, разделись дак, потом обернулись медведями. Ну, и унесли, потом они обратно боле не могут овернуться, медведями ходили. Ну, и у их сыновья были, сыновья и пошли их добывать, искать, добывать, говорят: вот так, люди видели, что одежду раздели, одежду унесли, они развернуться не могли.

Ну, и они берлогу выкопали, и там осень уж стала. В берлоге этот, муж-от, жёнку-то там дальше, жёнка-то в берлоги-то ушла, а он ближе. И сказал ей, говорит: «Я первой выйду. Меня застрелят, обдирать будут, а ты там не шевелись. Обдерут, – говорит, – когда кожу, – говорит, – разостелят, потом ты выбежи и перевернись на этой кожи». И вот и так слыхала, на Мезени (ещё свекрова покойна говорила), шо лапа позавоні попала, медвежья эта лапа-та, медвежья-та. И так она, говорят, [и осталась]. Ездили, дак [видели]: сидит, предёт медвежья лапа, сидит за прелицей предёт, и медвежья лапа так осталась, так до смерти.

Вот так говорили, мезенци-ти рассказывали, у Савыных рассказывали, шо так и так было на веках.

Оборотень

Вот у Филипповых только Никиту говорили. Там все плохи́, еретнико́в полно было. Микита-то, говорят, вовсе большой был еретни́к, филипповской. Да, птицей летал. У нас татка покойный всё говорил. Они на рыбы там, на Кóсмы там были зимой, там рыбу ловили да сушили, дак надо оттудова триста кило́метров пешком идти на лыжах. Татка говорит: «Я иду, – говорит, – кто-то летит, летит как, хрóпался, хрóпался там над лесом да чё. Ну, я посмотрел, а впереди, – говорит, – Никита идёт на лыжах». Дак он, говорит, и делался етим, как вороном-то ле кем да. Не шишкóм – он птицей, дак птицей какой ли уж, говорит, птицей делался будто. И у нас татка (такой уж он смешной был, в такó-то не верил никогда), а, говорит, оказался перед ним, меня перелетел, говорит, птицей. Вот, чё ли делают тако. Он с ним вышел вместе, его нигде не было, а после он оказался впереди его дак. И оказался на лыжах идёт дак. Он [Никита] нарочно, говорит, показыват ему, что вот я так-то могу. Мог чё ли владеть он.

Обретение клада

Вот слышала, в Никоновской было это, будто бы дедко рассказывал, бат, ли хто знат, давно это было. Пойдёт хозяйка утром обряжаться ле, вечером новóй раз пойдёт – кака ле всё там корова на повети красна. Как заходить будет – она исчезат. Ну, потом, говорит, как-то она, хто ле ей научил чё ле ей, как ле к ней там пододти да надо, говорит, тѣпнуть ей, вот эту, дак: «Бóжьё, моё, государево!» – вот это будто бы. Она надошла, потяпкала, это и золото высыпалось. Будто золото высыпалось. Не знаю, насколько правда. Это было давно уж, дедко рассказывал. «Бóжьё, моё, государево!» – на три части. Не всё себе брала: сколько сдала государю, сколь подала Богу как, а остально себе.

Яне так давно здесь у кого-то слышала. Ребёнок на повесть заходит и говорит: «Бела корова там». – «Да нету там никакой коровы!» Потом несколько раз всё так. «Нет, стоит там пять белых коров». Пойдут – нету никого. Ну, в общем ему сказали, чё сделать-то, ребёнку-то потом, если ты увидишь-то. Ну, он чё-то так же сделал, как-то и рассыпалось, куча, денег-то нашли потом, золотых монет ли чего-то там. Почему-то только ребёнку показывалось одному. Так ребёнок клад нашёл. «Чур! Божье, государево и моё!» – на три кучки разваливается. Божье – дак надо в церковь, людям раздать, царско – дак государству, а твоё уже третье.

Тадание у проруби

Со Спиридонова дни – это он 25-го декабря, и вот с этого время и по 19-ое января кудесили. Я сама кудесила на росстани. На росстани постелят (тогда ведь скота убивали – коров да там быков да держали дак), вот с хвостом эта шкура, и притенут ей там, и вот на росстани, где вот три дороги где-ка. Мы всё у пролуби там, три дороги, дак там кудесили всё. И вот постелят, кругом обчёртят ей, кругом этим, обчерчивали ножом, против солнца обчерчивали, против солнца, да. Ну, и вот, эту постелят, кругом всё – и хвост, и всё обчертить надо, а то говорят: шишкó в пролубь уволокёт. И вот сидели тут. Парусом закроются – большой парус такой белой сошитой (летом, когда завязывают парусья), кто ле принесёт. И вот сидят тут: кому чё послышится завечеются. Ну, вот: сейгод выйду ли я замуж – там, скажем, девка завечеется: «Сей год выйду ли я замуж? Если выйду, дак пусть там собака залает, ли пусть там корова замычит ли» – чё ле такó.

Три девки у пролубли, зимой у пролубли сели на кожу. А кожу-ту обчертили, а хвост не обчертили. Это я слыхала, в прежно время, с начала, бат, веку еше э́ко-то было. Дак они хвост не обчертили дак, сели на кожу. Тут беса при́звали, и бес-от потянул их в пролубь, в пролубь будто потянул дак. Дак и одна-то и соскочила, побежала – боитсе, что утопит. И другá побежала. А бес, бес заговорил: «На вильник стой и на копыльник стой, а ты сиди, Ива́нова жена!» Дак перва-то побежала – дак на вилы накололась, а друга побежала – дак на копы́л, на копы́л па́ла, вередилась. Дак вот он и заговорил: «На вильник стой и на копыльник стой, а ты же сиди, Ива́нова жена!» И эта замуж ушла за Ивана. Это будто бывальщина бывала, я слыхала. Это, бат, в стары-ти веки, в стары-ти веки, в первобытны-ти веки. Хвост надо было обчерить, а он не обчерчённой...

На девятом заколье

На заколье сидела, девято заколье, надо сидеть там. Раньше огороды были соединены были этой... вичками: два кола дак соединят, и так жерди клали. Это нынче столбы да ограды да нету заколья, не посидишь а. Вот на девятом заколье надо было сидеть: «Где суженый-ряженный – там собачка залай!» [Отсчитывали девятый кол] от калитки, от калитки, от начала, короче. По солнцу же, наверно, ли против – я уж тут не помню. Трое нас как раз было – всё говорят, нечётно надо количество, нечётно чтобы было. На огороду сядь, на девято заколье, на огоро́ду, на жердь. На огоро́ду сели. Тишина-а-а в деревне така! Месячно, светло да. Вся деревня спит – ничё нигде. Потом слышно собачка там лает: «Тяф-тяф-тяф!» Ну, девки: «Ну, на Едому за Лазаря там уйдёшь! На Едому уйдёшь!» – там Едома высоко деревня-то была.

Топтание шеликанов

*Ш*еликаны – кудесят в святы-то вечера, после Рожесьва-то тут главны-ти шишки кудесят дак. Кто кудесили-то, ребята холосты, в Крешенье на коней верхом седут да гоняют по всей деревне – это бесей затаптывают. Мы ведь кудесили и с бесэми связывались, хошь не видели их а, они нам действовали дак. Вот это шеликанов топчут на конях, много. Которы хороши-ти кони, те далёко оставят, угонят, а худящи-ти кони – те сзади волокутьсе. По всей деревне, на гору да и за реку да и в этот в нижн-от конец да – вот это шеликанов топчут, шишка затаптывают. [В Крещенье] днём, серёдка дня. По одному. Один парень седёт на своёго коня, кони надо, на кобылы-то не ездят же, коня всё надо.

Чёрный ком

Когда я везла [сына] из роддома, везли на лодке мы. Дак мы когда, вот Никоновска тут есь деревушка-то, тут глубоко место за поворотом есть, и мы в лодке едем домой, я его, маленького, из роддома везу. Николай был за рулём. И чё-то – по реки чёрной ком вот такой летит, по реки напротив лодки. Коля-то увидел его да хотел налететь носом-то, говорит: «Может, заец, может, – говорит, – ондатра». Я говорю: «Не заец, не белый ведь, – говорю, – не заец. Чё-то, говорю, Коля, летело». Комок такой летел и перед носом и на ту сторону, и потерялся. Это смерть ихна. Коля умер, ему [сыну] было год и семь, Коля-то умер. А Коля умер, муж-то, традцать пятый год шёл, тот инфарктом опять умер. Вот смерть, наверно, показалась, потому что комок какой-то вылетел. Мы едем на лодке, он через нос вот так и улетел на ту сторону. Как нам дорогу пересек. Я приехала домой, говорю: «Чейно тут тако-то?» И я сейчас думаю: это смерть ихна.

Слыхала, кто ле говорил, что тут тако тёмно место, глубоко. Тут кому-то, бывало же, это летело по реки. И не знаю чё, чёрно, как это, волнами так прыгат. Никоновска-то где проедешь. С полей-то это спустисьсе, крута-то гора, и тут как Степановска-то тут, как за поворотом-то будешь, и тут тёмно место. Это вода беда глубока. И тут вот говорят, показывалось. Страсть какá!

Запевай-ко се,
моя любезная

*Вдоль по бережку
спрохаживала*

Вдоль спо бѣрежку спрохаживала,
Да ле шѣлкову траву заламливала,
Да ле гусей серых заганивала.
Да ле погонила я гусей серых домой,
Да ле мне навстречу шѣл молодчик молодой,
Да ле чтой спо имени Григорий молодѣц,
Да ле спо извотчины Перфильѣвич.
Да ле он и стал со мной заигривати,
Да ле он и стал со мной задуривати,
Да ле на резвы ноги споступывати,
Да ле за белѣ лицо спобирывати.
– Да ле не бери, милѣй, за белѣ за лицо,
Да ле моѣ личенько розгарчетоѣ,
Да ле моя мамонька догадливая,
Да ле домой приду – догадается,
Да ле отчего лицо розгорелосе:
Да ле не со пива, со зелѣного вина,
Со сладкой водочки онисовой.
Да ле тесовѣ кровать росписанная,
Да ле росписѣвана, да розрисованная,
Да ле занавесточки узорчетые,
У нас Олександра-та уборчетая,
Да ле дочь Ивановна приборчетая.

Пошла в тонец

*П*ошла в тонец,
Пошла в тонец тонцевать,
Пошла в тонец тонцевать.

Тонцевала, ой, тонцевала,
Тонцевала, приустала,
Тонцевала, приустала.
Приустала, ой, приустала.

Приустала, задремала,
Приустала, задремала,
Задремала, ой, задремала.

Задремавши, спать ложилась,
Задремавши, спать ложилась.
Спать ложилась, ой, спать ложилась.

Спать ложилась ко милóму,
Спать ложилась ко милóму.
Ко милóму, ой, ко милóму.

Ко милóму на колени,
Ко милóму на колени.
На колени, ой, на колени.

На колени под гусями,
На колени под гусями.
Под гусями, ой, под гусями.

Мил во скрипочку играёт,
Мил во скрипочку играёт,
Вот играёт, вот играёт.

Меня, младу, спотешаёт,
Меня, младу, спотешаёт,
Спотешаёт, ой, спотешаёт...

Запевай-ко се, моя любезная

Ой, запевай-косе, моя любезная,
Да котора, ой, котора да получше.
Да пёсёнка, ой, пёсёнка да спокраше...

Да у Катюшоньки, ой, сердце-то ноёт,
Да ноёт, да спонываёт...

Да отчего, да ле, ой, отчего-то ле сердце спонываёт?
Да всё милый, милый спокидаёт...

Да берёт-то мил, да берёт миленькой меня да за ручку,
Да берёт-то за правую...

Да зовёт-то мил, да зовёт миленькой меня да в лесочек
Да на един, ай, на един да часочек...

Да пойдём-кося, ой, да ле пойдём, сядём-ко со мной
Да под кусточек...

Да под куст, под куст, под рябинку,
Под рябинку, да под саму, ой, под саму да вершинку...

Да ссеку я, ссеку, срублю я эту да ребинушку
Да под саму землю...

Девка по́ саду гуляла

Девка-та по́ саду гуляла,
Ой, да хмелю-ту яру нащипала,
Ой, да пива-та, вина наварила,
Ой, да созывала парня в гости.
Ой, да посажу его на лавку,
Ой, да сама я сяду на скамейку,
Ой, да против ле своего милóго,
Ой, да против ле парня сердечнóго.
Ой, да наливала стакан водки,
Ой, да наливала, подавала,
Ой, да подносила, пить велела:
– Ой, да ты-то испей, испей, Иван же.
– Ой, да я-то не пью, не пью, Овдотья,
Ой, да мне-то ле случилось несчастье –
Ой, да государево солдатство.

Силою верности
Победа достигнута

Венгрия
Чехословакия
Вьетнам
Афганистан
Северный Кавказ

Людям, жившим Победой,
с живыми лавцами войны.

ПОЗДЕВ
Сергей Иванович

МЯДИН
Виктор Леонидович

ВОЛГЖАНИНС
Александр Самуилович

Выходила сѣдни мамоська

Выходила сѣдни мамоська,
Ой, да на крут славен бережок.

На крут славен бережок.
Да ле выносила родима,
Ой, да много золотой казны.

Много золотой казны.
Да ле откупала родима,
Ой, да лодку, лёгонькой стружок.

Лодку, лёгонькой стружок.
Да ле нанимала родима,
Ой, да гребцев добрых молодцов.

Гребцев добрых молодцов.
– Да ле, ох, вы, гребцы-молодцы,
Ой, да греньте прочь от бережка.

Греньте прочь от бережка.
Да ле мать-то быстрая реченька,
Ой, да речка течёт, не шумит.

Речка течёт, не шумит.
Да ле росписная лодочка,
Ой, да лодка плывёт, не стоит.

Лодка плывёт, не стоит.
Да ле чтой-то во этой лодочке,
Ой, да моё дитятко сидит.

Моё дитятко сидит.
– Да ле мой-то родимой дитятко,
Ой, да когда в гости спобывашь?

Когда в гости спобывашь?
– Дак ведь спобываю, мамоська,
Ой, да через двадцать пять годов.

Через двадцать пять годов.
Да ле двадцать пятой годичок,
Ой, да птичкой-пташкой залечу.

Птичкой-пташкой залечу.
Да ле сяду на окошачко,
Ой, да петушочком запою.

Петушочком запою.
Да ле родимую мамоську,
Ой, да ото сна я разбужу.

An aerial photograph of a vast, frozen body of water, likely a sea or a large lake. The surface is covered with numerous ice floes of various sizes and shapes, some appearing as thin, flat sheets and others as more irregular, chunky pieces. The water between the floes is a deep, dark blue. In the lower right quadrant, there is a prominent, dark, irregularly shaped object that stands out from the surrounding ice and water. The overall scene conveys a sense of a cold, desolate, and perhaps hazardous environment.

*Распроклятая
машина*

*Р*аспроклятая машина,
Да куда мила утащила?
Да мне-ка тошно, невозможно,
Да воротить его неможно.
Да тут смешался лёд с водою...

Вдоль по крутому славному бережочку

Вдоль-то спо крутому да спо славному бережоченьку,
Тут-то по желтому по сыпучему по песоченьку
Тут-то ходили да гуляли да добры молодцы,
Добры-ти молодцы, да ребята да донские казаки,
Чтой-то донские, да гребенские, да запорожские.
Они кляли да заклинали да славный тихий Дон:
«Чтой-то не дай же нам Бог на тихом-то Дону да погинути,
Среди-то лета о Петрове дни пересохнути,
Среди-то зимы да о Крещеньи да перемерзнути».
Тут-то погинуло на тихом-то Дону да три ко́рабля.
Нам-то не жалко-то было да три ко́рабля,
Только жалко нам было – тут погинули да три молодца.
Первый-от молодец была вера верная,
Второй молодец был как хитрость была непомерная,
Третий молодец был красота его ненаглядная.

Со Буянова славна острова

Со Буянова да славна, ой, да острова,
Ой, да со того ли куста да со ракитова.

Со того ли куста да со ракитова,
Ой, да подымалась птица да млад ясён да сокол.

Поднималась птица да млад ясён да сокол,
Да ой, опускалась птица да на ракитов куст.

Поднималась птица да на ракитов куст,
Да он-то глядел-то, смотрел да на все стороны.

Он глядел-то, смотрел да на все стороны,
Э-ой, да он-то завидел реку, реку Смородину.

Он завидел реку, реку Смородину,
Ой, да чтой-то по той-то реки да по Смородины,

Чтой по той-то реки да по Смородины,
Ой, да разливались луга, луга зелёныя.

Разливались луга, луга зелёныя,
Ой, да выростала трава, трава шелкóвая.

Выростала трава, трава шелкóвая,
Ой, да чтой-то по той-то траве, траве шелкóвое,

Тут ле шли-то, прошли да звери лютыя,
Э-ой, да звери лютыя, да ядовитыя.

Звери лютыя, да ядовитыя,
Ой, да они несут-то в зубах да рúку правую.

Они несут-то в зубах да рúку правую,
Ой, да рúку правую да с кольцом белую.

Рúку правую да с кольцом белую,
Ой, да эта чья же рука да рука правая?

Эта чья же рука, да рука правая?
Ой, да как моёго дружкá, да дрúжка да милого.

Как моёго дружкá, да дрúжка милого,
Ой, да как моёго дружкá, дружкá Иванушка.

Из-за лесу тёмного

*И*з-за лесу-ту да лесу тёмного,
Ой, да из-за садичку, ой, саду зелёного,

Из-за садичку, саду да зелёного,
Ой, да подымаласе, ой, да туча тёмная.

Подымаласе, ой, да туча тёмная,
Ой, да чтой-то другая да неспособная.

Чтой другая да неспособная,
Ой, да со громами да со громучима,

Со громами да со громучима,
Ой, да с молоньями да со палючима,

С молоньями да со палючима.
Ой, да в эту времё, да в ето времечко,

В эту пору да в ето времечко,
Ой, да отъезжáёт да дочь, ой, да дочь
от батюшка.

Отъезжáёт-то да дочь от батюшка,
Ой, да от родимой да своей матушки...

Во горенке во новой

Во горенке во новой, во новой
Стоит столик дубовой, дубовой,
На столе-то стоит чара золота,
Полна пива налита, налита,
Полна пива, да зелёного вина.
Это кто же пировал-столовал?
Тут ведь Павел-от Иванович,
Со своею госпожой, госпожой,
Со Ириной-то Ивановной.
У нас Ирина-та Ивановна,
Она ладно снаряжается,
У нас Ирины в гости хочется,
Она не знат, у кого спрósиться,
Она не знат, кому доложиться.
Она у Павла-та спрósится,
Она Ивановичу долóжится:
– Ты спусти-ко меня в гости спобывать,
Ненадолго татку с мамкой повидать.
– Ты, Ирина, дочь Ивановна,
Посиди-ко у меня в терему,
Посмотри-ко на мою красоту,
Роди сына во себя, во себя,
Роди дочку во меня, во меня,
Женим сына у попа, у попа,
Отдадим дочку за князя, за князя,
Будёт порода хороша, хороша.

Берёзка раскудрявая

Ты, берёзка, берёзка раскудрявая,
Ой, раскудрявая, тонка́, жура́вая.

Раскудрявая, тонка́, жура́вая.
Ой, ты когда-то взошла, да когда выросла?

Ты когда-то взошла, да когда выросла?
– Ой, я весной-то взошла да летом выросла.

Я весной-то взошла да летом выросла,
Ой, по зоря́м рано цвела да солнцем вызрела.

По зоря́м рано цвела да солнцем вызрела.
Ой, есть у меня, у девушки, да много горюшка.

Есть у меня, у девушки, да много горюшка,
Ой, в ретивом-то сердце да есть зазнобушка.

В ретивом моём сердце да есть зазнобушка:
Ой, зазнобил сердечушко да молодой парень.

Зазнобил сердечушко да молодой парень,
Молодой-то парень да лет семнадцати.

Молодой-то парень да лет семнадцати,
Ой, лет семнадцати да восемнадцати.

Лет семнадцати да восемнадцати.
Ой, двадцати пяти годов да я нарушила любовь.

Двадцати пяти годов да я нарушила любовь,
Ой, нарушила я любовь – да полюбила трёх сынов.

Нарушила я любовь – да полюбила трёх сынов:
Ой, как первого-то сына, сына купеческого.

Как первого-то сына, сына купеческого,
Ой, как второго-то сына, сына поповского.

Как второго-то сына, сына поповского,
Ой, как третьёго-то сына, сына крестьянского.

Как третьёго-то сына, сына крестьянского.
Ой, как купеческой сын да за товарами.

Как купеческой сын да за товарами,
Ой, за товарами да всё за разными.

Как поповской-от сын да за бумагами,
Ой, за бумагами да за чернилами.

За бумагами да за чернилами.
Ой, как крестьянской-от сын да за работою.

Как крестьянской-от сын да за работою,
Ой, за работою да за тяжёлою.

Во слободке во новóй

Во слободке-то во новóй,
Во слободке во новóй
Да живёт мальчик-от молодой.

Живёт мальчик-от молодой,
Живёт мальчик молодой
Да незаботливой да такой.

Незаботливой да такой,
Ни заботы, ни работы,
Сам ко девушкам да ходил.

Сам ко девушкам да ходил,
Сам ко девушкам ходил
Да молоду-ту жену, жену гневил.

Молоду-ту жену, жену гневил,
Молода его жена
Да догадаласе-то ле она.

Догадаласе-то ле она,
Догадалась, досмекалась:
Муж гуляёт да, ой, да от меня.

Муж-то гуляёт да, ой, да от меня,
Он не днями, не ночами,
По вечерной да по зари.

По вечерной да по зари,
По вечерной по зари,
Да утром рано да на росы.

Утром рано да на росы,
Утром рано на росы
Да на Дунаём да на реки.

На Дунаём да на реки,
На Дунаём на реки
Да пристыл тоненькой да ледок.

Пристыл тоненькой да ледок,
Пристыл тоненькой ледок,
Да выпал беленькой да снежок.

Выпал беленькой да снежок,
Выпал беленькой снежок,
Да проложил-то милой да следок.

Проложил-то милой да следок,
Проложил милой следок
Да ко Машеньки да во садок.

Дороженька

А

й, не еднá-то ле, еднá, ой, дак вó поле да дороженька
да ёдна да пролегала.

Ай, дак не сухим-то ле тонкíм, ой, дак ельничком
да березничком она заростала.

Ай, дак не сухим-то ле тонкíм, ой, дак горьким етим
осинничком дак её заломило.

Ай, дак почему-то ле нельзя, ой, да нельзя-то
доброму молодцу да в гостях-то спобывати?

Ай, дак почему-то ле нельзя, ой, да любушку да сударушку
да в очи да увидати?

Ай, дак я дождусь-то ле, дождусь поры-времё,

Ай, дак я дождусь-то ле дождусь лета тёплого,

Ох, я-от ещё-то ле дождусь, ой, да дождусь ночи тёмной,

Ай, дак я дождусь-то ле, дождусь поры-времечка,

Ай, да я тогда-то ле тогда, ой, дак в гостях побываю,

Ай, да я тогда-то ле тогда, ой, да любушку да сударушку

да в очи дак увидаю.

Боровская-то деревня
Любо-налюбо любя.
В Боровской-то ли деревне
Жить нам выпала судьба.

Не ходи, не стучайся,
Да не ходи, не брякайся,
Подойди к окошечку,
Тихонько поцарапайся.

А не Гáревски бы кочки,
Да не Чíгински пески,
Не усть-цилемски бы девки,
Парни сдохли бы с тоски.

*Т*áрево-то не деревня,
Можно городом назвать:
Семь домов, двенадцать улиц –
Негде с милым погулять.

«*У*чэйно бат», да «чэйно бат» –
Так в Усть-Цильме говорят.
А пошто так говорят,
Мы не знаем, чэйно бат.

*У*ильма вьётся, Цильма вьётся,
Цильма вьётся во кружки!
Цильманчане-те богаты,
Да не наши женишки!

*О*й, цилёмски-то ребята
Завели калоши,
Мимо окон ходят боком,
Думают: хороши.

*У*сть-цилёмски девки мелки,
Мелки, как горошинки.
Потому ребята любят –
На лицо хорошеньки.

*П*ароходики идут,
Огоньки алеют.
Усть-цилёмские ребята
Завлекать умеют.

*Д*ует ветер, дует ветер,
Дует ветер с севера.
Усть-цилёмские ребята
Чуть повыше клевера.

*У*сть-цилёмские ребята
Высоко себя ведут:
Из ковша воды напьются –
Будто пьяные идут.

*У*сть-цилёмские ребята
Знают, с кем знакомиться:
У кого картошки много
И корова доится.

*У*сть-цилёмские ребята
Очень форсоватые:
Сшили новые фуфайки,
Думают: богатые!

С
то по Тобышу-реке
Всё излуки да носа,
Всё излуки да носа,
Да невесёлые леса!

Д
айте крашеную лодочку,
Серебряно весло.
За реку, за Цильму-матушку
Платочек унесло.

М
ы с милёнком расставалися
На Цилемке-реке.
Два цветочка, два голубеньких
Растаяли в руке.

Вы прощайте, сани-дровни,
Где зимой катаемся.
Вы прощайте, устьцилёма,
С вами попрощаемся.

A landscape photograph showing a field of tall, golden-brown grass in the foreground. A rustic wooden fence made of vertical posts and horizontal rails runs across the middle ground. In the background, there is a dense forest of trees, some evergreen and some deciduous, under a hazy sky. The overall scene is peaceful and rural.

Примечания
к текстам
и фотоснимкам

Примечания к текстам

ПРО СТАРОЕ СКАЗАТЬ ДА ПРО БЫВАЛОЕ

- Голубиная книга:** духовный стих. *Публ. по:* Ончуков 1904, № 56. Торопова Екатерина Федоровна, 81 г., с. Усть-Цильма. Зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.
- Егорий и змея:** духовный стих. *Публ. по:* Ончуков 1908, № 3. Торопова Екатерина Федоровна, 81 г., с. Усть-Цильма; зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.
- Алексей человек Божий:** духовный стих. *ФА СГУ, АФ 0310-20, 0353-1.* Овчинникова Мария Дементьевна, 1914 г.р., с. Усть-Цильма; зап. А.Н. Власовым в 1984 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Застава богатырская:** былина «Илья Муромец и Сокольник» (фр.). *Публ. по:* БП, № 67. Чуркина Федосья Емельяновна, 55 л. (урож. д. Абрамовской), д. Чуркинская. Зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.
- Сорок калик:** былина. *Публ. по:* БП, № 170. Дуркин Дмитрий Карпович, 40-45 л., с. Усть-Цильма; зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.
- Лука Данилович:** былина. *Публ. по:* БП, № 278. Дуркин Дмитрий Карпович, 40-45 л., с. Усть-Цильма; зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.
- Татарский сын:** баллада. *Публ. по:* ТКУЦ ЛП, № 4. Рочева Аполлинария Никитична, 1925 г.р., с. Трусово; зап. З.Н. Мехреньгиной, А.А. Бильчуком в 1988 г.
- Бутман:** эпическая песня. *Публ. по:* БП, № 227. Чупров Еремей Прович, 1889 г.р. (урож. д. Абрамовской), д. Боровская. Зап. Д.М. Балашовым в 1964 г. «В части описания войны с турками текст Е.П. Чупрова не имеет вариантов. Но поскольку о войне с турками вскользь упоминали и другие певцы, можно полагать, что среди пижемцев бытовал некий сюжет о Прутском походе Петра I»; «Тогда русская армия действительно была прижата к реке и окружена. В окружение попал и сам царь вместе с новообретенной женой Екатериной. Деятельное участие в окружении русской армии приняли крымские татары, – видимо, это отозвалось в нескольких песенных вариантах упоминанием Орды или татар, для певцов в качестве противников привычных, в отличие от турок. По широко распространившимся слухам, Петру с трудом удалось добиться переговоров о выкупе себя и армии. По слухам в счет выкупа пошли и драгоценные украшения Екатерины. От каких-то подробностей о выкупе в песне уцелел один глагол “повыкупил”» (Смирнов Ю.И. Бутман // Смирнов Ю.И., Ангеловская Л.В., Канева Т.С. Былины Усть-Цильмы: справочно-библиографические материалы. Сыктывкар, 2019. С. 198, 195).

ПО ОТЦОВЫМ СКАЗКАМ

- Как Богородица прятала Христа:** легенда. *ФА СГУ, АФ 03366-86, 87.* Поташова Наталья Ивановна, 1924 г.р. (урож. д. Лёвкинской), д. Скитская; зап. Л.В. Ангеловской, Ю.Н. Ильиной в 2014 г. Расш. Т.С. Каневой. *Исть – есть.*
- Как рябчик Христа испугал:** этиологическая легенда. *Публ. с измен. по:* Ильина и др., № 2. Ермолина Февруса Федоровна, 1927 г.р., с. Трусово; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2007 г.
- Гольна земля была:** историческое предание (фр.). *Публ. по:* Дронова Т.И. Легенды и предания о месточтимых святых и поклонных местах Пижемского края (по материалам исследований нижнепечорских староверов-беспоповцев) // Рябининские чтения – 2007: материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 33.
- Как бес Никона смутил:** легенда. *ФА СГУ, АФ 0355-66.* Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Как Бес и Никон меняли веру:** легенда. *ФА СГУ, АФ 0355-68, 69, 70.* Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Основание Усть-Цильмы:** историческое предание. *ФА СГУ, АФ 03105-38.* Дуркин Федор Матвеевич, 1909 г.р., д. Карпушовка; зап. З.Н. Мехреньгиной, А.А. Бильчуком в 1990 г. Расш. З.Н. Мехреньгиной, Т.С. Каневой. *Ластка – Иван Дмитриевич Ластка, основатель Усть-Цилемской слободки (не позднее 1542 г.).*
- Здесь был монастырь:** историческое предание. *ФА СГУ, АФ 0388-8, 9, 13.* Михеев Семен Михайлович, 1914 г.р., д. Скитская; зап. А.А. Бильчуком в 1989 г. Расш. Т.С. Каневой. *Никоном было извергну – Никон изгонял, преследовал противников церковных реформ и нововведений (последователей староверия). Великопоженский монастырь (скит) – старообрядческое общежитие на реке Пижме (основан в 1710-х гг.).*

Законы у них очень строгие были: исторический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 0310-14. Аншуков Прокопий Федорович, д. Карпушовка; зап. А.Н. Власовым в 1984 г. Расш. Т.С. Каневой.

Огнём скончавшиеся:

– **«Шестьсот лет назад...»:** историко-легендарное предание. *ФА СГУ*, АФ 0367-37. Бобрецова Ефросинья Трофимовна, 1913 г.р. (урож. д. Загривочной), п. Новый Бор; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1988 г. Расш. Т.С. Каневой. *Голубами* – голубями. Самосожжение в Великопоженском монастыре произошло 07/20 декабря 1743 г.

– **«Образов-то было...»:** историко-легендарное предание. *ФА СГУ*, АФ 0323-б. Михеева Матрена Игнатьевна, 1909 г.р. (урож. д. Скитской), д. Степановская; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой. *Лебедеми* – лебедями.

Заселение Пижмы:

– **«Селились в леса охотники...»:** историко-топонимический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 0356-60. Мяндина Евдокия Малафеевна, 1923 г.р. (урож. д. Абрамовской), с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«С Мезени ходили сюда...»:** исторический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 0355-41, 42: Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.

«У покойных»: легендарно-биографический рассказ о посещении обетного места на реке Тобыш и о его последнем скитнике Иване (см. также рассказ об Ивановом дне). *ФА СГУ*, АФ 03316-90, 91, 92, 93, 96: Попова Елена Иосифовна, 1932 г.р. (урож. д. Савино), д. Мыла; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г. Расш. Т.С. Каневой. *Беда* – очень. *Шелейка* – щелейка, см. *щелья*. *У Омелиных* – в д. Омелино (Омелинской). *Навытогодивало:* см. *тоговотать* (здесь: навывбивало дождем из земли).

В воскресенье никогда не работали: историко-биографический рассказ об Иване Исаковиче Бабикове, жителе д. Ильинка. *Публ. по:* Ильина, Канева, с. 28. Бабиков Андрей Федорович, 1962 г.р. (урож. д. Ильинки), с. Нерица; зап. Ю.Н. Ильиной, Е.В. Прокуратовой в 2009 г.

Предвестие перемен: историко-биографический рассказ. *Публ. по:* Ильина, Канева, с. 28. Бабиков Андрей Федорович, 1962 г.р. (урож. д. Ильинки), с. Нерица; зап. Ю.Н. Ильиной, Е.В. Прокуратовой в 2009 г.

Его, как всех их, расстреляли: историко-биографический рассказ о Кондратии Никитиче Бабикове, жителе д. Ильинка. *Публ. по:* Ильина, Канева, с. 27–28. Бабиков Андрей Федорович, 1962 г.р. (урож. д. Ильинки), с. Нерица; зап. Ю.Н. Ильиной, Е.В. Прокуратовой в 2009 г.

На войну спровожали: историко-биографический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03416-60. Бобрецова Агафья Сидоровна, 1923 г.р., д. Скитская; зап. А.В. Афанасьевым, Т.С. Каневой в 2018 г. Расш. Т.С. Каневой.

Медвежий след: эсхатологический рассказ. *Публ. с сокращ. по:* Ильина и др., № 19. Бобрецова Евдокия Викуловна, 1928 г.р. (урож. д. Нонбург), с. Трусово; зап. Ю.Н. Ильиной в 2007 г.

СО СТРАХОМ, БРАТИЕ, ПОСЛУШАЕМ

Как будет кончина: легенда. *ФА СГУ*, АФ 0355-63. Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.

Страшный суд: духовный стих. *Публ. по:* Балашов, № 27. Лагеев Василий Игнатьевич, 1895 г.р., Кириллова Евдокия Ниловна, ок. 1900 г.р., Кислякова Аксенья Ивановна, 1899 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Д.М. Балашовым в 1963 г.

Плач души грешной: духовный стих. *Публ. по:* Балашов, № 25. Лагеев Василий Игнатьевич, 1895 г.р., Кириллова Евдокия Ниловна, ок. 1900 г.р., Кислякова Аксенья Ивановна, 1899 г.р., с. Усть-Цильма. Зап. Д.М. Балашовым в 1963 г.

С другом я вчера сидел: духовный стих (фр.). *Публ. по:* Балашов, № 22. Лагеев Василий Игнатьевич, 1895 г.р., Кириллова Евдокия Ниловна, ок. 1900 г.р., Кислякова Аксенья Ивановна, 1899 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Д.М. Балашовым в 1963 г.

Молитва Никите Столбикову: быличка. *ФА СГУ*, АФ 0353-18, 19. Овчинникова Мария Дементьевна, 1909 г.р., с. Усть-Цильма; зап. А.Н. Власовым в 1984 г. Расш. Т.С. Каневой.

- Молитва вечерняя.** *ФА СГУ*, АФ 03302-6. Томилов Иван Ефимович, 1938 г.р. (урож. д. Росвино), с. Усть-Цильма; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Е.В. Прокуратовой в 2009 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Молитвы всем святым, «Сон Богородицы».** *Публ. по:* Канева, Шомысов 2015б, с. 53. Попова Елена Иосифовна, 1932 г.р. (урож. д. Савино), д. Мыла; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г. *Юда Трофимович* – почитаемый на Мезени, в Лешуконье Иуда Конещельский (Юда Трофимович). *Растогодели:* см. *тоговотать* (здесь: распяли).
- Явленна Богородица:**
- «**Икона у бабки Домны явилась...**»: легенда. *Публ. с сокращ. по:* Канева, Шомысов 2015б, с. 51. Попова Елена Иосифовна, 1932 г.р. (урож. д. Савино), д. Мыла; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г.
  - «**А так вот как, что раз явлённа...**»: легенда. *Публ. с сокращ. по:* Канева, Шомысов 2015б, с. 52. Евсюгины Анастасия Вавиловна, 1949 г.р. (урож. д. Савино), Клавдий Васильевич, 1937 г.р., д. Нонбург; зап. Л.В. Ангеловской, А.И. Васкул, Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г. *Косьё* – костьё, кости. *У Трусовых* – в селе Трусово.
- Покаяние природе:** религиозный рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03398-8. Ничипорук Фаина Фатеевна, 1937 г.р. (урож. д. Высокая Гора), с. Усть-Цильма; зап. Т.С. Каневой в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Перед нежданной смертью:** легенда. *ФА СГУ*, АФ 03351-82. Поздеева Евдокия Ивольевна, 1937 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Л.В. Ангеловской, Ю.Н. Ильиной в 2012 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Бесы в образе ангелов:** легенда. *ФА СГУ*, АФ 0356-3. Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Как старец перед смертью с Богом разговаривал:** легенда. *ФА СГУ*, АФ 0356-4. Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Не уйти без прощения:** легенда. *ФА СГУ*, АФ 0356-4. Андреева Агафья Калинична, 1911 г.р., с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Вызволение из ада:** легенда. *ФА СГУ*, АФ 03316-41. Попова Елена Иосифовна, 1932 г.р. (урож. д. Савино), д. Мыла; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г. Расш. Т.С. Каневой. *Тогодеются:* см. *тоговотать* (здесь: крутятся). *Тенёт* – тянет.
- Добро всё переможет:** притча. *ФА СГУ*, АФ 03351-82. Поздеева Евдокия Ивольевна, 1937 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Л.В. Ангеловской, Ю.Н. Ильиной в 2012 г. Расш. Т.С. Каневой.

НЕ ПРЕВЫПЛАКАТЬ ДА НЕ ПРЕВЫСКАЗАТЬ

- Ты кормилица, да крёстна матушка:** свадебное причитание (обращение невесты к крестной при расплетении косы). *АКФ МГУ 4-10-1980:* тетр. 8, № 169, с. 5009. Дуркина Ефросиния Алексеевна, 55 л., д. Уег; зап. Л.В. Нехай в 1980 г. *Не вымай* – не вынимай.
- Нет спасибо тебе, да крёстна матушка:** свадебное причитание (обращение невесты к крестной после расплетения косы). *Публ. по:* ЛРС, № 462. Поздеева Марфа Борисовна, 38 л., с. Усть-Цильма; зап. Н.П. Колпаковой в 1929 г.
- Ты прости, моя да воля вольная:** свадебное причитание. *Публ. по:* ЛРС, № 500. Поздеева Марфа Борисовна, 38 л., с. Усть-Цильма; зап. Н.П. Колпаковой в 1929 г.
- Плач о девичестве:** причитание о своей жизни (фр.). *Публ. по:* РНБЛ, № 40. Поздеева Елена Федоровна, 24 г., д. Уег; зап. А.П. Разумовой в 1942 г.
- Плач по утонувшей дочери:** поминальное причитание. *Публ. по:* РНБЛ, № 17. Носова Авдотья Кондратьевна, 73 г., д. Карпушовка; зап. В.Г. Базановым в 1942 г. *Сысветные* – сесветные: вечные, на всю жизнь. В стихе «Ты не сядешь со мной, бедной злосчастной» частица *не* вставлена авторами данного издания. *(Бумага) ербовая* – гербовая. *Крынюшка* – ласковое обращение.
- Плач по мужу:** причитание поминальное. *Публ. по:* РНБЛ, № 9. Ларикова Ульяна Леонтьевна, 68 л., д. Уег; зап. А.П. Разумовой в 1942 г.
- Плач о муже пьющем:** причитание поминальное. *Публ. по:* РНБЛ, № 18. Носова Авдотья Кондратьевна, 73 г., д. Карпушовка; зап. В.Г. Базановым в 1942 г.
- Плач по умершему сыну:** причитание поминальное. *Публ. по:* РНБЛ, № 10. Ларикова Ульяна Леонтьевна, 68 л., д. Уег; зап. А.П. Разумовой в 1942 г. *Не чала* – не чаяла. *По надобью* – для какой-л. надобности, потребности.
- Плач по сыну-хозяину:** причитание поминальное (фр.). *Публ. по:* РНБЛ, № 24. Носова Авдотья Кондратьевна, 73 г., д. Карпушовка; зап. В.Г. Базановым в 1942 г. *Воруй:* см. *варуй*. *Россохи:* см. *рассохи*.

- Дорого моё да чадо милоё:** причитание похоронно-поминальное (по сыну). *ФА СГУ*, АФ 0315-22. Бытовая запись, исполнительница при записи не названа, с. Замежная, 1975 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Проводы сына на войну:** причитание воинское (при проводах на Великую Отечественную войну). *Публ. по:* РНБЛ, № 11. Ларикова Ульяна Леонтьевна, 68 л., д. Уег; зап. А.П. Разумовой в 1942 г. *Гуси выпали* – выпала судьба.
- Проводы брата на войну:** причитание воинское (при проводах на Великую Отечественную войну, фр.). *Публ. по:* РНБЛ, № 44. Поздеева Елена Федоровна, 24 г., д. Уег; зап. А.П. Разумовой в 1942 г. *Поплесице:* см. *плёс, плёсо* (здесь: синоним сочетания *пустое место*).
- На разгром врага:** причитание биографическое (о своей жизни во время войны, фр.). *Публ. по:* РНБЛ, № 50. Поздеева Марфа Борисовна, 52 г., с. Усть-Цильма; зап. в 1942 г. В.Г. Базановым. *Ни вёсти, ни пáвести* – нет никаких известий, сведений.
- Плач по Журавскому (Уж ты удалый наш был добрый молодец):** причитание поминальное. *Публ. по:* РНБЛ, № 26. Носова Авдотья Кондратьевна, 73 г., д. Карпушовка; зап. В.Г. Базановым в 1942 г. *Сповыорали:* см. *орать. Пёшецки* – пешечки, пешки (игровые фигурки). *Конáется:* см. *конáться*. Журавский Андрей Владимирович (22.09.1882, Херсонская губ. – 15.08.1914, с. Усть-Цильма) – исследователь европейского севера России, основатель первого научного учреждения в Приполярье – Печорской естественно-исторической станции Российской Академии наук (с. Усть-Цильма).

ГОВОРОК-ЯЗЫК

- «**Анночка-горожаночка...**»: прибаутка. *Публ. по:* ДД, № 115. Данные об исполнителе отсутствуют; зап. студентами филологического факультета СГУ в 1986 г.
- «**Радуга...**»: закличка. *Публ. по:* ДД, № 507. Носова Женя, 1972 г.р., с. Ср. Бугаево; зап. А.А. Ивановой в 1980 г.
- «**Долга-долгуша...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 410. Дуркина Ксения Павловна, 1924 г.р. (урож. д. Загривочная), с. Ср. Бугаево; зап. А.В. Панюковым в 1989 г.
- «**Два волка...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 421. Бобрецова Агафья Матвеевна, 1904 г.р., с. Замежная; зап. Т.И. Дроновой в 1987 г.
- «**Баю-баю-баючок...**»: колыбельная. *Публ. по:* ДД, № 5. Канева Анна Павловна, 1918 г.р., д. Харьяга; зап. Е.В. Кокориной в 1980 г.
- «**Два брата...**»: загадка. *Публ. по:* Колпакова, с. 172.
- «**Село заселено...**»: загадка. *Публ. по:* Колпакова, с. 172.
- «**Баю-баю-баю-бай...**»: колыбельная. *Публ. по:* ДД, № 25. Поздеева Пелагея Тарасовна, 1927 г.р., с. Усть-Цильма; зап. ДЦ «Гудвин» в 2002 г.
- «**Байки-побайки...**»: колыбельная. *Публ. по:* ДД, № 61. Дуркина Феврония Никитична, 1929 г.р., с. Усть-Цильма; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1989 г.
- «**Бай, бай, еще Бог дай...**»: колыбельная. *АКФ МГУ 4-10-1980*, тетр. № 1, с. 4173 № 33. Попова Анастасия Кондратьевна, 1958 г.р. (урож. д. Уег), д. Медвежка; зап. А.А. Ивановой в 1980 г.
- «**Филька-Филипп...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 378. Чупрова Анисья Терентьевна, 1920 г.р., с. Трусово; зап. Т.И. Дроновой в 2000 г.
- «**Лжит Андрат...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 416. Шишелова Дарья Тимофеевна, 1910 г.р., с. Трусово; зап. ДЦ «Гудвин» в 2002 г.
- «**Кабы встал...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 415. Мяндина Евдокия Малафеевна, 1923 г.р. (урож. д. Абрамовской), с. Замежная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г.
- «**Два лежат...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 329. Участницы хора, с. В. Бугаево; зап. А.А. Ивановой в 1980 г.
- Поцелуй пробой да поди домой:** поговорка. *Публ. по:* Дуркина, № 187. Из тетради Дуркиной Марфы Ананьевны, 1934 г.р., с. Трусово.
- «**Нет никто таков...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 356. Поздеева Агафья Павловна, 1920 г.р., с. Усть-Цильма; зап. студентами филологического факультета СГУ в 1986 г.
- «**Выпашу, выпашу...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 312. Бобрецова Александра Николаевна, 1900 г.р., д. Мыла; зап. В.А. Чистяковым в 1978 г.
- «**Чай – Китай...**»: поговорка. *ФА СГУ*, АФ 03328-113. Чупрова Мария Ивановна, 1925 г.р., д. Филиппово; зап. Л.В. Ангеловской в 2011 г.
- «**Сквозь стену...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 216. Чуркина Татьяна Никифоровна, 1918 г.р., с. Замежная; зап. Е.А. Шевченко в 1987 г.

- «**Полно коробьё...**»: загадка. *Публ. по:* ДД, № 322. Бобрецова Агафья Матвеевна, 1904 г.р., с. Замежная; зап. Т.И. Дроновой в 1987 г.
- «**Полна коробушка...**»: загадка. *АКФ МГУ 4-6-1978*, тетр. 98 (14), с. 2994 № 52. Ермолина Полина, 10 л., с. Трусово; зап. М.И. Лазутиной, Л. Прохоровой, А.М. Гамбаровской (рук. практики Ф.М. Селиванов) в 1978 г.
- «**Положи лён возле огонь**»: поговорка. *Публ. по:* Дуркина, № 733. Из тетради Дуркиной Марфы Ананьевны, 1934 г.р., с. Трусово.
- «**Голо, да фёрско**»: поговорка. *Публ. по:* Дуркина, № 631. Из тетради Дуркиной Марфы Ананьевны, 1934 г.р., с. Трусово.
- «**Бывал даживал...**»: небылица. *Публ. по:* Ончуков 1908, № 21. Чупров Григорий Иванович, 50 л., с. Усть-Цильма; зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.
- «**Мужнина родня...**»: поговорка. *Публ. по:* Дуркина, № 537. Из тетради Дуркиной Марфы Ананьевны, 1934 г.р., с. Трусово.
- Про ерша**: сказка. *Публ. по:* Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб., 1908. № 1. Чупров Алексей Васильевич, 70 л., с. Усть-Цильма; зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г.

ВОТ ТАК ИСПОКОН ВЕКОВ ИДЁТ

- Птицы приносят весну**: рассказ о прилете птиц. *ФА СГУ*, АФ 03357-32. Булыгина Анна Михайловна, 1929 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2013 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Евдокия**: календарная примета. *ФА СГУ*, АФ 0341-20. Чупрова Мария Николаевна, 1918 г.р. (урож. с. Усть-Цильма), п. Синегорье; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1988 г. Расш. Т.С. Каневой. Евдокия (Авдотья), св. Евдокия Илиопольская – 01/14 марта.
- Вербное воскресенье**: рассказ о празднике и приговор при стегании детей вербой. *ФА СГУ*, АФ 03276-37, 38, 40. Чупрова Агафья Васильевна, 1926 г.р. (урож. с. Трусово), д. Филиппово; зап. Т.С. Каневой, В.В. Головиным в 2008 г. Расш. Т.С. Каневой. Упоминание о стегании вербой скота было сделано рассказчицей после пересказа о входе Христа в Иерусалим, переставлено нами в позицию сразу после приговора для более упорядоченного восприятия текста. Вербное воскресенье (вход Господень в Иерусалим) – за неделю до Пасхи.
- «**Не я секу**»: приговор при стегании детей вербой в Вербное воскресенье. *Публ. по:* ДД, № 143. Макаревич Анна Семеновна (урожд. Торопова, д. Росвино), 1929 г.р., г. Сыктывкар; зап. Т.С. Каневой в 1992 г.
- Ледоход дождем:**
- «**Смотрим всё, дожидаем...**»: рассказ о ледоходе. *Публ. с сокращ. по:* Канева, № 4. Чупрова Меланья Ивановна, 1932 г.р. (урож. д. Абрамовской), д. Боровская; зап. Л.В. Ангеловской, В.В. Головиным в 2006 г.
  - «**Мы детьми...**»: рассказ о ледоходе. *Публ. по:* Канева, № 7. Данилова (урожд. Поздеева) Валентина Дмитриевна, 1919 г.р., с. Замежная; зап. Т.С. Каневой в 2005 г.
  - «**Всё у нас бабка говорила...**»: рассказ о ледоходе. *Публ. по:* Канева, № 56. Карманова Анна Тимофеевна, 1928 г.р., д. Степановская; зап. Т.С. Каневой в 2006 г.
- В ледоход здоровья ищут:**
- «**Обязательно всё так на реку...**»: рассказ о ледоходе. *Публ. с сокращ. по:* Канева, № 19. Чупровы Евлампий Васильевич 1927 г.р. (урож. с. Трусово), Татьяна Матвеевна, 1935 г.р. (урож. д. Рочево), д. Филиппово; зап. А.И. Васкул, Ю.Н. Ильиной в 2008 г.
  - «**[Мама] говорила...**»: рассказ о ледоходе. *Публ. с сокращ. по:* Канева, № 54. Чуркина Евдокия Абрамовна, 1948 г.р., д. Степановская; зап. Т.С. Каневой в 2006 г.
  - «**Вот умываться...**»: рассказ о ледоходе. *ФА СГУ*, АФ 03387-79. Носов Василий Федорович, 1937 г.р. (урож. д. Верховской), д. Черногорская; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Д.И. Шомысовым в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.
  - «**Ходили, глаза мыли...**»: рассказ о ледоходе. *Публ. по:* Канева, № 76. Бобрецова Ульяна Андреевна, 1931 г.р. (урож. д. Лёвкинской), с. Трусово; зап. Ю.Н. Ильиной в 2007 г.
- Микола – он ведь спаситель**: легендарно-биографический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03163-36: Кириллова Евдокия Дмитриевна, 1923 г.р., д. Скитская; зап. Т.С. Каневой в 2005 г. Расш. Т.С. Каневой.
- Приметы такие были:**
- «**Лёд останется на берегах...**»: примета. *ФА СГУ*, АФ 03387-11. Чуркина Варвара Романовна, 1941 г.р., д. Черногорская; зап. Ю.Н. Ильиной, Д.И. Шомысовым в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.

- **«Вот помню...»:** примета. *ФА СГУ*, АФ 03391-9. Семенова Марина Ивановна, 1970 г.р., д. Черногорская; зап. А.В. Афанасьевым, Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Д.И. Шомысовым в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.
- **«И вот ещё приметы такие были...»:** рассказ о ледоходе и примета. *ФА СГУ*, АФ 03387-79. Носов Василий Федорович, 1937 г.р. (урож. д. Верховской), д. Черногорская; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Д.И. Шомысовым в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.
- **«Егорей с водой...»:** приметы на Егорьев день и Николин день. *ФА СГУ*, АФ 03276-25. Чупрова Агафья Васильевна, 1926 г.р. (урож. с. Трусово), д. Филиппово; зап. Т.С. Каневой, В.В. Головиным в 2008 г. Расш. Т.С. Каневой. Егорьев (Юрьев) день, день св. Георгия Победоносца – 26 апреля / 06 мая; Николин день, день св. Николая Мирликийского (Чудотворца) – 09/22 мая.

Кукушка:

- **«Когда она кокует...»:** поверье о кукушке и приговор при куковании. *ФА СГУ*, АФ 03260-20. Михеевы Матрена Абрамовна, 1925 г.р., Дмитрий Александрович, 1929 г.р., д. Степановская; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2008 г. Расш. Т.С. Каневой.
- **«Кукушка, говорят, закукует в первый раз...»:** поверье о куковании кукушки. *ФА СГУ*, АФ 03410-89. Чурсанова Анна Федоровна, 1936 г.р. (урожд. Дуркина, д. Коровий Ручей), д. Карпушовка; зап. А.В. Афанасьевым, Т.С. Каневой в 2017 г. Расш. Т.С. Каневой.
- **«Запомнила с малых лет...»:** поверья о куковании кукушки. *ФА СГУ*, АФ 03421-23, 25, 26. Бобрецова Агафья Сидоровна, 1923 г.р., д. Скитская; зап. Т.С. Каневой в 2018 г. Расш. Т.С. Каневой.

Первый гром:

- **«Первый раз услышишь гром...»:** поверье. *ФА СГУ*, АФ 03400-6. Ничипорук Фаина Фатеевна, 1937 г.р. (урож. д. Высокая Гора), с. Усть-Цильма; зап. Т.С. Каневой в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.
- **«Гром гремит – Господь житья сулит»:** пословица. *ФА СГУ*, АФ 03378-49. Кислякова Татьяна Степановна, 1937 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Ю.Н. Ильиной, Ю.В. Леготиной в 2015 г.
- **«Гром учуют первой раз...»:** поверье. *ФА СГУ*, АФ 0357-2. Чупрова Улита Ивановна, 1907 г.р., с. Заменная; зап. А.Н. Власовым в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.

Иван день: легендарное предание (об Иване с Тобыша см. также: «У покойных»). *ФА СГУ*, АФ 0307-4. Семёнова Марфа Алексеевна, 1917 г.р. (урож. д. Черногорской), с. Усть-Цильма; зап. А.Н. Власовым в 1986 г. Расш. Т.С. Каневой. Иванов день, Рождество Иоанна Предтечи – 24 июня / 07 июля.

Ильин день:

- **«Ильин день 2-го августа...»:** рассказ о нарушении запрета на работу в праздник. *ФА СГУ*, АФ 03371-47. Карманова Анна Тимофеевна, 1928 г.р., д. Степановская; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2014 г. Расш. Т.С. Каневой. Ильин день, день Илии Пророка – 20 июля / 02 августа.
- **«Покойный свёкор-батюшка говорил...»:** рассказ о нарушении запрета на работу в праздник. *ФА СГУ*, АФ 0353-18, 19, 21. Овчинникова Мария Дементьевна, 1909 г.р., с. Усть-Цильма; зап. А.Н. Власовым в 1984 г. Расш. Т.С. Каневой.

Иван Постный: рассказ о религиозно-календарных регламентациях. *ФА СГУ*, АФ 03285-26. Чупрова Матрена Григорьевна, 1933 г.р., с. Трусово; зап. в Ю.Н. Ильиной, Е. Колесниченко в 2007 г. Расш. Ю.Н. Ильиной. Иван Постный (день усекновения главы Иоанна Предтечи) – 29 августа / 11 сентября.

Покров: рассказ о «вымаливании» мужа в Покров Богородицы. *ФА СГУ*, АФ 03234-3. Чупрова Фекленья Ананьевна, 1926 г.р., с. Трусово; зап. Т.С. Каневой в 2007 г. Расш. Т.С. Каневой. Покров Пресвятой Богородицы – 01/14 октября.

Ледостав:

- **«Долго когда она встать не может...»:** поверье. *ФА СГУ*, АФ 03391-9. Семенова Марина Ивановна, 1970 г.р., д. Черногорская; зап. А.В. Афанасьевым, Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Д.И. Шомысовым в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.
- **«А когда река встанет...»:** поверье. *Публ. по:* Канева, № 65. Рочева Марфа Петровна, 1933 г.р. (урож. с. Трусово), д. Рочево; зап. А.И. Васкул, Ю.Н. Ильиной в 2008 г.

Рождество:

- **«Раньше в Рождество славили ходили...»:** рассказ о христославлении, рождественская молитва «Христос рожаитсе...» (ирмос, тропарь и кондак в устном народном распеве) и приговор поздравляющих: *ФА СГУ*, АФ 0338-10, 11. Тороповы Иван Федорович, 1903 г.р. (урож. д. Росвино) и Ульяна Васильевна, 1906 г.р.; зап. А.А. Бильчуком, Т.С. Каневой, Е.В. Пономаревой в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой. Рождество Христово – 25 декабря / 07 января.

– **«В Рождество скут сочни...»:** рассказ о христославлении и загадывании на имя мужа. *ФА СГУ*, АФ 03234-33. Чупрова Фекленья Ананьевна, 1926 г.р., с. Трусово; зап. Т.С. Каневой в 2007 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«Со звездой робята ходят...»:** рассказ о христославлении, исполнении коляды и виноградьа. *ФА СГУ*, АФ 0330-02. Поздеева Клавдия Ивановна, 1907 г.р., с. Хабариха; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1987 г. Расш. Т.С. Каневой.

Коледа-моледа: колядка. *Расш. аудиопубликации:* Русский народный хор села Усть-Цильма: Грампластинка. «Мелодия», 1973 (СМ 03381-82). № 11. Исполняет хор женщин, запевала – Марфа Николаевна Тиранова, 1919 г.р.; зап. Ю.Е. Красовской в 1972 г. Расш. Т.С. Каневой.

Виноградье: «виноградье девье» (величальная песня девушке). *Публ. по:* Ончуков 1908, № 21. Чупров Иван Алексеевич; зап. Н.Е. Ончуковым в 1902 г. Первая строка повторяется после каждого стиха.

Приговор заре. *ФА СГУ*, АФ 03395-80. Вокуева Агафья Дементьевна, 1953 г.р. (урож. д. Сергеево-Щелья), с. Усть-Цильма; зап. Т.С. Каневой в 2016 г. Расш. Т.С. Каневой.

Молчаная вода:

– **«Молчану вóду надо на зари...»:** рассказ об избавлении коровы от сглаза с помощью молчаной воды и приговор. *ФА СГУ*, АФ 03354-58. Вокуева Татьяна Ананьевна, 1920 г.р. (урож. д. Едома), с. Усть-Цильма; зап. Л.В. Ангеловской, Ю.Н. Ильиной в 2012 г. Расш. Т.С. Каневой. ... *тридевятъ, три раза по девять напониз чёрпашь, нáлево до девяти раз считашь, а девята – это моя; тридевятъ занесла:* особый счетный способ набирания воды, при котором вода в емкость (ковш) зачерпывалась из реки в 3 подхода по 9 раз, каждые 8 раз вода выливалась обратно в источник, и только из каждого 9-го ковша воду переливали в емкость, и именно ее использовали в качестве магического средства. Зафиксирован приговор, сопровождавший это действие: «Не первой, не другой, не трéтьей, не четвёртой (это всё не в ведро), не пятой, не шестой, не седьмой, не восьмой, а девятой» (*ФА СГУ*, АФ 03357-77. Булыгина Анна Михайловна 1929 г.р., с. Усть-Цильма; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2013 г. Расш. Т.С. Каневой).

– **«Она [мать] заболет...»:** рассказ о набирании молчаной воды и приговор водяному. *Публ. по:* Канева, Кох, № 7. Евсюгина Соломида Ивановна, 1921 г.р., д. Филиппово; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2007 г.

– **«Молчаная-то вода...»:** рассказ об избавлении ребенка от сглаза с помощью молчаной воды и приговор. *ФА СГУ*, АФ 03170-36. Горбачева Анна Семеновна, 1939 г.р., с. Замежная; зап. А.И. Васкул, Т.С. Каневой в 2005 г. Расш. Т.С. Каневой.

Как с гоголя вода: приговор при обливании в бане. *ФА СГУ*, АФ 03115-11. Макаревич (урожд. Торопова, д. Росвино) Анна Семеновна, 1929 г.р., г. Сыктывкар; зап. Т.С. Каневой в 1992 г. Расш. Т.С. Каневой.

РАНЬШЕ БОЛЕ ЧУДЕСОВ БЫЛО

Пятна на луне:

– **«Там эти, девушка да мальчик...»:** этиологический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03354-47. Вокуева Татьяна Ананьевна, 1920 г.р. (урож. д. Едома), с. Усть-Цильма; зап. Л.В. Ангеловской, Ю.Н. Ильиной в 2012 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«Слыхала у людей-то...»:** этиологический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03187-40. Чупрова Екатерина Карповна, 1908 г.р., д. Загривочная; зап. Т.С. Каневой, В.В. Головиным в 2006 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«Это, значит, говорили...»:** этиологический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03302-12. Томилов Иван Ефимович, 1938 г.р. (урож. д. Росвино), с. Усть-Цильма; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Е.В. Прокуратовой в 2009 г. Расш. Т.С. Каневой.

Небо открылось: биографический рассказ. *ФА СГУ*, АФ 03406-67: Дуркина Марфа Ананьевна, 1934 г.р., с. Трусово; зап. А.В. Афанасьевым в 2017 г. Расш. А.В. Афанасьева, Т.С. Каневой. (*Дорожка*) *садна́* – тяжелая, трудная. *Кильпишки* – возможно, от: пилькушки, пилькуш(к)а – керосиновая лампа без стеклянного колпака.

Свержение демонов:

– **«В Псалтыри написано...»:** этиологическая легенда. *Публ. с изм. по:* Ильина и др., № 1. Осташова Анна Карповна, 1931 г.р. (урож. д. Карпушовка), д. Рочево; зап. Ю.Н. Ильиной в 2007 г.

– **«Вот эти домовы...»:** этиологическая легенда. *ФА СГУ*, АФ 0368-17. Кислякова Ульяна Ивановна, 1916 г.р., п. Новый Бор; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1988 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«Как бесей нет?»**: этиологическая легенда. *ФА СГУ*, АФ 03363-59. Поташова Наталья Ивановна, 1924 г.р. (урож. д. Лёвкинской), д. Скитская; зап. Л.В. Ангеловской, Ю.Н. Ильиной в 2014 г. Расш. Т.С. Каневой.

Дедушко-суседушко:

– **«Это было уже давно...»**: быличка и приговор домовому перед ночлегом. *ФА СГУ*, АФ 03115-6. Макаревич (урожд. Торопова, д. Росвино) Анна Семеновна, 1929 г.р., г. Сыктывкар; зап. Т.С. Каневой в 1992 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«Домовой, всё говорят, в каждом доме есть...»**: быличка. *ФА СГУ*, ВФ 0303-XX. Чупрова Екатерина Карповна, 1908 г.р., д. Загривочная; зап. Л.В. Ангеловской, Н.А. Михейченко в 2005 г. Расш. Т.С. Каневой. *Дедю* – дядю (дядя).

– **«Я вот помню, у нас отец...»**: рассказ о том, как «сдавали» домовому лошадь, и приговор. *ФА СГУ*, АФ 0341-27. Чупрова Мария Николаевна, 1918 г.р. (урож. с. Усть-Цильма), п. Синегорье; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1988 г. Расш. Т.С. Каневой.

Лешачиха на озере:

– **«Водяной, водяна...»**: быличка. *Публ. по:* Канева, Кох, № 77. Поздеева Афимья Васильевна, 1918 г.р., п. Синегорье; зап. А.А. Бильчуком, Т.С. Каневой в 1988 г.

– **«Там за рекой жили...»**: быличка. *Публ. по:* Канева, Кох, № 79. Овчинникова Мария Дементьевна, 1909 г.р., с. Усть-Цильма; зап. А.Н. Власовым в 1984 г.

Лешачиха в лесной избушке: быличка. *Публ. по:* Канева и др., № 44. Поташова Анна Павловна, 1936 г.р. (урож. д. Ильинки), д. Загривочная; зап. Ю.Н. Ильиной, Д.И. Шомысовым в 2016 г. *С учительницей ходил* – дружил.

Охотник на Мыле: быличка. *Публ. по:* Канева и др., № 46. Бобрецов Мин Степанович, 1937 г.р., с. Трусово; зап. Ю.Н. Ильиной в 2007 г.

Избушка на дороге леших: быличка. *Публ. по:* Канева и др., № 50. Михеева Зинаида Андреевна, 1934 г.р. (урож. д. Лёвкинской), д. Скитская; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2014 г.

И Бог есть, и лешаков полно: быличка. *Публ. с изм. по:* Канева и др., № 67. Евсюгина Соломида Ивановна, 1921 г.р., д. Филиппово; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2007 г. *У Рочевых* – в деревне Рочево. *От/у Трусовых* – от/у села Трусово. *К Филипповым* – в деревню Филиппово. *Святые вечера* – в народном календаре период от Рождества Христова до Крещения / Богоявления Господня (25 декабря / 07 января – 06/19 января). Он – нечистая сила, черт.

Обмененный ребенок: бывальщина. *ФА СГУ*, АФ 03369-17, 19. Михеева Акулина Андреевна, 1935 г.р. (урож. д. Лёвкинской), д. Скитская; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2014 г. Расш. Т.С. Каневой. *Басловесь* – благословясь.

Мнимые мужья: бывальщина. *ФА СГУ*, АФ 03369-28. Михеева Акулина Андреевна, 1935 г.р. (урож. д. Лёвкинской), д. Скитская; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2014 г. Расш. Т.С. Каневой. *Баслови* – благослови.

Повитуха у жены лешего: бывальщина. *АКФ МГУ*, 4-6-1978, тетр. 88 (5), № 12, с. 2068-2071. Ружайская Акулина Илларионовна, 1927 г.р., д. Мыла; зап. В.А. Чистяковым в 1978 г.

Гадание у бани: бывальщина. *АКФ МГУ*, 4-6-1978, тетр. 88 (5), № 14, с. 2073. Ружайская Акулина Илларионовна, 1927 г.р., д. Мыла; зап. В.А. Чистяковым в 1978 г. *Святые вечера:* см. прим. к: «И Бог есть...».

Медведи-овёртыши: бывальщина. *Публ. с изм. по:* Канева, Шомысов 2015а, № 35. Попова Елена Иосифовна, 1932 г.р. (урож. д. Савино), д. Мыла; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г. *У Савыных* – в деревне Савино.

Оборотень: быличка. *Публ. по:* Канева, Шомысов 2015а, № 2. Ананина Фатина Трифионовна, 1939 г.р., Осташов Евдоким Трифионович, д. Рочево; зап. Т.С. Каневой в 2007 г. *У Филипповых* – в деревне Филиппово.

Обретение клада:

– **«Вот слыхала...»**: бывальщина. *ФА СГУ*, АФ 03371-102. Карманова Анна Тимофеевна, 1928 г.р., д. Степановская; зап. В.В. Головиным, Т.С. Каневой в 2014 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **«Я не так давно здесь у кого-то слышала...»**: бывальщина. *ФА СГУ*, АФ 03408-88. Чупрова Вера Николаевна, 1956 г.р. (урож. д. Загривочной), с. Усть-Цильма; зап. Т.С. Каневой в 2017 г. Расш. Т.С. Каневой.

Гадание у проруби:

– **«Со Спиридова дни...»**: рассказ о правилах гадания (выслушивания) на перекрестке дорог. *ФА СГУ*, АФ 0341-11. Чупрова Мария Николаевна, 1918 г.р. (урож. с. Усть-Цильма), п. Синегорье; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1988 г. Расш. Т.С. Каневой.

– **Три девки у пролуби...**: бывальщина о гадании-выслушивании у проруби с традиционным мотивом предсказания гибели из-за нарушения правила гадания. *ФА СГУ*, АФ 03187-23. Чупрова Екатерина Карповна, 1908 г.р., д. Загривочная; зап. Т.С. Каневой, В.В. Головиным в 2006 г. Расш. Т.С. Каневой.

На девятом за́колье: быличка о гадании-выслушивании (узнавании места, куда гадающая выйдет замуж). *ФА СГУ*, АФ 03314-17. Дуркина Марфа Ананьевна, 1934 г.р., с. Трусово; зап. Л.В. Ангеловской, А.И. Васкул, Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2011 г. Расш. Т.С. Каневой.

Топтание шеликанов: рассказ о крещенском обычае – топтании (изгнании, уничтожении) святочных духов (шиликунов / шеликунов / шуликунов и т.п.). *ФА СГУ*, АФ 03187-18. Чупрова Екатерина Карповна, 1908 г.р., д. Загривочная; зап. Т.С. Каневой, В.В. Головиным в 2006 г. Расш. Т.С. Каневой. О подобном обычае, но приуроченном к страстному четвергу, сообщил Н.Е. Ончуков в начале XX в.: «В Страстной Четверг печорцы гоняют плетью и палками верхом на лошадях шишков» (Ончуков Н.Е. Былинная поэзия на Печоре // Живая старина. 1902. Вып. 3-4. С. 376). *Святые вечера*: см. прим. к: «И Бог есть...».

Чёрный ком: суеверный рассказ. *Публ. по*: Канева, Кох, № 67. Чуркина Евдокия Абрамовна, 1948 г.р., д. Степановская; зап. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2014 г.

ЗАПЕВАЙ-КО СЕ, МОЯ ЛЮБЕЗНÁЯ

Вдоль по бережку sproхаживала: посидочная припевка. *Публ. по*: ТПИФУЦ, № 25а. Булыгина Ольга Ивановна, 1933 г.р., Чупрова Кристина Петровна, 1924 г.р., Ермолина Ирина Яковлевна, 1930 г.р., Булыгина Анна Михайловна, 1929 г.р., Булыгина Александра Матвеевна, 1926 г.р., Канева Варвара Васильевна, 1925 г.р., Шишелова Василиса Яковлевна, 1925 г.р., с. Усть-Цильма; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1989 г.

Пошла в тонец: хороводная игровая («горочная») песня (фр.). *Публ. по*: ТПИФУЦ, № 12. Чупров Кирилл Матвеевич, 1913 г.р., Чупрова Полина Кирилловна, 1924 г.р., Булыгин Ананий Иванович, 1922 г.р., Булыгина Александра Григорьевна, 1922 г.р., Тиранова Марфа Николаевна, 1919 г.р., Палкина Анна Лазаревна, 1919 г.р., Чупрова Федосья Ивановна, 1928 г.р., Семенов Иван Филиппович, 1918 г.р., Семенова Ирина Павловна, 1920 г.р., с. Усть-Цильма; зап. А.Н. Власовым, З.Н. Мехреньгиной в 1987 г.

Запевай-косе, моя любезнÁя: лирическая протяжная песня. *Публ. по*: ТКУЦ ЛП, № 27. Хозяинова Варвара Ивановна, Дуркина Марфа Павловна, Малышева Агафья Михайловна, Носова Людмила Емельяновна, Кириллова Екатерина Сергеевна, Чупрова Дарья Яковлевна, 1925 г.р., Поздеева Татьяна Ивановна, Поздеев Федор Матвеевич, п. Новый Бор; зап. в 1982 г.

Девка пó саду гуляла: посидочная припевка (фр.). *Публ. по*: ТПИФУЦ, № 40. Шишелова Матрена Кирилловна, 1917 г.р., Малышева Анастасия Ивановна, 1920 г.р., Поздеева Акулина Сергеевна, д. Мыза; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1987 г.

Выходила сѣдни мамонька: лирическая протяжная песня. *Публ. по*: ТКУЦ ЛП, № 36. Семенов Иван Филиппович, 1918 г.р., Семенова Ирина Павловна, 1920 г.р., Носова Александра Афанасьевна, 1921 г.р., Чупрова Федосья Ивановна, 1928 г.р., с. Усть-Цильма; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1986 г.

Распроклятая машина: посидочная припевка. *Публ. по*: ТПИФУЦ, № 29. Осташова Анна Васильевна, 1916 г.р., Горбачева Анна Семеновна, 1939 г.р., Мяндина Евдокия Малафеевна, 1927 г.р., Новикова Роза Савельевна, 1936 г.р., Чуркина Анна Михайловна, 1930 г.р., с. Замежная; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1987 г.

Вдоль по крутому славному бережочку: лирическая протяжная песня. *Публ. по*: ПП, № 18. Ермолин Никита Федорович, 1885 г.р., с. Трусово; зап. Н.П. Колпаковой в 1955 г.

Со Буянова славна острова: лирическая протяжная песня. *Публ. по*: ТКУЦ ЛП, № 5. Семенов Иван Филиппович, 1918 г.р., Семенова Ирина Павловна, 1920 г.р., Носова Александра Афанасьевна, 1921 г.р., Чупрова Федосья Ивановна, 1928 г.р., с. Усть-Цильма; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1986 г.

Из-за лесу тёмного: лирическая протяжная песня. *Публ. по*: ТКУЦ ЛП, № 34. Осташова Федосья Федотовна, 1903 г.р., Осташова Акулина Федотовна, 1905 г.р., с. Замежная; зап. А.А. Бильчуком в 1989 г.

Во горенке во новой: посидочная песня (припевка). *Публ. по*: ТПИФУЦ, № 38а. Семенова Ксения Константиновна, 1927 г.р., Семенова Ирина Ивановна, 1927 г.р., Лагеева Ольга Васильевна, 1927 г.р., Михеева Елизавета Ивановна, 1923 г.р., Семенова Агафья Афанасьевна, 1927 г.р., Семенов Владимир Федорович, 1930 г.р., д. Черногорская; зап. А.А. Бильчуком, Т.С. Каневой, Е.В. Пономаревой в 1987 г.

Берёзка раскудрявая: лирическая песня. *Публ. по*: ТКУЦ ЛП, № 91. Поздеева Матрена Филипповна, 1913 г.р., Керимова Вера Григорьевна, 1923 г.р., Торопова Федосья Степановна, 1924 г.р., Осташова Клавдия Ефимовна, 1926 г.р., Райдер Акулина Ефимовна, 1927 г.р., Томилова Анна Федоровна, 1928 г.р., Торопова Лукерья Артемьевна, 1928 г.р., Черняева Александра Павловна, 1930 г.р., д. Медвежка; зап. А.А. Бильчуком, Т.С. Каневой, Е.В. Пономаревой в 1987 г.

- Во слободке во новой:** лирическая песня. Публ. по: ТКУЦ ЛП, № 33. Михеева Анна Ананьевна, 1907 г.р., Капустенко Анастасия Евдокимовна, 1915 г.р., Мяндина Ксения Ананьевна, 1919 г.р., д. Степановская; зап. З.Н. Мехреньгиной в 1987 г.
- Дороженька:** лирическая протяжная песня. Публ. по: ТКУЦ ЛП, № 1. Чупров Илларион Еремеевич, 1912 г.р., Чупрова Ксения Малафеевна, 1930 г.р., Чупрова Федосья Ивановна, 1928 г.р., Исаева Фаина Афана-сьевна, 1931 г.р., с. Усть-Цильма; зап. в 1988 г. в Доме культуры.
- «**Боровская-то деревня...**»: частушка. ФА СГУ, АФ 03431-Х. Балан Елена Павловна, 1967 г.р., Кириллова Агафья Филимоновна, 1950 г.р., Чупрова Оксана Егоровна, 1954 г.р., Чупрова Федосья Михайловна, 1947 г.р., Чуркина Агафья Андреевна, 1966 г.р., Шалашова Наталья Леонтьевна, 1949 г.р., д. Боровская; зап. Л.В. Ангеловской, А.И. Дубравиной, Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой в 2019 г.
- «**Не ходи, не стукайся...**»: частушка. ФА СГУ.
- «**А не Гáревски бы кочки...**»: частушка. Публ. по: СЗГ, № 52. Чупрова Наталья Ивановна, 1972 г.р., с. Усть-Циль-ма; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**Гáрево-то не деревня...**»: частушка. Публ. по: СЗГ, № 82. Чупрова Вера Николаевна, 1956 г.р., с. Усть-Циль-ма; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**“Чéйно бат”, да “чéйно бат”...**»: частушка. Публ. по: УЦЧ, № 20. Мяндина Марфа Васильевна, 1926 г.р., с. Замежная; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**Цильма вьётся...**»: частушка. Публ. по: ЧЗСВ, № 1446. Торопова Марфа Акинфоровна, 28 л., Осташова И.М., 26 л., д. Рочево; зап. З.И. Власовой в 1955 г.
- «**Ой, цилёмски-то ребята...**»: частушка. АКФ МГУ 4-6-1978: тетр. 1 (84), с. 1573 № 68. Запись сделана А.Н. Лебедевым, Ф.М. Селивановым на свадьбе в с. Трусово в 1978 г.
- «**Усть-цилёмски девки мелки...**»: частушка. Публ. по: СЗГ, № 68. Истомина Февруса Ермиловна, 1928 г.р., д. Филиппово; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**Пароходики идут...**»: частушка. Публ. по: СЗГ, № 59. Осташова Зоя Ивановна, 1931 г.р., с. Трусово; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**Дует ветер...**»: частушка. Публ. по: УЦЧ, № 21. Мяндина Марфа Васильевна, 1926 г.р., с. Замежная; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**Усть-цилёмские ребята высоко себя ведут...**»: частушка. ФА СГУ, АФ 03337-29.2. Осташова Ирина Ива-новна, 1961 г.р., д. Сергеево-Щелья; зап. Т.С. Каневой, С.С. Мусановой в 2012 г.
- «**Усть-цилёмские ребята знают, с кем знакомиться...**»: частушка. Публ. по: УЦЧ, № 24. Поздеева Пелагея Тарасовна, 1927 г.р., д. Филиппово; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.
- «**Усть-цилёмские ребята очень форсоватые...**»: частушка. Публ. по: ЧЗСВ, № 1389. Поздеева Т., 17 л. и др. девушки, с. Усть-Цильма; зап. Н.П. Колпаковой в 1955 г.
- «**Что по Тобышу-реке...**»: частушка. Публ. по: ЧЗСВ № 1559. Носова Т.Е., Рочева М. и др. девушки 19-20 л., д. Филиппово; зап. Н.П. Колпаковой в 1955 г.
- «**Дайте крашеную лодочку...**»: частушка. Публ. по: ЧЗСВ, № 1528. Носова А.Я., 16 л., Носова А.Я., 22 л., с. Тру-сово; зап. З.И. Власовой в 1955 г.
- «**Мы с милёнком расставались...**»: частушка. Публ. по: ЧЗСВ, № 1552. Носова Т.Е., Рочева М. и др. девушки 19-20 л., д. Филиппово; зап. Н.П. Колпаковой в 1955 г.
- «**Вы прощайте, сани-дровни...**»: частушка. Публ. по: СЗГ, № 91. Мяндина Анастасия Степановна, 1916 г.р., с. Усть-Цильма; зап. ДЦ «Гудвин» в 2000 г.

Примечания к фотоснимкам

Автор основного корпуса снимков – А.В. Афанасьев; фото сделаны на Печоре в 2010–2020 гг.

Фото на с. 38–39: автор – Е.В. Прокуратова (Фотофонд ФА СГУ).

Фото на с. 126: автор – Т.С. Канева.

Фото на с. 199 (вставка из рукописи): автор – Е.В. Прокуратова (Фотофонд ФА СГУ).

Фото на с. 200–201: © Eric Vascega / Фотобанк Лори / Nature Picture Library.

Словарь диалектных
слов

Словарь диалектных слов¹

- Ала́быш, ола́быш – удар, шлепок.
Ба́бить – принимать роды, лечить.
Ба́йна – баня.
Ба́енник – банник, дух бани.
Баско́й – красивый.
Бат – вводное слово, которые может указывать на вероятность / возможность действия (наверное, бывает, может, возможно), связываться со значением отсылки к источнику информации (расхожее мнение) типа «говорят» или со значением «значит», «стало быть»; усиленная частица.
Берща́тый – разрисованный, узорчатый.
Блад(ой) – млад, молодой.
Вару́й – высокая кочка на болоте.
Верёже́нный – поврежденный, больной.
Внарóк – нарочно, специально.
Вы́рячкать – раздавить, поранить, покалечить.
Гла́дить – растирать тело, массировать.
Гнуть (мать) – выругаться (ругаться) нецензурно.
Гри́ня, гри́дня – покои при княжеском дворе для дружины и приема гостей.
Гру́дка – кусок.
Гря́дка – брус, толстая широкая доска под потолком избы между печью и противоположной стеной; укрепленная горизонтально жердь как ограждение для скота в хлеве.
Гу́зно – седалищная часть тела.
Ез – преграда в реке из кольев, оплетенных прутьями, с промежутками, в которые вставляются ловушки для рыбы.
Еретни́к – колдун.
Ёрдан – иордан, прорубь.
Жура́вый – высокий, стройный.
Завеча́ться – загадывать, произнося магический приговор.
Завёртка – деталь упряжи: гибкий прут, которым крепится оглобля к копылу саней.
Загану́ть – загадать.
Заэ́зить – поставить ез, преграду в реке с ловушками для ловли рыбы.
Зако́лье – деталь изгороди: два кола, вбитые рядом и связанные друг с другом, служащие опорой для жердей.
Зало́житься – закрыть двери на засов (замок).
Заро́д – длинный стог сена, сме́танный между вбитыми в ряд кольями.
Захо́вать – загореться, воспламениться.
Здря́щий, зря́щий – бесполезный, негодный, ненужный.
Зёять – сиять, сверкать.
Зы́бка – подвесная колыбель, люлька.
Зы́бать – качать.
Има́ться – хвататься.
Ка́рбас – большая рыбацья лодка с плоским дном и крытым верхом.
Ка́танцы – валенки.
Кату́шка – ледяная горка для катания.
Кита́йка – хлопчатобумажная ткань.
Кит, киты́ – сено, накрутившееся на копыта овцы.
Кле́тка, клеть – кладовая, чулан.
Кля́стись – ругаться, поминая нечистую силу.
Кокóшник – женский головной убор в виде матерчатой шапочки с завязками сзади.
Коло́да, коло́дина – ствол упавшего дерева.
Кона́ться – просить, упрашивать.
Конóпленицы – рукавицы из конопляной пряжи.
Копы́л, копыло́к – короткий брус, вертикально вставляемый в полозья и служащий опорой для верхней части саней.
Коси́ца – висок.
Кося́вчатый, кося́щатый – с косяками (об окне, двери).
Коше́нина – скошенная, сохнувшая на лугу трава.
Кре́ж – крутой, обрывистый берег реки.
Кудесить – гадать, ворожить.
Кума́ч – хлопчатобумажная, а позднее шелковая ткань красного цвета на мужскую рубаху.
Ла́стовица – деталь мужской рубахи.
Лежн́я, ле́жня – спальня.
Лину́ть – плеснуть (воды, водой).
Лучо́к – прут, дужка, с помощью которой прикрепляется колыбель к шесту (óчепу).
Ма́тица – балка на потолке.
Ме́рша – рыболовный снаряд, вёрша.
Моло́дка – невестка, молодая замужняя женщина.
Моту́щий – распутный, расточительный.
Набро́да, набро́ды – бродяги.
Нако́н – раз.
Напони́з – вниз, по течению.
Наро́к – нарочно.
Непоку́ль – никак.
Ново́й – иной, некоторый.
Ну́жной(ый) – неимущий, бедный.

¹ Толкования приведены преимущественно по: Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л.А. Ивашко. Т.1. СПб., 2003; Т.2. СПб., 2005; Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–1989. Вып. 1–23; СПб.: Наука, 1990–2016. Вып. 24–49. Отдельные словоупотребления соотнесены также со вспомогательными словарями в: БП. Т. 1. С. 583–630; РНБЛ. С. 581–587; Дронова Т.И. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX – XXI вв.). Сыктывкар, 2011.

Обка́тываться – обливаться.
 Обку́ржить – покрыть(ся) инеем (куржакóм).
 Обряжа́ть(ся) – выполнять работу по уходу за скотом.
 Ове́т – обет, обещание.
 Овеща́ться – обещать, давать ответ.
 Оле́нь – грудная кость птицы.
 Опаха́ть – обмести, очищая от пыли, снега.
 Опре́ть – оттаять.
 Ора́ть – пахать.
 Па́волока – чердак.
 Па́рус, па́русья – полотнище из грубой ткани для устройства навеса, закрытия чего-нибудь.
 Перева́ра – пиво, брага, квас.
 Пестри́цы – орнаментированные (пёстрые) вязаные рукавицы.
 Пестру́ха – самка тетерева-глухаря.
 Плёс, плёсо – открытое, прямое, ровное, пустое место (участок реки, берега, суши).
 Побой́ник – нарядный женский головной убор в виде высокого кокошника, заостренного сверху; головной убор невесты.
 Пове́ть – чердачное помещение над хлевом, где хранят сено, веники, инвентарь; сеновал под потолком скотного двора.
 Пovýздынуть, пovýздымать – поднять.
 Погоди́ться – вовремя, кстати оказаться в каком-либо месте; быть, случиться, оказаться.
 По́жня – сенокосное угодье, луг.
 Поза́воні – вне, за пределами чего-либо.
 Помелó – пучок хвойных веток, мочала, насаживаемый на длинную палку.
 По́собь – помощь.
 Потóка – струя воды (дождя), капель, стекающая с крыши по желобу.
 Призо́р – сглаз, порча.
 При́точливый – несчастный, опасный.
 Пробóй – металлическая кованая скоба, дужка для дверного замка.
 Прóлубь – прорубь.
 Пу́тний – разумный, толковый, дельный.
 Росста́ни, росста́нь – развилка дорог, перекресток.
 Рассóха – разветвление реки, ручья или устья реки, ручья; ручей.
 Ря́кать – греметь (о громе); стучать.
 Сечина́ – всякая всячина.
 Си́лья – силки на птиц, животных.
 Сакéгливый – вздорный, branчливый.

Све́ржить, све́ржить – лишить власти, свергнуть.
 Ска́ло – деревянный валик для раскатывания теста.
 Скать – раскатывать тесто.
 Снима́ть – затоплять, покрывать водой.
 Со́чень – тонко раскатанная пресная лепешка.
 Спа́ливать – придавать форму тесту, подбрасывая в специальной посуде.
 Ста́я – хозяйственное помещение, конюшня.
 Страда́ть – косить, убирать сено.
 Стрёщи́ть – скинуть, столкнуть, спихнуть.
 Стря́панцы – валяная обувь без голенищ.
 Субо́й – глубокая с быстрым тесением часть реки, фарватер.
 Суго́н – погоня, преследование; в суго́н – вдогонку.
 Сули́ть – обещать сделать или дать что-либо.
 Та́та, та́тка – отец.
 Того́вотать – делать что-нибудь.
 Тру́бчатый, тру́бчатая коса – коса девушки-невесты, сплетенная из 4-х прядей волос.
 Тя́пать, тя́пнуть – хлопнуть рукой, ударить.
 Тяпыш – удар, шлепок.
 Упа́вый – плавный, красивый.
 Уро́к – порча, сглаз, призор.
 Хвоста́ться – бить друг друга, хлестаться.
 Хро́паться – производить шум.
 Черё́ва – живот, внутренности.
 Чуха́рь – тетерев-глухарь.
 Ша́рнуть – бросить, швырнуть.
 Ша́ры – глаза.
 Шели́кан – нечистый дух, черт.
 Шерсти́ха, шести́ха – лешачиха, русалка, чертовка.
 Шишкó, шишки́ – нечистый дух, черт(и).
 Щё́лья – высокий обрывистый берег реки, чаще каменистый, голый или покрытый лесом.

Метафорические выражения

Бела(я) лебедь – дочь.
 Вито(е) гнездо, золото(е) кольцо – (родной) дом.
 Гора высокая, стена каменная – отец.
 Жалость сердечная – мать.
 Ладó(а) милое(ая), дума крепкая – муж.
 Солнце (красное) – брат.
 Ясен сокол – сын.

Сокращения

Источники

- АКФ МГУ** Архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Балашов** Эпос и духовная лирика Усть-Цильмы в записях Д.М. Балашова: Из собрания Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН: Мультимедийный диск / Сост. Т.С. Канева (отв.), В.П. Кузнецова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2012.
- БП** Былины Печоры / Изд. подгот. В.И. Еремина, В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, А.Ф. Некрылова. Отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М.: Наука, 2001 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1–2).
- ДД** Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Науч. редактирование Т.Н. Бунчук. Нотировки Т.А. Кочневой. Сыктывкар: Изд-во ГОУ ВПО «СыктГУ», 2008.
- Дуркина** Канева Т.С., Ильина Ю.Н. «Пословицы и поговорки» Марфы Ананьевны Дуркиной: устная народная словесность Усть-Цильмы в самозаписи ее носителя // *Palaeoslavica*. Вып. XX (2012). № 2. С. 189–243.
- Ильина и др.** Рассказы цилемских старообрядцев / Подгот. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой, Е.В. Прокуратовой // *Живая старина*. 2010. № 1. С. 59–61.
- Ильина, Канева** «В своих дедов словах мы не можем сомневаться, мы им верим» / Предисл. и публ. Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой // *Живая старина*. 2012. № 2. С. 27–29.
- Канева** Усть-цилемские рассказы о ледоходе (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) / Подгот. Т.С. Каневой // *Palaeoslavica*. Вып. XVIII (2010). № 1. С. 243–268.
- Канева и др.** Канева Т.С., Сомсиков Р.А., Шомысов Д.И. Усть-цилемские «лесные» рассказы (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // *Palaeoslavica*. Вып. XXIV (2016). № 1. С. 190–231.
- Канева, Кох** Канева Т.С., Кох П.А. Усть-цилемские мифологические рассказы о случаях у воды / на воде // *Palaeoslavica*. Вып. XXVII (2019). № 2. С. 163–188.
- Канева, Шомысов 2015а** Канева Т.С., Шомысов Д.И. Усть-цилемские рассказы об оборотничестве (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // *Palaeoslavica*. Вып. XXII. (2015). № 2. С. 259–289.
- Канева, Шомысов 2015б** Явленная Богородица в деревне Нонбург (Республика Коми) / Подготовка текстов Т.С. Каневой, Д.И. Шомысова // *Живая старина*. 2015. № 4. С. 51–53.

Колпакова	Колпакова Н.П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л.: Наука, 1975.
ЛРС	Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л.: Наука, 1973.
Ончуков 1904	Ончуков Н.Е. Печорские былины. СПб., 1904.
Ончуков 1908	Ончуков Н.Е. Печорские стихи и песни. СПб., 1908.
РНБЛ	Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ.ст. и коммент. В.Г. Базанова. М.; Л.: Наука, 1962.
ТКУЦ ЛП	Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни: Научное издание / Сост. Т.С. Канева (отв.), А.Н. Власов, А.Н. Захаров, А.Ю. Кастров, Ю.И. Марченко, З.Н. Мехреньгина, Е.А. Шевченко. М.: ГРЦРФ, 2008.
ТПИФУЦ	А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / Подг. текстов и комментарии А.Н. Власова, З.Н. Бильчук, Т.С. Каневой. Музыкальные расшифровки А.Н. Захарова. Вступит. статья А.Н. Власова, Т.С. Каневой. СПб.: Инка, 1992.
ФА СГУ	Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Усть-Цилемское собрание), г. Сыктывкар
ЧЗСВ	Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З.И. Власова, А.А. Горелов. М.; Л.: Наука, 1965.
СЗГ	Старины забытый голос / Сост. Е.В. Доброхотова. Сыктывкар, 2003.
УЦЧ	Усть-цилемские частушки / Сост. Е.В. Доброхотова; отв. ред. Т.И. Дронова. Сыктывкар, 2004.

Иные сокращения и условные обозначения

[...]	вопросы собирателя, дополнения или пояснения автора расшифровки
ДЦ «Гудвин»	Детский центр «Гудвин», с. Усть-Цильма
Расш.	расшифровка
Фр.	фрагмент

Голоса над Печорой

Иллюстрированная антология усть-цилемского фольклора

Авторы-составители –
Андрей Васильевич Афанасьев, Татьяна Степановна Канева

Автор фотоснимков – А.В. Афанасьев

Дизайн, верстка – Анна Юрьевна Юрьева

Формат 70*100\8 усл. печ.л 46.8

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО "Типография "НП-Принт"

9 785604 465240 >

